

Паутов Виктор Александрович

ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ ОСОБОГО РИСКА

Родился 4 июля 1915 года в селе Лальске Лузского района Кировской области в семье рабочего. Мать — крестьянка. Русский. Член КПСС с февраля 1943 года. В молодости был членом ОСАВИАХИ-Ма, имел значок «Ворошиловский стрелок».

В 1930 году окончил семилетнюю школу в с. Лальске. В 1931 году поступил в строительный техникум в г. Вел. Устюге и окончил его в 1934 году. 1934 — 1936 гг. районный техник-строитель.

С августа 1936 года по октябрь 1938 года — студент Ленинградского института инженеров коммунального строительства.

В сентябре 1938 года по добровольному желанию был призван в Красную Армию и был зачислен на 3-й курс Военно-инженерной академии им В.В. Куйбышева.

Полный курс фортификационно-строительного факультета окончил в январе 1941 года с дипломом военного инженера-строителя, в звании воентехник 1-го ранга.

После войны в 1953 году окончил Высшую военную академию Генерального штаба.

Великая Отечественная война застала меня на строительстве долговременных укреплений на новой границе на территории Прибалтийского военного округа в районе г. Шакяй Литовской ССР в должности главного инженера 78-го строительного участка 210-го УСН (управление начальника строительства).

С первого дня войны и до ее окончания проходил службу в инженерных войсках действующей армии.

При отступлении наших войск 78-й строительный участок выполнял работы по созданию полевых оборонительных рубежей.

13 июля 1941 года по специальному заданию командования УНС-210 начальник 78-го строительного участка военинженер 2 р. Глушко А.П. в с. Топоры Невельского района Калининской области сформировал группу саперов-подрывников для диверсионной деятельности на коммуникациях в тылу противника.

Состав группы: воентехник 1р. Паутов В.А., — командир группы, воентехник 2р. Петров С.П., мл. лейтенант Сергунин И.И., младшие командиры и красноармейцы. Всего 16 человек. Две грузовые автомашины ГАЗ-АА, груженные минами, взрывчаткой и шанцевым инструментом.

При встрече в тылу противника с группой политрука Пенкина С.Д. (тоже из состава 78-го строительного участка) 15 июля 1941 года был организован красноармейский истребительный отряд им. В.Чкалова. Командир отряда — политрук Пенкин С.Д., я — зам. командира, а позднее начальник штаба, воентехник 1р.

Состав отряда пополнялся за счет командиров и красноармейцев разных частей, пробиравшихся к линии фронта. В августе 1941 года в списках отряда насчитывалось 170 человек. Своей боевой деятельностью на основных коммуникациях противника отряд выполнил задание командования УНС-210. Поскольку личный состав отряда в основном был экипирован по-летнему, с наступлением холодов принято было решение о выходе из тыла противника.

В ноябре 1941 года при движении отряда к линии фронта с целью её перехода на отдых в Серезинском районе отряд встретился со 2-й особой партизанской бригадой: командир бригады майор Литвиненко Л.М, комиссар майор Терехов В.И.

Майор Литвиненко Л.М имел широкие полномочия штаба Северо-Западного фронта в мандате, который был выдан комбригу начальником штаба Северо-Западного фронта генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным, предписывалось всем: и военным, и гражданским лицам, находившимся в районе боевых действий бригады, беспрекословно подчиняться комбригу. Литвиненко Л.М. мог в приказном порядке включить чкаловцев в состав бригады, но он предоставил право выбора — рейдировать с ним или переправиться в советский тыл.

Отряд им. В. Чкалова вошел в состав 2-й особой партизанской бригады, командиром отряда назначен я, комиссаром — лейтенант

И.И. Сергунин, С.Д. Пенкин возглавил особый отдел бригады. Политрук М.Л. Воскресенский стал начальником политотдела, П.А. Кумриди — комиссаром штаба бригады,

Вторую половину ноября и весь декабрь 1941 года отряды бригады действовали невдалеке от линии фронта: в Пеновском районе Калининской области и Молвотицском районе Ленинградской области, на дорогах к городам Холм, Торопец, поселку Андреаполь.

В январе–феврале 1942 года глубокий рейд бригады пролегал на запад в направлении к границе с Латвийской ССР. Одной из основных задач бригады была разведка. Собственно, бригада и создана была штабом фронта в разведывательных целях. Штаб бригады располагал мощной радиостанцией, что обеспечивало устойчивую связь со штабом фронта.

Достаточно подробно о боевых действиях отряда им. В. Чкалова и 2-й ОПБ рассказано ленинградским писателем-фронтовиком Н.В. Масловым в книге «Необычный рейд».

В апреле 1942 года по указанию штаба СЗФ бригада в полном составе вышла из тыла противника и расположилась на отдых в д. Буковицы на берегу живописного озера Селигер.

С апреля по июль 1942 года я был начальником штаба 2-й ОПБР. 2-я ОПБР была реформирована в 3-ю ПБР, которая через некоторое время ушла в тыл противника. Командиром бригады стал Герман А.В., который во 2-й ОПБ возглавлял разведку.

В августе 1942 года по специальному запросу я откомандирован партизанским отделом СЗФ в распоряжение начальника инженерных войск Калининского фронта.

С августа 1942 года по июль 1943 года — начальник оперативного отделения штаба 5-й отдельной инженерной бригады специального назначения (ОИБрСН) РВГК.

С августа по ноябрь 1943 года — и.о. начальника штаба бригады. С ноября 1943 года по апрель 1944 года — начальник оперативного отделения и с апреля 1944 года по июнь 1944 года — зам. начальника штаба 5-й ОИБрСН.

В 1942 году бригада подчинялась начальнику инженерных войск Калининского фронта и выполняла следующие задачи:

— устройство и установка миновзрывных заграждений на участках Ржев — Торжок и Ржев — Калинин, общая протяженность 103 км, глубина 32 км;

— устройство заграждений на фронтовых дорогах, протяженностью 260 км;

— действия в тылу противника по разведке дорог, мостов, расположения и передвижения войск врага, подрыв военных объектов (мостов, военной техники, ж. д. эшелонов и т.п.);

— разминирование дорог, участков местности, мостов и населенных пунктов.

В 1943 году части бригады продолжали обеспечивать наступательные и оборонительные действия соединений войск фронта в районах Духовщины, Усвяты, Великие Луки, Невель.

Продолжались боевые действия в тылу противника силами подразделений трёх батальонов инженерных заграждений и приданного бригаде 10-го отдельного гвардейского батальона минеров.

В 1944 году наступательные действия Красной Армии по освобождению оккупированной территории нашей Родины резко изменили характер боевых действий войск фронта, и соответственно, изменились задачи частей бригады, которые от устройства заграждений перешли к инженерному обеспечению общевойсковых и танковых соединений, нацеленных на прорыв обороны немецко-фашистских войск, их преследованию и деморализации тыла противника.

Разминирование дорог, местности и населенных пунктов стало одной из основных задач частей бригады.

С 5 апреля 1944 года бригада была реформирована и стала именоваться 5-й гвардейской мотоинженерной бригадой.

Задачу по сопровождению 1-го танкового корпуса выполнял 4-й отдельный гвардейский мотоинженерный батальон, а 3-го танкового корпуса — 6-й отдельный гвардейский мотоинженерный батальон.

В период сопровождения 1-го и 3-го танковых корпусов 4-й и 6-й гвардейские мотоинженерные батальоны построили 29 мостов, чем обеспечили продвижение наступающих войск фронта. Продолжалось разминирование г. Полоцка.

За период с 7 июля 1942 года по 13 июля 1944 года до перехода бригады на новые задачи минеры бригады, действуя в тылу врага, имели следующие результаты:

— подорвано 5 бронепоездов, 315 ж. д. эшелонов, 5 ж.д. дрезин, самоходные пушки, 2 танка, 203 автомашин, 6 мотоциклов;

— взорвано 49 мостов на полевых и шоссеиных дорогах;

— подорвано 4539 погонных метров железнодорожного полотна, 4080 стыков рельсов, 19 конных повозок с грузом;

— вырезано свыше 10 км телеграфной связи;

— уничтожено около 8 000 и взято в плен 17 немецких солдат и офицеров.

Успешные действия минеров-разведчиков по добыче разведанных и нарушению коммуникаций в глубоком и ближнем тылу противника значительно облегчили наступление наших войск. За время службы в 5-й ОИБрСН моей основной деятельностью была подготовка и организация отправки в тыл противника групп и отрядов подрывников-диверсантов и разведчиков-саперов, руководство их деятельностью в тылу противника в тесном взаимодействии с партизанами.

Переброска в тыл противника осуществлялась пешим порядком, а также самолетами с посадкой на полевые аэродромы партизан или воздушным десантом.

Предварительно саперы проходили подготовку по освоению прыжков с парашютом с самолета У-2 на одном из аэродромов 3-й воздушной армии. Руководили подготовкой летчик подполковник Лазарев и я.

Приказом по 5-й инженерной бригаде от 3 июня 1944 года №012 мне присвоено звание гвардии майора.

С июня по июль 1944 года находился в должности заместителя начальника штаба 10-й штурмовой инженерно-саперной бригады РВГК на Калининском фронте. Командир бригады полковник Кучерук Е.И.

С августа 1944 года по ноябрь 1945 года — начальник штаба 10-й ШИСБр на Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах.

Наличие в составе бригады полка танков-тральщиков, полка танков-огнеметчиков, понтонного парка и батальона ранцевых огнеметов создавало необходимые условия для более успешного выполнения задач инженерного обеспечения боевых действий общевойсковых соединений. Бригада, как правило, придавалась в оперативное подчинение общевойсковых армий, действующих на направлениях главного удара фронта.

В ходе Витебской операции бригада своевременно навела понтонные переправы через р. Западная Двина, обеспечила форсирование реки наступающими частями и приняла непосредственное участие в овладении г. Витебском. За эту операцию 10-й ШИСБр присвоено звание Краснознаменной Витебской бригады.

В дальнейшем боевые действия проходили на территории Латвийской ССР и закончились разгромом Курляндской группировки немецко-фашистских войск.

Противник заблаговременно заминировал порт г. Либава. Вдоль всех причалов были подготовлены специальные колодцы, в которых в вертикальном положении находились авиационные бомбы крупного калибра, объединенные кабелем в единую сеть. Враг не успел при-

вести в действие взрывное устройство. Саперы бригады обезвредили мины, с помощью порталного крана извлекли их из колодцев и погрузили на баржу.

Моряки отбуксировали эту баржу в назначенное им место. Последним пунктом дислокации бригады в Латвийской ССР стал г. Салдус. Здесь в октябре 1945 года 10-я ШИСВКБр переформирована была в 86-ю инженерно-саперную Витебскую Краснознаменную бригаду. Командир бригады — полковник Кучерук Е.И., начальник штаба — я, гвардии подполковник. С личным составом бригады организована боевая и политическая подготовка.

Весной 1946 года подразделения саперов-подрывников бригады под личным руководством гв. подполковника Оаутова В.А. выполнили задание по спасению от ледохода железнодорожных мостов, мостов Главдорупра и Ушосдора Латвийской ССР, находящихся под охраной.

В октябре и ноябре 1945 года части бригады провели работы по сплошному разминированию отдельных районов местности Латвийской ССР. При этом случаев подрыва саперов не было.

В мае 1946 года бригада была передислоцирована в район Старая Русса Новгородской области. Здесь в оперативное подчинение штаба 86-й ИСВКБр поступает 22-я гвардейская стрелковая Рижская дивизия, для выполнения задачи по сплошному разминированию территории Новгородской области. Объединенный штаб возглавлял я.

Прибывшие гвардейцы-общевойсковики имели опыт боевых действий, но не являлись специалистами минно-подрывного дела. Пришлось организовать и провести с ними практические занятия под руководством опытных инструкторов-минеров. Только после этих занятий приступили к работам по разминированию местности. Работы еще осложнялись тем, что бывшая полоса обороны проросла травой, а местами — и кустарником.

К концу июня 1946 года задание по разминированию местности было выполнено. Итоги за период работ с 15 мая по 25 июня 1946 года: разминирована территория в 1942 кв. км, обнаружено и уничтожено: 474 463 мин, 2174065 боеприпасов (в том числе 1 416410 патронов). Работало в среднем 4 075 чел.

За четкую работу объединенного штаба дивизии и бригады, обеспечившую своевременное выполнение государственного задания по разминированию территории Новгородской области, приказом командира 22-й гвардейской стрелковой Рижской дивизии от 25.06.46г. № 084 мне была объявлена благодарность. Командиром дивизии сделано представление о награждении правительственной наградой.

В сентябре 1946 года распоряжением начальника инженерных войск Советской Армии я был отозван из войск в г. Москву и назначен старшим редактором 4-го отдела управления Военного издательства Министерства Обороны.

5-го февраля 1947 года — в распоряжении начальника инженерных войск Советской Армии.

С марта 1947 по февраль 1948 года — начальник штаба 7-й инженерно-саперной Симферопольской бригады и позднее главный инженер 2-й инженерно-строительной бригады (сформированной из 7-й ИСБр). Командир бригады полковник М.Д. Кузнецов. Бригада вела строительство объектов будущего ракетного полигона в Капустинном Яру.

С февраля 1948 года по ноябрь 1951 года работал в штабе инженерных войск Советской Армии, в отделе по изучению и подготовке театров военных действий на должностях:

— февраль 1948 года — апрель 1949 года — старший офицер отдела;

— апрель 1949 года — август 1950 года — зам. начальника отдела;

— август 1950 — ноябрь 1951 года — ВРИО начальника отдела.

С декабря 1951 года — слушатель основного курса Военной академии Генерального Штаба, которую окончил в октябре 1953 года.

С октября 1953 по декабрь 1953 года — в распоряжении начальника 6-го управления Министерства Обороны.

С декабря 1953 года по декабрь 1955 года — начальник 8-го отдела.

С декабря 1955 года по январь 1967 года — начальник 1-го оперативного отдела.

Проходя службу в 6-м управлении, неоднократно принимал участие в мероприятиях, проводимых на Семипалатинском полигоне. Принимал также участие на Тоцких войсковых учениях, проводимых в 1953 году под руководством Маршала Советского Союза Г.К. Жукова с реальным применением ядерного взрыва.

Результаты этих мероприятий использовались при разработке рекомендаций по защите от ядерного взрыва, а также и его применению.

С января 1967 года по 22 сентября 1971 года — зам. начальника штаба Гражданской обороны РСФСР по инженерно-техническим мероприятиям. Начальник штаба генерал-лейтенант Малинин.

Приказом Министра обороны СССР № 01099 от 31 июля 1971 года в звании гвардии полковника в возрасте 56 лет уволен с действительной военной службы в отставку по болезни, с правом ношения военной формы одежды. Моя выслуга лет в Вооруженных Силах составила: календарных — 32 года 9 месяцев, в льготном исчислении — 40 лет.

Партизанский отряд им. В. Чкалова

Партизанский отряд им. В. Чкалова

21 августа 1941 года ночью, в сильную грозу, группа подрывников под командованием В.А. Паугова приблизилась к реке Язница. На шоссе Невель — Клястицы шло интенсивное движение вражеской техники. Под проливным дождем партизаны на конной повозке с подготовленными зарядами взрывчатки въехали на мост. Считанные минуты потребовались опытному саперам....

Пламя взрыва совпало с блеском молнии, а удар — с раскатом грома. Укрывшиеся от непогоды в избе часовые так ничего и не поняли. А утром начальник охраны растерянно объяснял рассвирепевшему полковнику, показывая на небо: «Господин оберст, одна бомба, — и мост капут». Сотни машин и боевой техники вынуждены были стоять у реки несколько суток.

Дина

В результате активных действий минеров на железных дорогах противник усилил охрану и произвел вырубку леса на участках, близко примыкающих к дорогам, чтобы затруднить минерам подход к полотну.

При отправке очередной группы минеров в тыл противника в ее состав был включен вожатый с собакой-диверсантом по кличке Дина. Собака была подготовлена и обучена командиром взвода дрессировщиков старшим лейтенантом Д.С. Волкац 37-го отдельного инженерного батальона миноискателей.

Увидев приближающийся железнодорожный эшелон, вожатый дал команду, и собака, преодолев открытый участок местности, выбежала на полотно дороги, сбросила заряд взрывчатки и благополучно вернулась к вожатому. Пассажирский состав с гитлеровскими офицерами, ехавшими в отпуск, взрывом был пущен под откос. По возвращении в наш тыл собака-диверсант Дина была отправлена в центральную школу военного собаководства под Москву.

Куры-миноискатели

Из освобожденного города Великие Луки выехала машина, в которой находились живые куры. Рядом с водителем сидел офицер 5-го ОИСБрСН. На контрольном пункте машина была остановлена и осмотрена. На вопрос: откуда и куда куры, офицер ответил, что это куры-миноискатели. Машина проследовала дальше.

Награды:

— орден Красного Знамени (приказ Командующего войсками Калининского фронта № 140 от 10 января 1944 года, № 61369 за боевые действия в тылу противника);

— орден Отечественной войны 1-й степени (приказ Командующего 6-й гвардейской армией № 0463 от 30 мая 1945 года, № 57461 за успешное инженерное обеспечение наступления армии);

— орден «Знак Почета» (№528525 в 1968 году по представлению начальника штаба Гражданской обороны РСФСР генерал-лейтенанта Г. Малинина за успешное осуществление инженерно-технических мероприятий по защите населения от оружия массового поражения);

— орден Мужества (указ Президента Российской Федерации от 12 июля 2000 года, № 47636);

— орден Отечественной войны 2-й степени (указ Президиума Верховного Совета от 11 марта 1985 года, № 5082815);

— медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени (от имени Президиума Верховного Совета СССР центральным штабом партизанского движения № 140 от 10 января 1944 года);

— медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.»;

— медаль «За боевые заслуги» (в 1948 г.);

— медали «За безупречную службу в ВС СССР» I степени (в 1959 г.), «Ветеран Вооруженных Сил СССР» (в 1977 г.);

— 12 юбилейных медалей.

Находясь в действующей армии в составе Калининского фронта, принимал участие в освобождении городов Великие Луки и Витебска; в составе 1-го Прибалтийского фронта в освобождении населенных пунктов и городов на территории Латвийской ССР.

В ходе боевых действий партизанского отряда в тылу противника в 1942 году был контужен и ранен.

Семья была многочисленной; рождено 11 детей, я был последышем. До взрослого возраста дожили четыре брата и две сестры. Со-

став семьи к началу войны: Аркадий (1896 г.р., учитель, инвалид-пенсионер, поэтому на войну не призывался); Валентина (1894 г.р., врач); Александр (1902 г.р., лесотехник, освобожден от воинской службы и в войну не призывался); Анна (1908 г.р., учительница); Николай (1912 г.р., зоотехник); Виктор (1915 г.р, военнослужащий).

Брат Николай, будучи офицером, полковым инженером-химиком, погиб смертью храбрых в 1942 году на Ленинградском фронте. Сестра Валентина, работая врачом, пережила весь период блокады в г. Ленинграде. Все члены семьи, кроме меня, уже ушли из жизни.

Перечень публикаций, в которых написано обо мне.

1. Н.В. Масолов. «Необычный рейд». Изд. Политлитературы. Москва, 1972.

2. Составитель Н.В. Масолов. «Не сломленные бурей». Сборник воспоминаний партизан, участвовавших в битве за Ленинград. Воениздат МО СССР. Москва, 1975.

3. И.И. Сергунин. «Давали клятву партизаны». Лениздат. Ленинград, 1985 г.

4. Сборник статей ветеранов инженерных войск Калининского — 1-го Прибалтийского фронта по инженерному обеспечению боевых действий в Великой Отечественной войне. Москва 1990 г., типография военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева.

5. Информационный бюллетень «Памятка истории и культуры Белоруссии». № 1. 1970 г. Минск (на белорусском языке).

6. В. Паутов. «Взрывы на дорогах». Ежедневная газета Ленинградского военного округа «На страже Родины». 26 августа 1971 г. №200 (16019).

7. Н.В. Масолов. «Строчка из послужного списка партизана». Газета «Смена», орган Ленинградского областного и городского комитетов ВЛКСМ 12 марта 1970 г. № 59 (13470).

8. Н. Ворков «Встреча с героем-партизаном» Газета «Северная Правда». Орган Лужского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся. 9 октября 1976 г. № 122 (5737).

Май 2003 г.

Пахомов Игорь Николаевич

Я СКАЗАЛ — ОСТАНУСЬ

Родился в 1928 г. Бывший юнга Черноморского флота. Во флот я попал в 13 лет из беспризорников. В боевых действиях участвовал с 1942г. по 1945г.

Награждён двумя орденами Красного Знамени за № 212397 и № 212398. Эти ордена я получил за участие в десантных операциях на Дунае в составе Сулинской бригады бронекатеров. В обычные дни я был коком, а в бою находился у башенного пулемёта ДШК вторым номером.

В декабре 1944г. в Югославии мы высадили очередной десант, прямо в г. Вуковар. Мы ходили вдоль берега и отвлекали огонь на себя, а потом подавляли огневые точки немцев орудийным и пулемётным огнём. На день мы укрылись у маленькой речушки, напротив города, и помогали десанту орудийным огнём. В полдень мимо нас промчался бронекатер и не вернулся. Нас послали к нему на выручку. Я сидел в это время на камбузе, но, поскольку наверху было тихо, я чтобы не терять время, вылез на палубу набрать картошки. Слева увидел наш БК, который стоял, приткнувшись к берегу. В рубке и в корпусе обнаружил две пробоины, на палубе лежали три трупа. Наш катер стал разворачиваться в обратную сторону, и тут раздался сильный взрыв. Снаряд попал в рубку, из пробоины брызнула кровавая масса с волосами.

Я замер. Катер на полном ходу врезался в затопленный сосновый лес, почти по самую корму. Мотор заглох. Орудийную башню заклинило деревьями. Опомнившись, я побежал к рубке и открыл дверь. На полу лежала большая куча из кусков мяса, рук, ног, и... она шевелилась и ругалась матом. Потом из кучи вылез командир лейтенант Честнов и направился в свою каюту. У него был выбит глаз и ранена рука. Затем поднялся рулевой Иван, у него был также выбит глаз, оторванная у кисти рука висела на коже. У пулемётчика Виктора Несветая одна нога была перебита в двух местах, а вторая оторвана у щиколотки. Сигнальщика Славку разорвало на куски и разбросало по всей палубе. Я побежал к радисту Чугунову, чтобы он передал в дивизион сигнал «SOS», в это время второй снаряд попал в пулемёт и его разнесло вместе с пулемётчиком. Мы были в пяти метрах от взрыва.

Радисту осколок попал между глаз и в колено, моториста ранило в ногу. А мне большой осколок пробил телогрейку от руки до локтя и слегка задел кожу. Немцы ударили из пулемета, и мы все укрылись в новом кубрике. Я взял автомат и спрятался за орудийную башню, а Несветай остался в рубке, он стал кричать и звать на помощь. Я не выдержал, выскочил из укрытия. Несветая я вытащил из рубки и спустился в кубрик, чтобы узнать, что делать дальше. В этот миг третий снаряд попал в башню на рубке, и она разлетелась на части. Там, где я только что лежал, валялись куски.

Было ясно, что оставаться на катере больше нельзя, но и раненых под таким огнём вынести невозможно. «Надо уходить», — сказал командир, но кому-то придётся остаться с ранеными. Все молчали, ждали приказа, кому остаться. Командир задумался, а потом повернулся ко мне и спросил: «Игорь, ты останешься»? Я сказал: «Останусь», — и команда покинула катер под пулемётным огнём. Со мной осталось три тяжело раненных матроса, но поскольку их конечности были оторваны не совсем, а висели на коже, перевязать их было невозможно. Чтобы остановить кровь, им были наложены жгуты, но кровь всё равно сочилась из вены, поэтому им всё время хотелось пить. Сначала я выскакивал на палубу и черпал воду кружкой за бортом, но потом, когда очередная пулемётная очередь прошивала борт у моих ног, я придумал способ черпать воду через иллюминатор.

Но выскакивать наверх всё равно приходилось. Немецкие танки ходили на том берегу, а раненым казалось, что это идут наши катера. Немцы, конечно, заметили, что на катере остались люди. Стали кри-

чать нам, и я подумал, что они решили взять нас в плен. Тем более, что они перестали бить прямой наводкой. Чтобы нас добить, достаточно было одного снаряда в борт, ведь катер был забит боеприпасами и авиационным бензином. Я зарядил два автомата, кроме того, у нас был целый ящик гранат. Я вставил запалы и разложил их по всему катеру.

Сдаваться я не собирался. Потом немцы решили добить нас минами. Через каждые две — три минуты к нам летела мина. Мы слышали, как она летит, и гадали, попадёт или нет, но большинство мин взрывалось в кроне деревьев, и только к вечеру мины стали пробивать крону и ложились у самого борта. Когда стемнело, Иван заметил, что Виктор перестал стонать. Я посветил спичкой и увидел, что он умер — не выдержал боли и сорвал жгуты. Раненых это сильно взволновало, и решили уходить.

Но Иван уже не мог передвигаться по трапу. Тогда стали упрашивать Володю идти за помощью, ему стало, легче, и он мог передвигаться. Мы думали, за лесом будет твёрдая земля, но оказалось, что мы на острове и Володя в темноте заблудился.

Вскоре я услышал шум мотора и увидел проходящий мимо нас катер. Я стал кричать. Мой крик услышал Володя и пошёл на голос. Как только катер подошёл, мы стали вытаскивать Ивана и Володю. Володя очень ослаб в ледяной воде — на дворе был конец декабря.

В штабе Сулинской бригады бронекатеров, я рассказал, что мы там пережили, и командование решило наградить меня орденом Ленина, но потом выяснилось, что его стали давать только вместе с золотой звездой Героя, поэтому меня наградили орденом Красного Знамени. Меня оставляли в штабе, но я упорно просился на катер, и меня направили на БК-232 к лейтенанту Чекадонову. Там не было пулеметчика, и до прихода штатного матроса мне доверили пулемёт. В это время мне было уже 16 лет. Но вот настало время идти на высадку десанта в тыл к немцам. Это было под г. Исторгом в Венгрии. К нам пришёл комбриг, чтобы пожелать нам удачи. Первым делом он спросил у командира: «Как у нас с личным составом»? Командир ответил: «Всё в порядке, только нет пулемётчика, но за него юнга Пахомов».

«Этого юнга я хорошо знаю», — сказал комбриг, а потом спросил у меня, умею ли я стрелять. Я ответил, что умею. «Ну, тогда пальни в горы». Я развернул пулемёт и открыл огонь. Слышу, он кричит: «Хватит! Хватит!» — обрадовался. Потом повернулся к командиру,

махнул рукой и сказал: «Годится». Так я и стал штатным пулеметчиком. Хотя потом пришёл матрос и хотел занять моё место. Но я, прикрываясь именем комбрига, всё же отстоял свой пулемет. На этом катере я участвовал во многих операциях. Попадал на минное поле, и на моих глазах взорвался катер, шедший за нами. Ясно, что мы уже на минах. Было очень неудобно. На этом катере погибло только три человека, те кто был внутри катера. Остальных снесло за борт, и они были спасены. Однажды на нашем катере закончился бензин, и мы пошли на заправку. По дороге заглох мотор, и нас понесло на висящее над водой дерево. Мой пулемёт мог врезаться в него. Я побежал, чтобы развернуть его в другую сторону, но в это время ствол пулемета коснулся дерева, развернулся и выбросил меня за борт в ледяную воду, на на шее у меня был компресс. Я прихватил ангину. Компресс намок и так сдавил мне шею, что я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. На мне телогрейка, тёплые штаны, шапка и сапоги. Всё это намочило и тянуло на дно. Я уже почти терял сознание, когда ноги коснулись дна. Руки освободились, и я смог отжать бинт. Потом на ледяном ветру пришлось выжать одежду, а катер мой в это время сумел завести мотор и ушёл на заправку. Никто и не заметил, что я за бортом. Через час за мной пришёл другой катер. Меня переодели и дали выпить полкружки спирта. К моему удивлению, я не только не схватил воспаление лёгких, но и даже не чихнул. Вскоре мы потеряли командира и рулевого — они были тяжело ранены. К нам пришёл другой командир.

В другой операции были убиты командир дивизиона капитан-лейтенант Савицкий, командир десанта майор Мартынов и рулевой.

Несмотря на потери, мы продвигались вперёд и 10-го апреля подошли к окраине Вены, а 11-го апреля пять бронекатеров приняли на борт десант и на полном ходу ворвались в Вену. Нам предстояло захватить Имперский мост. Немцы, конечно, не ожидали, что среди белого дня мы пойдём на штурм моста, тем более, что оба берега были у немцев. На двух первых катерах были десантники по 50 человек на каждом и три Бк в прикрытии. Наш катер шёл предпоследним. Вскоре у нас вышел из строя второй пулемет, и пришлось вести огонь одному. Несмотря на сильный огонь немцев, мы прорвались к мосту и высадили десант. Мост был уже заминирован, но десантники успели обрезать провода, и мост был спасён. У меня стали застревать от перегрева гильзы в стволе, приходилось выскакивать и выбивать шомполом. Когда мы почти выходили из боя, был подбит последний

катер, пришлось вернуться назад и взять его на буксир. В этой операции были подбиты два катера, два человека убито и четверо ранено.

В эту операцию нас вёл командир отряда Семён Клонавский. Эта была самая дерзкая операция. Многие стали Героями. Только исполнителя С.И. Клоновского обошли, и это несмотря на то, что на середине дороги ему пришла радиোগрамма повернуть назад, но он взял на себя всю ответственность и успешно провёл операцию. Впрочем, авторов этой радиограммы не нашлось, так что командир отряда и юнга получили одинаковые награды. По ордену Красного Знамени. После победы я на трофейных катерах тралил мины. На этих минах четыре катера подорвались. Один во время войны, а три уже после войны. В 1945 г. я окончил учебный отряд и плавал на Балтике, на тральщиках уже матросом ещё четыре года. В 1950 г. специальным указом был демобилизован.

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Науменко Антон Андреевич**, студент 1-го курса Профессонального училища №5 г. Москвы

Петров Георгий Фролович

ЭКИПАЖ ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНИЛ ЦЕНОЙ СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Родился 23 апреля 1922 года в посёлке Глухово Ногинского района Московской области. Русский, православного вероисповедания.

В 1940 году я окончил Глуховскую среднюю школу №1 и одновременно сдал выпускной экзамен в Ногинском аэроклубе, получив при этом звание пилота запаса. В том же году был призван в армию и направлен для прохождения дальнейшей службы на Северный флот в 203-ю роту связи ВВС Северного флота.

В мае 1941 года в соответствии с приказом Наркома обороны СССР как ранее окончивший аэроклуб был направлен на учёбу в Ейское авиационное училище морской авиации, где и встретил начало Великой Отечественной войны.

Через два месяца училище было эвакуировано в г.Безенчук Куйбышевской области. Учёба по лётной специальности для всех курсантов была до конца года временно прекращена в связи с обустройством на новом месте пребывания. Для меня же этот период был продлён ещё на два года в связи с назначением строевым командиром взвода для обучения курсу молодого бойца пребывающих в училище курсантов из числа окончивших аэроклубы в различных городах страны.

Во второй половине 1943 года после личного обращения к начальнику училища я был снова зачислен, но уже не на пилотское, а на

штурманское отделение, которое в основном укомплектовывалось из числа курсантов, имевших полное среднее образование.

В конце апреля 1944 года, после окончания ускоренного курса обучения, в звании младшего лейтенанта был направлен на фронт в состав 15-го ОРАП (отдельного разведывательного авиационного полка) ВВС Балтийского флота в качестве штурмана самолёта-разведчика Пе-2р. Экипаж самолёта был сформирован полностью в училище (лётчик — младший лейтенант Чернов, стрелок-радист — сержант Мосяк).

В действующий авиационный полк, базировавшийся на аэродроме горы Валдай (где командиром был Герой Советского Союза майор Усачёв Филипп Александрович, а штурманом полка — подполковник Шульц), наш экипаж прибыл в первых числах мая 1944 года.

Наш экипаж был зачислен в состав 44-й авиаэскадрильи (командир майор Савченко, штурман капитан Жигалов), и после месячной подготовки (изучение театра военных действий, тактико-технических данных боевых кораблей противника, его военно-морских баз, аэродромов базирования, истребительной авиации и тактико-технических данных самолётов) начались первые боевые вылеты на разведку боевых кораблей, транспортов, судов в открытом море и на военно-морских базах (ВМБ) противника, а также его самолётов, базировавшихся на прибрежных аэродромах. Район полётов охватывал акваторию Финского залива, северную часть Балтийского моря (в радиусе действия самолётов-разведчиков Пе-2р), а также береговую черту территории противника (Финляндия, Эстония, Латвия).

Ввиду сложной метеорологической обстановки в районе Балтийского моря (частые туманы, низкая облачность, ограниченная видимость), полёты, как правило, проходили на небольших высотах (от 100 до 2000 метров) с использованием ограниченных возможностей пилотажного и штурманского оборудования самолётов-разведчиков Пе-2р.

По мере продвижения наших войск на запад и освобождения нашей территории базирование разведывательного полка часто менялось. В основном использовались аэродромы на территории бывших прибалтийских республик в районах городов Таллин, Рига, Шяуляй, Паневежис, Пярну, Паланга. Соответственно с этим и расширялась сфера деятельности самолётов-разведчиков, к концу 1944 года она охватывала среднюю и южную части Балтийского моря и территорию береговой черты, примыкавшую к ним (районы военно-морских баз Лиепая, Мемель, Пиллау, Кёнигсберг, Данциг, Гдыня, Свиномюнде).

Последние вылеты на воздушную разведку в качестве штурмана звена (с апреля по июнь 1945 года) производились с аэродрома Кольберг (Колобжек), находившегося на территории бывшей Германии. Полёты на разведку проводились и после окончания ВОВ, поскольку необходимо было контролировать переходы немецких кораблей (судов), покинувших ВМБ Либавы и пытавшихся уйти в базы, расположенные на территории Швеции.

В общей сложности за время пребывания на фронте (с мая 1944 года по июнь 1945 года) было совершено 180 боевых вылетов на воздушную разведку, в результате которой было вскрыто десятки боевых кораблей противника, транспортов в море, самолетов на вражеских аэродромах, что способствовало их уничтожению ударными силами флота (боевыми надводными кораблями, подводными лодками, ударной авиацией).

После окончания войны 15-й ОРАП перебазировался на аэродром Кагул (о. Эзель, Эстония), а затем на постоянное место базирования аэродрома Мамоново (вблизи г. Кёнигсберга, ныне Калининграда).

В 1947 году с должности штурмана эскадрильи поступил в Военно-воздушную академию на штурманский факультет, которую окончил в 1952 году. По состоянию здоровья пришлось оставить лётную деятельность и перейти на штабную работу.

Первоначально служил в штабе авиации ВМФ, занимаясь вопросами организации воздушной разведки. В 1964 году был переведён на работу в Генеральный Штаб (ГРУ), где занимался теми же вопросами, что и в штабе авиации ВМФ.

В 1978 году по состоянию здоровья ушёл в отставку в звании полковника, но продолжил работу уже в качестве гражданского служащего в одном из НИИ Генерального штаба, занимая должность старшего научного сотрудника. В 1992 году по собственному желанию (из-за ухудшения здоровья) уволился.

За время пребывания на фронте был награждён тремя орденами боевого Красного Знамени. От имени Верховного Совета СССР приказы о награждении подписывал командующий Краснознамённым Балтийским флотом вице-адмирал Трибуц, вручал награды командир полка майор Усачёв Ф.А.

Первый орден боевого Красного Знамени за №195212 получил в октябре 1944 года за успешное выполнение заданий командования по разведке немецких боевых кораблей, транспортов в Финском заливе и в Балтийском море, а также ВМБ и самолётов противника на аэродромах. К этому времени экипаж выполнил более 60 боевых вылетов.

Второго ордена за №195231 был удостоен за успешное выполнение воздушной разведки боевых кораблей и транспортов в открытом море и наведения на них ударных сил флота (подводных лодок, боевой авиации), а также за вскрытие системы ПВО военно-морских баз противника, базирования в них кораблей.

Третьим орденом за №197749 награждён в апреле 1945 года за успешное выполнение разведки ВМБ Свинемюнде (Свинеустье) в сложных погодных условиях, на предельном для самолёта Пе-2р расстоянии от аэродрома вылета (Паланга). Полёт выполнялся по заданию наркома ВМС СССР адмирала флота Кузнецова Г.П.

В мирное время был удостоен орденов: Красной Звезды, «За службу Родине» III степени, «Знак почёта», «Отечественной войны» II степени, а также 17 медалями.

За время службы в Вооружённых силах написано и опубликовано (с 1957 по 1970 год) более 25 статей в газетах «Советский флот», «Красная звезда» и порядка 10 статей в журналах «Военная мысль», «Морской сборник», «Вестник ПВО». Тематика статей касалась вопросов организации и ведения воздушной разведки, состояния сил и средств воздушной разведки, их развития в наших ВС и вооруженных силах вероятного противника. Кроме того, в своё время был подготовлен материал (воспоминания) о военно-воздушной разведке в период войны отдельными экипажами 15-го ОРАП, который в силу ряда обстоятельств не был издан.

Много времени прошло с момента окончания войны, и привести конкретные примеры (эпизоды) о проявленном героизме товарищей по совместной работе в полку сейчас сложно, поскольку человеческая память несовершенна, а специальных записей в период боевых действий делать было некогда. Однако некоторые моменты остались в памяти.

Так, в сентябре 1944 года наш экипаж получил задание на разведку кораблей в южной части Балтийского моря. Погода была очень сложной (низкая облачность 100-500 метров, видимость 2-3 км). Полёт проходил на высоте 400-500 метров. В результате поиска нами было обнаружено более десяти транспортов противника, шедших в охранении боевых кораблей. Получив радиограмму, командование приняло решение послать на уничтожение вскрытых целей ударную авиацию, а нам было дано указание навести на них самолёты-торпедоносцы и проконтролировать результаты удара.

Задачу по наведению мы выполнили, и в ходе контроля за нанесением удара мы визуальными стали свидетелями героического поступ-

ка одного из экипажей самолёта-торпедоносца (командир самолёта капитан Носов). Выполняя заход на один из кораблей, он на подлёте был обстрелян зенитной артиллерией корабля противника, и подбитый самолёт пошёл на таран корабля.

Произошёл страшный взрыв, и корабль начал тонуть. Экипаж самолёта-торпедоносца погиб, но задание выполнил — ценой собственной жизни.

Другой пример из работы нашего экипажа. В начале июля 1944 года, выполняя задание по разведке кораблей в Финском заливе, одновременно мы должны были сбросить агитационные листовки в районе г.Нарва, который находился у немцев. Долетев почти до города, стрелок-радист Мосяк сообщил, что на наш самолёт заходит для атаки с задней полусферы немецкий истребитель Ме-109. Расстояние между нами катастрофически быстро сокращалось. Доложив об этом лётчику, я принял решение сбросить листовки и открыть бомболюк, где они размещались в специальной упаковке. Естественно, для лётчика немецкого истребителя это было полной неожиданностью, и он потерял нас из виду в бумажном облаке на какие-то минуты. Резко потеряв высоту, мы на бреющем полёте (50 метров) ушли от него и благополучно долетели до своего аэродрома. Основное задание было выполнено.

Попов Иван Семенович

ОПОЗНАЛ СВОЙ ТАНК ПО НАДПИСИ

Родился я в 1923 году. Моя жизнь, как и большинства людей моего поколения, трудна. Семья была большая. Кроме меня, было три брата и три сестры.

Не представляю, как мои родители могли содержать такую большую семью. Ведь отец был простым служащим на железной дороге, мать работала в колхозе. И несмотря на это мы все выросли. Старшая сестра закончила перед войной педагогический институт. Я за год до войны поступил в Московский институт химического машиностроения. Мечтал, как и родители, быть инженером.

Война изменила все наши планы. Она застала меня в родном доме. Вспоминаю, как у всех нас, особенно у молодежи, было стремление как можно быстрее попасть на фронт. Думали, что противника наша армия быстро разгромит, а мы не успеем поучаствовать в боях.

Мы добровольно шли в военкомат и просили, чтобы нас мобилизовали в армию. Через неделю после начала войны я был призван в запасной танковый полк в город Воронеж, а через некоторое время зачислен курсантом Орловского бронетанкового училища имени М.В. Фрунзе. Закончил его в мае 1942 года, получив звание лейтенант, и был направлен в 1-й механизированный корпус, который формировался под городом Горьким, на должность командира танка, потом командира взвода.

Но прежде чем прибыть в часть, мы, молодые лейтенанты, около месяца работали на Сормовском танковом заводе. Мы воочию убедились в самоотверженности наших людей, снабжающих фронт оружием. Не только взрослые, но и подростки 14-15 лет собирали и виртуозно испытывали боевую технику перед отправкой её на фронт.

Осенью 1942 года наш механизированный корпус был переброшен по железной дороге на Калининский фронт, под город Белый. С этого времени наступила фронтовая жизнь: Курская дуга, освобождение Украины, Белоруссии, Висло-Одерская, Берлинская операции, штурм города Берлина... Трудно, спустя 60 лет после окончания войны, вспомнить все подробности боев, в которых мне пришлось участвовать. Остановлюсь лишь на некоторых из них, которые остались еще в памяти.

Непосредственно в бой мы вступили в ночь с 25 на 26 ноября 1942 года, когда наш корпус был введен в прорыв, проделанный общевойсковыми соединениями в обороне противника, с задачей к исходу 3-го дня наступления перерезать шоссе Белый-Владимирское и не допустить подхода вражеских резервов к городу Белый. В дальнейшем выйти к реке Днепр и, соединившись с войсками Западного фронта, завершить окружение Оленино-Ржевской группировки противника.

Условия, в которых проходили боевые действия, были очень трудными. Мало благоприятствовала действиям танков местность с большим количеством рек, ручьев, болот и слабо развитой системой дорог, со значительной залесенностью. На направлении действий наших танков противник создал сильно укрепленную оборону, развитую систему дотов, дзотов, минных полей и проволочных заграждений.

Погода была пасмурная, затрудняющая наблюдение за полем боя и противником. Несмотря на это наши танки продвигались вперед, нанося урон противнику не только огнем. Наблюдал, как танк младшего лейтенанта Дворникова А.Ф. с ходу раздавил гусеницами две противотанковые пушки противника.

Двигаясь на высокой скорости, танк, на котором я находился, также уничтожил своими гусеницами артиллерийскую батарею противника. Боевые действия развивались стремительно. Уже через 3 дня танкисты нашего полка совместно с мотострелковыми подразделениями освободили 10 населенных пунктов, продвинулись почти на 60 км и вышли к железнодорожной станции Никитинка, где было захвачено большое количество боевой техники, склады ГСМ и боеприпасов, 2 паровоза, 11 вагонов, уничтожено несколько десятков солдат и офицеров.

К этому времени противник подтянул свежие силы, в том числе и соединения, которые предназначались для переброски под Сталинград, создав значительное превосходство над нашими войсками. Было приказано отойти на исходные позиции. При отходе противнику наносились ощутимые потери. Так, в бою за деревню Дубки только нашими двумя танковыми ротами уничтожено и захвачено 2 противотанковые пушки, 3 орудия 75-мм калибра, минометная батарея, 4 автомашины с грузами, 3 дзота, до 50 солдат и офицеров, склад с боеприпасами.

Но и мы несли потери. Был тяжело ранен командир полка майор Павленко Е. М., потеряно несколько танков, погибло немало личного состава. Отойти на исходные позиции не удалось. Противник ударом по сходящим направлениям создал кольцо окружения вокруг корпуса. Этого можно было избежать, как я полагаю, если бы командование заблаговременно прикрыло фланги участка прорыва и вводимых в него наших войск.

Около 10 дней части корпуса вели бой в окружении, неся большие потери даже от бесприцельного огня противника. Так, одним снарядом были убиты комиссар полка майор Синцов П. Д., начальник штаба полка капитан Куприянов, командиры рот старшие лейтенанты Кузьмин и Калашников, парторг лейтенант Ларионов.

Никакой паники или недостойного поведения не было. Несмотря на то, что противник из мощных репродукторов и листовок призывал нас капитулировать, я не помню, что кто-то последовал бы этому призыву. Оптимизм таких воинов, как упомянутый мною младший лейтенант Дворников, сержант Филиппов и других способствовал поддержанию боевого настроения личного состава.

16 декабря части корпуса вышли из окружения. По мнению командования, своими действиями корпус совместно с другими войсками выполнил одну из важнейших задач. Предотвратили переброс противником значительных сил под Сталинград, где в то время шли ожесточенные сражения.

В 1943 году одним из важнейших событий для меня было участие в Курской битве. 4 августа на рассвете наш полк в составе бригады атаковал оборону противника южнее города Белгорода и за короткое время прорвал несколько его позиций. В ходе стремительного развития наступления мы оказались на краю глубокого оврага, который невозможно было преодолеть танками. На противоположной стороне находилась артиллерия противника. Мы вынуждены были обойти овраг справа, через деревни Казацкое и Стрелецкое,

так или иначе подставив борта своих танков под артиллерийский огонь противника.

В какой-то небольшой промежуток времени несколько танков были подбиты и сожжены. Сгорел и мой танк. Я не помню, как все это произошло. Очнулся во второй половине дня. На лице обнаружил ожоги, не мог встать на левую ногу, сильно болела голова. Вокруг было тихо, стрельба была слышна где-то в отдалении. Подполз к месту нахождения подбитых танков и увидел удручающую картину: несколько сгоревших танков, и большинство из них без башен. Опознал и свой танк по надписи на борту: «Дзержинец». Башня от танка находилась в нескольких метрах от корпуса. Рядом — тело моего радиста Тарасова. Других членов экипажа не обнаружил.

Вернулся в свою часть только вечером, когда подошла наша пехота. После войны узнал, что штабом полка было отправлено сообщение моим родителям о моей гибели. Штаб основывался на показаниях моего механика-водителя, который был тяжело ранен и срочно отправлен в госпиталь.

Немало погибло в этой атаке наших танкистов, среди них командир роты старший лейтенант Грибов. Он пришел к нам из кавалерии. Но мы приняли его как своего. В наших неоправданных потерях виновна в определенной степени и разведка, не предупредившая о препятствии на пути нашего наступления. Артиллерия и авиация должны были бы подавить артиллерию противника на противоположной стороне оврага. Но это не было сделано. После выхода из санбата я вновь принял роту и участвовал в боях за Левобережную и Правобережную Украину.

Отличившихся в боях наших танкистов было немало. Так, при овладении населенными пунктами Красный Луч, Петровка взвод лейтенанта Трофименко И. Д. уничтожил пушку, миномет, артиллерийскую батарею, КП противника, до 25 солдат и офицеров. Лейтенант примерно через неделю после этого погиб, вместе с ним погиб заместитель командира полка по политической части майор Власков Н. М. Это были смелые, грамотные офицеры.

В боях на Украине мы впервые встретились с такими мощными машинами, как «тигр» и «пантера», на которые противник возлагал большие надежды. Но мы быстро нашли способы борьбы с ними, используя прежде всего более высокую маневренность наших танков Т-34 для захода на их фланги и уничтожения их стрельбой по бортам, которые имели более слабую броню.

Вспоминается, как на подходе к одному из опорных пунктов противника внезапно раздались выстрелы и два наших танка были подбиты. Оказалось, что это вели огонь танки противника «тигр». Ответным огнем не удавалось их уничтожить. Было решено продолжать огневую дуэль, а одним танковым взводом скрытно совершить глубокий обход и выйти на фланг противника. Маневр удался. Один вражеский танк был подбит, а один или два ушли.

В 1944 году в Белорусской операции наш корпус входил в конно-механизированную группу генерала Плиева И. А., действующую в составе 1-го Белорусского фронта с задачей: к исходу первого дня выйти в район Вьюнищи, Оземля и своими передовыми отрядами захватить переправу через реку Птичь, на второй день овладеть пунктами Глуша, Глуск, Славковичи, в дальнейшем по обстановке наступать на Бобруйск или на Слуцк.

Местность в направлении наступления корпуса напоминала ту, которая была на Калининском фронте: болотисто-лесистая, с ограниченным количеством дорог. Оборона противника представляла сильно укрепленные позиции, оборудованные инженерно-минными заграждениями.

Наступление началось 25 июня. Наши танковые и мотострелковые подразделения, несмотря на сложные условия, успешно преодолевали упорное сопротивление врага. Рота старшего лейтенанта Волкова А.П. при подходе к населенному пункту Сопейки была обстреляна сильным огнем противника. Не снижая темпа наступления, рота атаковала и заняла противостоящий опорный пункт, уничтожила САУ «фердинанд», несколько противотанковых пушек, 2 автомашины с боеприпасами и до 20 солдат и офицеров. Особо хочется сказать о старшем лейтенанте Волкове. Он не раз отличался и до этого, и в последующих боях. Это исключительно храбрый офицер, с большим боевым опытом. Я не раз получал от него ценные советы и помощь. В одном из боев он был тяжело ранен, потерял ногу. После войны работал на одном из московских заводов.

Танкисты моей роты, действуя в передовом отряде полка, встретили сильный артиллерийский огонь со стороны опорного пункта Балашевичи. Обходом справа и ударом во фланг этот опорный пункт был взят. Уничтожено 2 противотанковых пушки, 3 станковых пулемета, до 60 солдат и офицеров, захвачено 4 пушки. Огнем роты, а также действиями других подразделений полка был воспрещен подход резервов противника и занятие им обороны по реке Птичь, что

способствовало ее преодолению подошедшими подразделениями бригады.

По мнению командования, успешно справились с поставленной задачей танкисты моей роты — и в боях за переправы через реку Птичь, и в захвате города Городок. Отмечались отличные действия старших лейтенантов Рыжкова и Рысевца.

Особенно отличился экипаж младшего лейтенанта Рафиева. За день боя он уничтожил до 50 солдат и офицеров, 1 САУ «фердинанд» и другую военную технику. Танк Рафиева был подбит, но экипаж самостоятельно его восстановил, и он продолжал боевые действия. За боевые действия в районе опорного пункта Балашевичи и преодоление реки Птичь я был удостоен ордена Красного Знамени. Правительственными наградами были награждены и многие танкисты.

В боях за переправу через реку Птичь погиб командир роты капитан Хорощенко. Он прибыл в часть перед самым началом наступления, но за короткое время вызвал к себе уважение своим поведением и боевым мастерством. Наступление частей нашего корпуса, как и других войск, развивалось стремительно. Уже через 6 дней (30 июня) после начала операции был освобожден город Слуцк, 10 июля — город Слоним, а к концу июля части корпуса вышли к государственной границе — к реке Западный Буг.

С 25 июня по 29 июля части корпуса прошли с боями 950 км, освободили 1150 населенных пунктов, уничтожили более 10 тысяч солдат и офицеров врага, более 200 танков, около 500 орудий и минометов, тысячи автомашин. И в этом немалая заслуга танкистов нашего полка.

1945 год для нас начался с участия в Висло-Одерской операции. 1-й механизированный корпус имел задачу наступать в общем направлении Жирардув, Сохачев и отрезать пути отхода противника из Варшавы, а в последующем действовать в западном направлении, своими передовыми отрядами участвовать в захвате переправ через реку Одер северо-западнее города Кюстрин. Многочисленны были подвиги танкистов нашего полка, как и других частей корпуса, в этой операции. Они стремились как можно быстрее достичь логова фашистов — Берлина.

Сразу же после ввода корпуса в прорыв подразделения нашего полка вступили в бой с противником и стремительно продвигались вперед, уничтожили немало его живой силы и боевой техники. Так, в районе населенных пунктов Курчаво-Весь, Паберовице было уничто-

жено до 350 солдат и офицеров, 2 пушки, захвачено 150 солдат и офицеров и 3 пушки.

На следующий день в районе железнодорожной станции Жирардуд танкисты полка уничтожили 4 тяжелые пушки, 40 повозок с грузами, 3 тягача, до 120 солдат и офицеров, захвачено 6 автомашин с грузами, взято в плен 46 солдат и офицеров. Особенно отличились в этих боях экипажи младшего лейтенанта Колосова и Собокаря. Командованием были отмечены активные действия моей роты. Решительными действиями танковых рот нашего полка в районе южнее населенного пункта Сероки была разгромлена колонна немцев, идущая по шоссе из Варшавы. Уничтожено 60 автомобилей, одна пушка, обоз из 50 подвод, убито до 350 и захвачено в плен 170 солдат и офицеров. Особенно активно действовали взводы лейтенантов Черного и Прохорова.

В ходе дальнейшего наступления в районе Смогулец танкистами полка был освобожден лагерь военнопленных американцев и англичан численностью до 1200 человек.

Успеху боевых действий танковых подразделений, как в этой, так и в других операциях способствовало применение таких боевых порядков, которые наилучшим образом соответствовали обстановке. Часто применялся фронтальный удар, когда танки на большой скорости продвигались вперед, уничтожая противника огнем и гусеницами. Танковые подразделения применялись и для обхода опорных пунктов противника, и для удара по его флангам и тылу. Нередко танковые подразделения действовали в передовых отрядах.

В такой передовой отряд от бригады 4 февраля была выделена танковая рота, которой было передано 70 автоматчиков и две 76 — мм пушки. Командовать передовым отрядом было приказано мне. Задача — ночным броском выйти к населенному пункту Цеден, захватить в этом районе переправу через реку Одер и не допустить перехода противника на противоположный берег. Было ясно, что надо упредить противника в организации обороны в районе указанной переправы. Поэтому движение совершалось в высоком темпе.

Оно началось в 17:00, 4 февраля. На пути к конечной цели, в районе Вальберг, был захвачен аэродром с оборудованием и 40 взорванных немецких самолетов. К 6:00 следующего дня, пройдя около 30 км, передовой отряд вышел к населенному пункту Цеден.

На большой скорости мы устремились через населенный пункт к переправе. Несмотря на ожесточенные попытки противника уничто-

жить передовой отряд, понесенные значительные потери в личном составе и боевой технике, удалось захватить и удержать переправу до подхода главных сил бригады.

Спротивление противника было окончательно сломлено, и ему была закрыта возможность переправы на западный берег реки Одер. Было захвачено железнодорожное депо с 28 паровозами, два эшелона вагонов, аэродром с капитальными ангарами, мастерские, различные склады, 54 самолета и 10 авиамоторов.

За этот рейд в тыл противника я был награжден орденом Ленина. Различных орденов были удостоены и другие участники.

Этот рейд и бой в районе переправы через реку Одер убедили меня еще раз, как важна своевременная помощь в бою со стороны других частей и подразделений, когда эта помощь крайне необходима. Ведь если бы вовремя не подошли главные силы бригады, то наш передовой отряд был бы полностью уничтожен, и трудно было бы выбить противника из района переправы.

Подразделения нашего полка приняли самое активное участие в отражении контрудара по правому флангу наших наступающих войск так называемой померанской группировки противника. Командованием были отмечены решительные действия экипажей лейтенанта Койкова, Маврина, Дмитриенко, Дудина, Харасова и Прохорова.

Хорошо помню начало Берлинской операции. Ночь на 16 апреля, когда мы стояли на исходных позициях, осветилась несколькими десятками прожекторов, зажженных нашей стороной. Было хорошо видно, как двигались на запад наши танки и пехота. Гром от артиллерийской стрельбы и авиационных ударов невероятен. Завязались ожесточенные бои за овладение Зееловскими высотами, которые имели мощные укрепления. Несмотря на сильное сопротивление противника, наши войска с боями продвигались вперед.

Успешно наступали и танковые подразделения нашего полка. Уже к исходу первого дня ввода в бой танковые роты совместно с другими подразделениями овладели населенными пунктами Ной-Хартенберг, Бацлов, Ригенвальде, уничтожив при этом большое количество живой силы и боевой техники противника. Через два дня был захвачен важный узел шоссе дорог Претцель, а через неделю после начала боевых действий части и подразделения корпуса подошли вплотную к Берлину.

Противник наносил по нашим войскам мощные авиационные удары и вел огонь по танкам как артиллерией, так всеми имеющими-

ся у него противотанковыми средствами. Мы несли там значительные потери.

Не могу вспомнить все конкретные действия наших танкистов при наступлении к Берлину и не располагаю на этот счет архивными данными. Изложу действия только своей роты так, как это указано в представлении меня к званию Героя Советского Союза. В наградном листе отмечалось: «Товарищ Попов, командуя 1 танковой ротой, 18 апреля 1945 года, действуя исключительно смело и дерзко, овладел сильно укрепленным пунктом обороны противника Рингенвальде, при этом лично уничтожил 2 средних танка, 1 тяжелую пушку и до 40 солдат и офицеров противника. 20 апреля 1945 года своим умелым командованием ротой атаковал правый фланг обороны противника, огнем и гусеницами своего танка уничтожил 2 самоходные пушки, 3 орудия, 12 огневых точек и до 80 солдат и офицеров. Ротой уничтожено 7 самоходных пушек, 2 танка типа Т-4, 6 орудий и до 200 солдат и офицеров противника.

21 апреля 1945 года товарищ Попов с ротой первым ворвался в пригород Берлина Вейсензее и, несмотря на сильное огневое сопротивление противника, преодолевая баррикады и надолбы, овладел тремя кварталами города, не понеся при этом потерь, в результате чего пехота продвинулась вперед».

Хотелось бы подчеркнуть, что результаты боевых действий, указанных выше, принадлежат в большей степени танкистам роты, которыми я командовал, и других танковых и мотострелковых подразделений, с которыми мы взаимодействовали.

Ожесточенный характер носили боевые действия и в самом Берлине. Город был сильно укреплен. В подвалах и на первых этажах зданий пушки, на улицах кочующие танки и орудия, замаскированные под цвет домов, много гранатометов «фауст», снайперов.

Уличные бои велись штурмовыми группами, куда входили танки, самоходные установки, автоматчики, саперы и артиллерия. Каждая штурмовая группа действовала по одной улице. Одной из таких штурмовых групп было приказано командовать мне. Боевые действия велись следующим образом: танки и самоходные установки занимали боевой порядок по улице в три ряда, причем самоходные установки продвигались по тротуарам, танки посередине улицы, ведя огонь по зданиям, окнам, подвалам. Танки и самоходные установки продвигались скачками по 50-100 метров. Автоматчики прочесывали дома, подвалы.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника наши подразделения продвигались вперед вплоть до полного захвата города. В отчете о боевых действиях нашего полка отмечены особо отличившиеся в боях за Берлин: танкисты ст. лейтенанты Рыжков, Попов, мл. лейтенанты Собокар, Койков, Кубицкий, Шепелев.

Всю войну я провоял в одном полку. Пять раз был ранен, после лечения возвращался в родную часть на свою прежнюю должность — командира танковой роты.

Эта должность, как и должность командира танкового взвода, особая. В отличие от командира полка или даже батальона, командир танковой роты и взвода в бою не только управляет подчиненными и отвечает за выполнение боевой задачи в целом порученным ему подразделением, но и находится сам непосредственно в его боевом порядке, принимая на себя, как и его подчиненные, весь шквал огня противника, являясь тем самым командиром и рядовым.

За отличие в боевых действиях и службу в армии в мирное время награжден девятью орденами: Ленина, двумя Красного Знамени, тремя Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени и двадцатью медалями. Имею благодарность Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Сталина И.В. за участие в освобождении городов Белгорода, Харькова, Слонима, Бреста, в овладении Берлином.

Пришлось участвовать в войне не только мне, но и моему отцу, который был направлен на фронт в 1942 году рядовым. В боях на Украине он был тяжело ранен. Это для него была вторая война — в первой империалистической войне он также принимал участие. Два моих брата, будучи подростками, работали во время войны на военном заводе, выпускающем военную технику.

Вспоминаю о своих фронтовых годах с одной стороны с удовлетворением, что для нас боевые действия были успешными, с другой стороны — с горечью, что гибли люди, многие становились инвалидами. Всех погибших жаль. Но обиднее всего за погибших в самые последние дни войны. В боях за Берлин на моих глазах погибло немало наших солдат и офицеров, убит был и один из моих командиров взводов — лейтенант Кондаков — общительный, знающий свое дело офицер. Вспоминаю добрым словом всех погибших и оставшихся в живых моих боевых товарищей. Пусть их имена и подвиги останутся навеки в памяти потомков.

После войны я окончил Военную академию бронетанковых войск, служил в войсках, несколько лет преподавал в Военной академии.

Более десяти лет до ухода в запас служил в Генеральном штабе Вооруженных сил.

В послевоенной службе мне очень пригодился боевой опыт, приобретенный в годы войны. Этот опыт использовался с учетом изменений, происходящих в военном деле у нас и за рубежом, и прежде всего с учетом появления новых видов оружия и военной техники.

Многое из этого опыта можно использовать и сегодня, в частности, методы патриотического воспитания молодежи, как в мирное, так и в военное время, физической и моральной подготовки личного состава в соответствии с теми условиями, в которых они будут действовать в бою. Для танкистов, например, это действия экипажей в тесном пространстве танка, при высокой температуре работающего двигателя и стрельбы из пушки при ограниченном наблюдении за полем боя и противником. Это и методы взаимодействия подразделений в бою. Все эти и другие вопросы, которые можно решить на основе использования боевого опыта прошлой войны, должны стоять в центре внимания военно-научных и военно-учебных заведений, а также ветеранских организаций, в работе которых я принимал и принимаю участие.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Новиков Алексей Святославович**, студент 1-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

Прудников Юрий Андреевич

ОГОНЬ НА СЕБЯ

Я родился 3 апреля 1925 года в г. Ташкенте. Русский. Православный. Во время Великой Отечественной войны в 1944 году был принят в кандидаты, затем в члены партии. В настоящее время беспартийный. Заместитель председателя и секретарь Совета ветеранов 83-й гвардейской Краснознаменной ордена Суворова Городокской стрелковой дивизии (в дальнейшем — 83-я гвардейская стрелковая дивизия). Дивизия входила в состав 11-й (16) гвардейской армии. Член совета ветеранов этой армии.

До войны окончил 8 классов 327-й средней школы г. Москвы. В январе-июле 1943 года обучался в 1-м Московском пулеметном училище (к этому периоду имел гражданскую специальность радиооператора 1 класса).

О начале войны узнал 22 июня 1941 года, находясь дома в Москве. В семье согласились с моим намерением идти работать на завод, выпускающий оборонную продукцию. Июль — август 1941 года я вместе с несколькими друзьями-товарищами по дому работал на заводе автотракторного оборудования (АТЭ-1) в Москве; точил шестерни для моторов боевых самолетов.

В боевых действиях я начал участвовать стрелком, пулеметчиком в первые дни августа 1943 года в составе 1-й стрелковой роты 1-го стрелкового батальона 248-го гвардейского стрелкового полка 83-й

гвардейской стрелковой дивизии, обескровленной в жестоких боях против немцев на северном фланге Курской дуги. Я воевал в составе пяти курсантских батальонов (около 3 тысяч человек) 1-го Московского пулеметного училища. Курсанты были почти офицерами, обладали хорошей боевой и физической выучкой, владели всеми видами стрелкового оружия, артиллерийского и минометного вооружения полка. И хотя мы были зачислены в подразделения дивизии рядовыми, моя офицерская выучка в ряде боевых действий сослужила добрую службу. Надо признать, фронтовая практика боев требовала от меня и боевых товарищей умения эффективно использовать, главным образом, стрелковое оружие, быстро окапываться, умело маскироваться, ориентироваться на местности, оказывать при необходимости первую медицинскую помощь.

Я сейчас не могу припомнить тех из нас, курсантов, кто получил офицерское звание на фронте. Хотя нередко каждый принимал по делу командование ротой, взводом в ходе боев, заменяя вышедших из строя офицеров.

В составе одного из курсантских батальонов я был направлен на фронт (без оружия) из Рязани 1 августа 1943 года. Выгрузились под Козельском Калужской области. Оттуда походным порядком поспешили к линии фронта. Один день — на переход в расположение тылов дивизии, другой — на получение оружия (винтовок, ручных и станковых пулеметов, очень мало — автоматов), индивидуальных санпакетов. Далее распределение по подразделениям дивизии. Состоялась встреча с командиром дивизии — генерал-майором Воробьевым Я.С. Он сказал нам, что гвардейцы дивизии, если идут в атаку — то во весь рост, если обороняются — то не знают, что такое отступление. В последующем я действовал как того требовал генерал.

Мой боевой путь, начиная с 6 августа 1943 года, проходил через поселки Новая Жизнь, Слободка и другие населенные пункты северо-западнее Гнездилово Орловской области. 10 августа 1943 года участвовал в овладении райцентром и ж.д. станцией Хотынец, 15 августа 1943 года — в освобождении города Карачаев (Брянская область) — последнего, крупного узла сопротивления немцев на пути к Брянску. В период Курской битвы дивизией командовал генерал-майор Воробьев Я.С., ее 248 полком (где я служил) — полковник Трухачев (погиб под Карачевом во время артиллерийского налета, похоронен в городе Сухиничи Калужской области).

По завершении Орловской операции в конце августа 1943 года 11-я гвардейская армия и в ее составе 83-я гвардейская стрелковая дивизи-

зия была выведена на отдых и пополнение, 6 октября 1943 года со станций Зикеево и Судимир передислоцирована через Москву в район Великих Лук (станция Кунья, восточнее 35 км).

В ноябре 1943 года близ озера Езерище я участвовал в боях по деблокированию попавших в «мешок» в районе г. Невеля Псковской области 3-й и 4-й ударных советских армий, а также в боях по освобождению северо-восточной части Белоруссии. Подготовка к наступлению была сопряжена с огромными трудностями (бесперывные дожди, распутица, отсутствие твердых дорог). Помнится, тогда мне, как и другим воинам, ежедневно надо было на себе переносить с дивизионного обменного пункта за 12 км один 122-мм снаряд или ящик (6 шт.) 82-мм мин. Начиная с 13 и по 24 декабря 1943 г. я участвовал в так называемой Городокской наступательной операции южнее г. Невеля Псковской области в направлении на Витебск. В боях за освобождение населенных пунктов Кайки, Сучки, Старики, Третьяки, Лаптевка я обеспечивал радиосвязью командиров 2-го и 3-го стрелковых батальонов 248 гвардейского стрелкового полка.

24-25 декабря 1943 г. участвовал в освобождении г. Городок (севернее Витебска 40 км). Дивизии за успешно проведенную операцию было присвоено почетное наименование Городокской, и она была награждена орденом Красного Знамени.

Обескровленная в боях за 13 декабря 1943 г. — 14 января 1944 г. (908 человек убитыми и около 3 тысяч ранеными), 83-я гвардейская стрелковая дивизия в апреле 1944 г. была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования в район г. Невеля близ озер Лешни, Сатино (Псковская область).

После пополнения людьми и техникой в конце мая 1944 г. дивизия в составе 11-й гвардейской армии пришла ночными маршами 260 км в район Лиозно (юго-восточнее Витебска) и вошла в состав 3-го Белорусского фронта.

В дальнейшем мне довелось участвовать в операции «Багратион», начиная с 23 июня 1944 г. в районе г. Орша и в течение всей операции участвовать в освобождении населенных пунктов Рогозино, Высокое, Селище, Барсуки, Юрцево и десятков других. Общим направлением наступления были райцентр Бобр, г. Толочин, г. Борисов.

1 июля 1944 г. участвовал в форсировании р. Березины и взятии г. Борисова (70 км восточнее г. Минска). В дальнейших боях в июле 1944 г. обеспечивал радиосвязью командование 248-го гвардейского стрелкового полка с батальонами в районе Гольшаны, Варена, Ораны и другие 69 населенных пунктов Молодечненской области. 15 июля

1944 г. принял участие в овладении местечком Меречь и обеспечивал радиосвязью взаимодействие командира 248-го гвардейского стрелкового полка с авиационными частями при форсировании реки Неман в районе местечка Судвой. В начале августа 1944 г. участвовал в боях дивизии на советско-польской границе в районе Белянце — Борисовка. Затем — участие в боевых действиях на территории Литвы в районе г. Вилкавишки.

Освобождал: Орловская операция (6- 23 августа 1944 г.), райцентр и ж.д. узел Хотынец (11 августа 1943 г.), г. Карачев (Брянская область) 15 августа 1943г. (Западный, Брянский фронты; 83-я гвардейская стрелковая дивизия, 248-й гвардейский стрелковый полк, разные роты).

Невельско—Витебская операция: 1-й Прибалтийский фронт, командующий маршал Баграмян, 11-я гвардейская армия, командующий генерал-лейтенант Галицкий, 83-я гвардейская стрелковая дивизия, генерал-майор Воробьев, Маслов, 248-й гвардейский стрелковый полк, командир полковник Лушников, полковник Сироткин Д.И.; г. Городок 25 декабря 1943г.

Операция «Багратион»: 3-й Белорусский фронт, командующий генерал-полковник Черняховский М.Д, 11-я гвардейская армия, командующий генерал-лейтенант Галицкий К.Н., 83-я гвардейская стрелковая дивизия, командир генерал-майор Маслов; 248-й гвардейский стрелковый полк, командир полковник Сироткин Д.И.

Райцентры: г. Толочин (27 июня 1944 г.), Бобр (28 июня 1944 г.), Крупки (3 июля 1944 г.), г. Борисов (1 июля 1944 г.); Гольшаны, Варена, Ораны (4- 7 июля 1944 г.); в Литве — Меречь, Прелаи (15 июля 1944 г.).

Восточно — Прусская операция: 3-й Белорусский фронт, командующие генерал-полковник Черняховский И.Д., маршал Василевский А.М.; 11-я гвардейская армия, командующий генерал-полковник Галицкий К.Н.; 248-й гвардейский стрелковый полк, командиры майор Дадонов, подполковники Лукашов, Матэльянес; 114-й отдельный гвардейский батальон связи, командир майор Борисов.

Взятие: 18- 20 октября 1944 г. г. Вирбалис, г. Кибартай, г. Эйдткунен; 23 октября г. Шталлупенен, Варнен; 25 октября Вальтеркемен; январь 1945 г. пункты Ромау, Фуксберг, Виккбольд, Людвигсвальде; 6-9 апреля 1945 г. г. Кенигсберг; 25 апреля 1945 г. г. Пиллау (командование тоже).

Участвовал в боях по уничтожению хайлсбергской группировки немцев юго-западнее Кенигсберга. На заключительном этапе Восточно-Прусской операции я принимал участие в штурме Кенигсберга 6-

9 апреля 1945 г.; 25-26 апреля в морском десанте и бою на косе Фриш — Нерунг в составе сводного отряда 83йгвардейской стрелковой дивизии (командир генерал-майор Рыжиков). Командовал десантом заместитель командира дивизии полковник Белый, стрелковыми подразделениями десанта гв. майор Митраков и гв. майор Волкодав. Группу связистов (13 чел.) в этом бою возглавлял гв. старшина Красников. Из боя вышло 112 человек живых и раненых. Этим боем закончилось участие 83-й гвардейской стрелковой дивизии, естественно, и мое в Великой Отечественной войне.

Ранения: тяжело контужен 31 декабря 1943 г. с потерей слуха и нарушением речи. Лечился в медсанбате дивизии, по излечению вернулся в строй 248-го гвардейского стрелкового полка, назначен на должность начальника рации батальона в звании гв. сержанта. Ротой связи полка командовали старшие лейтенанты Мурзин, Звягин и другие офицеры.

Под деревней Ваньки 3 марта 1944 г. был легко ранен в руку, лечился в медсанбате дивизии; по излечении вернулся в 248-й гвардейский стрелковый полк на ту же должность.

16 августа 1944 г. при форсировании р. Неман был легко ранен в ногу (пулевое сквозное ранение). По излечении в медсанбате дивизии возвратился в 248-й гвардейский стрелковый полк на должность начальника рации 248-го гвардейского полка.

Военно-медицинской комиссией при Фрунзенском райвоенкомате Москвы 15 июля 1945 г. был признан годным к нестроевой службе по последствиям контузии и ранениям и уволен в запас.

Награжден: орденом Красного Знамени №236135 приказом командующего 11-й гв. армии от 16 мая 1945 г. за выполнение боевого задания во время десанта на косу Фриш — Нерунг 25- 26 апреля 1945 г., в частности за обеспечение радиосвязью стрелковых подразделений десанта с командующим 11-й гв. армии.

Орденом Отечественной войны 1 степени №1390453 указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. — за мужество и стойкость при защите СССР в период Великой Отечественной войны.

Орденом Красной Звезды №1054334 приказом командира 83-й гв. стр. дивизии от 10 февраля 1945 г. №05/4 за выполнение заданий командования по обеспечению радиосвязью 248-го гв. стр. полка с подразделениями при вторжении на германскую территорию в Восточной Пруссии.

Орденом Славы 3 степени №37048 приказом командира 83-й гв. стр. дивизии от 19 января 1944 г. №05/4 — за обеспечение радиосвязью 2-го и 3-го батальонов 248-го гв. стр. полка при освобождении г. Городка и Городокского района Белоруссии.

Медалью «За отвагу» №674667 приказом командира 248 гв. стр. полка от 6 ноября 1943 г. №025/н — за образцовое выполнение боевых задач в период Курской битвы.

Медалями: «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга», «Ветеран труда», и еще 15 медалями, связанными с юбилейными датами победы и Советской Армии и т. п., а также за добросовестную работу в СЭВ.

На войне погиб брат Вадим Андреевич Прудников.

Остался живым брат Виктор Андреевич Прудников, шофер отдельного противотанкового дивизиона, был ранен под Варшавой.

Из собственных публикаций могу назвать две статьи — в газете «Ветеран» в феврале 2002 года, №8, с. 2 статья «Чествуют ветеранов», в газете «Калининградская правда» за май 1985 года «Последний бой на косе Фриш — Нерунг»; неопубликованных произведений не имею.

Выступление по Всесоюзному радио 8 мая 1985 г. в связи со встречей в Москве ветеранов 83-й гв. стр. дивизии по случаю сорокалетия Победы.

Публикации обо мне: газета «Красный воин» Московского военного округа, 9 мая 2002 г. (стр. 18) опубликовала статью (на треть полосы) полковника в отставке Синикчианца А.М. под названием «Последний бой — он трудный самый». Газета Городокский вестник в номере от 24 декабря 1999 г. (стр. 2) опубликовала статью «Облик Победы» (Белоруссия), автор Л. Мукомола; Брошюра-сборник «Свет победы», издательство ООО «Корделя 2000», 2003 г. Москва, стр.35-36, статья «Последний бой — он трудный самый», автор П.Т. Ушанова.

* * *

В конце апреля 1945 г. мне довелось участвовать в последнем бою, проведенном 83-й гвардейской Городокской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизией на Земландском полуострове. Здесь, после ликвидации крупной группировки противника в Кенигсберге, 11-я гвардейская армия и в ее составе наша дивизия штурмовали город и крупную военно-морскую базу немцев.

Передо мной и другими пехотинцами была поставлена задача — высадиться со стороны моря десантом на забитую войсками и техни-

кой немцев косу Фриш—Нерунг и во взаимодействии с другим десантом, действовавшим со стороны залива Фриш—Гаф, перерезать коммуникации врага на косе и тем самым облегчить и ускорить окончательный разгром немецких войск в районе Пиллау. Для решения этой сложной задачи из стрелков, минометчиков, бронбойщиков и связистов 83-й гвардейской дивизии был сформирован сводный отряд численностью около 650 человек под командованием заместителя командира дивизии полковника Л.Т. Белого.

Но как справиться «сухопутным» гвардейцам 83-й дивизии с непривычными для нас боевыми действиями морских пехотинцев? Мне пришлось учиться азам десантирования в тренировочных дневных и ночных занятиях по посадке на корабли и высадке десанта с моря, по защите от воды оружия, боеприпасов, рации.

Я участвовал в отработке вопросов обеспечения радиосвязью управления стрелковыми и другими подразделениями десанта во взаимодействии с флотом, артиллерией, штабом армии.

Вечером 25 апреля 1945 г. к причалам в порт Пальмникен подошли малые боевые корабли Балтфлота — сторожевики, торпедные катера, всего их было около 25 единиц. Перед посадкой состоялся краткий митинг. Прибывшее из штаба дивизии и корпуса начальство призывало участников десанта к образцовому выполнению последнего, боевого задания дивизии. Я понимал, что вернутся из этого десанта немногие. Еще вчера и позавчера солдатами были написаны письма домой, оказавшиеся для большинства последними. Послал письмо и я своей любимой девушке — маленький, на четвертушку, листочек, который любимая моя бережно хранила всю жизнь. Уходя в десант, я верил, что недалек тот день, когда окончится нашей победой война, вернутся фронтовики к своим семьям, женам, и жизнь будет другая, радостная и счастливая.

В ночь на 26 апреля 1945 г. отряд погрузился на корабль и вышел в море. Однако скрытно достигнуть расчетного района высадки на косу нам не удалось: более крупные суда немцев обнаружили нас, подвесили на парашютах осветительные ракеты. В ночном артиллерийском бою были потоплены 2 наших катера. Надо сказать особо, моряки наши сражались отважно — всего 3 или 4 бронекатера, имевших артиллерийское вооружение, прикрыли огнем своих орудий высадку десанта, потопили вражеский корабль.

Вот в серой предрассветной мгле показались очертания берега. Катера на малом ходу шли к берегу и вскоре уткнулись в прибрежную отмель. Прыгаю по горло в ледяную воду. А на спине — вещ-

мешок с резервными батареями, на шею — автомат. Моряк подает на вытянутые мои руки завернутую непромокаемо рацию. Только бы не накрыло и не сбило волной. Невдалеке зовут на помощь тонущие и раненные.... Через несколько десятков шагов уже мельче — по грудь, по колени, и уже гремит русское «ура». Ведя огонь из стрелкового оружия, забрасывая врага гранатами, мы с ходу овладели первой линией траншей и блиндажей противника, взяли в плен несколько сот солдат и офицеров врага. Однако в ходе боя мы несли потери, и нас оставалось все меньше. Поэтому вместе с другими стрелками заняли круговую оборону в траншеях врага, отстаивая занятый плацдарм. С рассветом противник, обнаружив малочисленность десанта, начал яростные, практически непрерывные контратаки против десанта. Мне, как и многим другим десантникам, включая раненых, надо было непрерывно вести автоматно-пулеметный огонь, в ход пошли трофейное оружие, гранаты. Не раз я участвовал в рукопашной схватке с врагом, и мы не отступили ни на шаг. В критический момент кровопролитного боя мне удалось напрямую связаться по радиации с командующим армией — генералом Кузьмой Никитовичем Галицким. Голос генерала по мощной радиации гремел в наушниках: «Где Белый, почему молчали? Доложить обстановку!» Докладываю я — гв. старшина Прудников, начальник радиации стрелкового батальона: «Где находится Белый — мне неизвестно, а молчал из-за невозможности развернуть свою рацию — немцы непрерывно контратакуют, кругом кипит бой, надо отбиваться». Выйти на связь должен был Белый через армейскую рацию. (После окончания боя выяснилось, что армейские радисты — группа из 3-4 человек — ответственные за связь командира десанта со штабом и командующим 11-й гв. армии погибли при высадке десанта.)

Как недавно стало известно, полковник Л.Н. Белый со штабом был пленен немцами, однако отбит умелыми действиями разведчиков 250-го гв. стр. полка (В. Цуранов «Бой и вся жизнь». Калининград, областной совет ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. 1995 г., с. 210, 211). Видимо, по этой причине мы не находим фамилии полковника Белого среди имен 8 участников десанта, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Рация сержанта Карташова для связи Белого со стрелковой группой десанта молчала — он получил пулевое ранение в левое плечо и грудь. Николая Карташова, а также Петра Белякова — телефониста, раненного вражеской пулей в живот навывлет, мне удалось вынести из боя, перевязать с помощью пленного немца — врача, имевшего хоро-

шие перевязочные средства. До сих пор восхищаюсь стойкостью и жизнелюбием этих русских богатырей, победивших смерть в, казалось бы, безвыходном положении: оба выжили. По излечении в госпиталях оба понемногу пожили у моей мамы в Москве летом 1945 г., набираясь сил перед дорогой на Родину.

По найденной у убитого командира роты карте я уточнил расположение боевых порядков стрелковой группы десанта и вызвал огонь нашей артиллерии на себя. Разметанные мощным огнем цепи немцев ослабили контратаки десанта. Несмотря на многочисленные потери враг не оставил яростных попыток сбросить десантников в море. В условиях скоротечного боя мне удалось еще несколько раз выйти на связь, корректируя работу нашей артиллерии. Это позволило десанту удерживать захваченный плацдарм, препятствовать организованному отходу врага по косе в сторону Данцига. Наши части ускорили форсирование пролива Фриш—Гаф и завершили разгром вражеских войск на косе. За обеспечение радиосвязью боевых действий десанта 83-й гв. стр. дивизии 16 мая 1945 г. я был награжден командиром 11-й гв. армии генералом Галицким орденом Красного Знамени.

Расскажу о том, как проводили время между боями. Трудно писать об этом от первого лица, как и весь материал, поскольку я, как и каждый из нас, не был свободен от выполнения боевых задач.

Прежде всего — это круглосуточное несение боевого дежурства на радиостанции, готовность в любой момент передавать поступающую информацию командиру; профилактический ремонт техники, замена источников энергии (батарей, аккумуляторов), радиоламп и др. Приведение в порядок личного оружия. В необходимых случаях (а так бывало не редко) посещение ремонтной радиомастерской (при штабе дивизии), несение караульной службы.

Обучение молодых и малоопытных радистов, прошедших за 1-2 месяца обучение, и просто практиков из грамотных солдат умению работать на р./станции, обеспечивать ее сохранность в боевых условиях.

Было и личное время, когда я писал письма домой и любимой девушке, по которой очень тосковал именно вне боя.

Важным делом было, по возможности, соблюдение личной гигиены (баня, бритье, стирка личного белья и т. п.).

Были, конечно, политинформации, выпуск боевых листовок, комсомольские собрания (я был комсоргом роты связи 248-го гв. стр. полка). Вечерами в землянках я пел вместе с друзьями песни, близкие по настроению — «Синенький скромный платочек», «В землянке», «Ого-

нек», «Ермак», «Ой да ты, калинушка», «Славное море — священный Байкал». Я не принимаю стихов, хотя в дивизионной и фронтовой газетах их публиковали довольно часто. Кинофильмы, концерты были редким исключением, особенно в зимнее время. Многие песни переписывались от руки, и воины обменивались ими. У многих наших бойцов, вызволенных из плена, было несколько стихов безымянных авторов, например, «Я вернусь к тебе, Россия», в которых были отражены и тоска по Родине, и уверенность в победе над захватчиками.

Письмо

Восточная Пруссия, 18.05.45

Милая моя Гелечка!

Мне не хотелось писать тебе «маленькой» весточки, я ожидал момента, чтобы сообщить о себе более подробно.

Гелюша! Ты, наверное, получила мое письмо от 25 апреля, где я сообщал тебе, что скоро должен отправиться в опасный и трудный «рейс». Я написал тебе об этом потому, что не хотел тревожить мать. Ведь мы шли почти на не отвратимую ни чем смерть...то была довольно-таки дерзкая операция. Мы высаживались морским десантом на косу Фриш — Нерунг, южнее Пиллау. Немцы располагали более чем десятикратным превосходством по численности и вооружению. «Дело» получилось так. Около полуночи мы погрузились на катера, и вышли в открытое море. Прошли км 40 на юг; здесь нас поджидали корабли немцев. Нас обнаружили. И вот отсюда-то и началось. Мы приняли неравный бой; несколько катеров с десантниками и командой утонуло. Медлить было нельзя. На тихом ходу пошли к косе. Конечно, фрицы нас встретили, как следует. Наши славяне тоже дружно били из автоматов по берегу, траншеям, пулеметным площадкам немцев. Около трех ночи мы высадились на берег. В р./станции, запасные аккумуляторы и батареи — все было водонепроницаемо. Об этом мы позаботились еще в Пальмникене. Несмотря на волну и ледящую воду, нам удалось быстро выбросить на берег боеприпасы, пулеметы и минометы. И в 20 м от воды начали бой, почти что рукопашный. На первых порах взяли 600 «гансов». Но охранять их было некому, так как нас становилось все меньше. Освещая место высадки, в море горели два наших катера и один немецкий сторожевик.... Нашим лозунгом в тот момент были слова — вперед, вперед и только вперед! В месте высадки коса имела всего лишь 800- 900 м ширины. Необходимо было ее перерезать и занять прочную оборону; ожидая действий другой десантской группы и удара наших войск с севера. Отступить было некуда. И мы дрались, как никогда за

всю войну...с рассвета до 3-х- 4-х дня, фрицы отчаянно жали нас. Их было много, нас же — мало. Мы также израсходовали значительное количество гранат и патронов. Ты знаешь, Гелюша, ведь, я когда-то был пулеметчиком. Пришлось вспомнить эту специальность. Когда убило первого номера, и кончились ленты, я забросил приемник и взял автоматы. Их у меня было четыре — два наших и столько же фрицевских! Это было большим счастьем. В нашей маленькой группе (фрицы нас расчленили и окружили) даже раненые заряжали диски автоматов, а нередко сами вели огонь, кидали гранаты. Два раза бились в рукопашную. Пришлось довольно-таки туго. К третьему дню из 27 нас осталось 8 чел. и тысячи полторы автоматных патронов. Еще бы 30- 40 мин. боя — и нам пришел бы конец.

К великому счастью, этого не случилось; наши подошли с севера на помощь, погнали фрицев на юг в сторону Данцига. Трудно, Геля, описать тот момент, когда мы соединились со своими... Мы потеряли очень много своих товарищей, но отомстили сурово, втройне, даже больше... Но мне зачастую приходит во сне тот бой, который мы, оставшиеся в живых, его участники, никогда не забудем. Все участники десанта награждены не ниже ордена Отечественной войны I ст. Меня представили к ордену Ленина.

Гелюшенька! Поздравляю тебя с нашей Победой, я искренне надеюсь, что нам скоро удастся встретиться в Москве или же где-нибудь недалеко от столицы! Когда это произойдет, не знаю, но до середины лета.

Посылаю тебе, Гелюшенька, собственный снимок — «Я и мой аккордеон»!

Жди, скоро приеду.

Крепко целую и обнимаю мою любимую Гелю.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Никитина Людмила Евгеньевна**, студентка 1-го курса Московского авиационного института

Сеселкин Дмитрий Кузьмич

РАЗВЕДЧИК

Я, Сеселкин Дмитрий Кузьмич, родился 7 ноября 1924 года в городе Пензе. Молодые годы свои провел в городе Давлеканово (Башкирия).

В этом городе издавна жили немцы, может быть, еще со времени Екатерины II, которая разрешила им здесь поселиться и возделывать пустующие земли. Держались они обособленно, и хотя большинство из них хорошо знали русский язык, между собой говорили только по-немецки. Еще бегая с голым пузом по пыльным улицам, я уже знал с добрый десяток немецких слов. Были у меня среди немецкой детворы и дружки-приятели. Отец у меня был человеком, уважаемым в городе — мастером хлебопечения.

В школе я не гонялся за пятерками по-немецкому. Они посыпались на меня сами, как будто только и ждали этого момента целых двенадцать лет. Так же легко давалась и физкультура. Ловкий и сильный, я давно обратил на себя внимание «физкультурника». Я записался в секцию бокса. Теперь все свое свободное время проводил в спортивном зале. Наконец, настало время серьезных соревнований... Впереди, несомненно, была Москва, столица, новые встречи — новые победы! До войны окончил в 1941 году школу. И вдруг безотказное время вселенским хрустом переломилось и понесло всех в неизвестном направлении. Война!

Узнал о начале войны, когда мне было всего семнадцать лет. Я отправился прямиком в военкомат, но военком отклонил мое заявление уйти добровольцем на фронт. По ходатайству горкома комсомола г. Давлеканово я был призван в ряды Красной Армии. Учили, что я был мастером спорта по боксу и хорошо знал немецкий язык.

По спецнабору меня направили в танковую школу. Занимались мы по двенадцать часов в сутки, потому что, помимо наших танков, изучали еще и вражескую технику. Там я научился водить немецкие танки Т-III, мотоциклы «цундап» и бронетранспортеры различных марок. По окончании школы я получил удостоверение механика-водителя 3 класса. На другой день после выпуска в школу прибыл майор из разведуправления. Он отобрал шесть человек, включая меня, и увез нас в тульские леса (г. Козельск), где размещались краткосрочные курсы разведчиков при спецразведшколе разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Учили нас там капитально. Были среди преподавателей и немецкие антифашисты. Коммунисты и даже бывшие офицеры вермахта учили всему, что необходимо знать разведчику. И вот в июне 1942-го нас, курсантов-разведчиков, по чьему-то недосмотру или халатности, бросили в бой, в пятую команду в одну из пехотных частей 3-й танковой армии генерала Романенко, чтобы остановить прорвавшиеся на одном из участков фронта фашистские танки. Получил обер-лейтенанта на воинской должности командира разведгруппы под командованием начальника разведотдела армии полковника Шулькина Л.М.

Боевой путь: Тула, Воронежский фронт, Сталинград (1942), битва на Курской дуге (1943), Белгород (1943), Харьков (1943), Киев, Правобережная Украина (конец 1943), Львов, Перемышль, Польша (река Висла), Берлин (весна 1945), Прага (весна 1945).

Военные боевые действия закончил под Прагой (где был сильно ранен) в воинской должности командира разведгруппы в составе 3-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-полковника Рыбалко П.С.

Возвращался с войны из Берлина, куда был госпитализирован на некоторое время в результате серьезного ранения, в Москву.

ПЕРВЫЕ ПОТЕРИ

Там, куда мы прибыли на первый бой, оборону держала какая-то пехотная часть. Так как противотанковое ружье мы еще не проходили, нас всех сделали вторыми номерами.

На всю жизнь запомнил я своего первого номера. Это был пожилой, лет под сорок, солдат в обгоревшей короткой шинели. Звали его дядя Костя. Пока готовились к бою, он, не спеша, словно на занятиях, объяснил мне, как устроено ПТР и как из него стреляют. «И вот еще что... будешь наводить на цель, мушку опусти на миллиметр ниже», — предупредил он. Оказалось, что оружейные мастера до сих пор не удосужились выверить мушку, поврежденную при арналете. «А как же ты, дядя Костя, стреляешь?» — удивленно спросил я. «Так вот и стреляю, беру на миллиметр ниже». — «Ну, ты даешь, дядя Костя! И много ты с такой мушкой танков подбил?». «Сколько надо, столько и подбил», — угадав насмешку, огрызнулся бронебойщик.

Когда показались неприятельские танки, я, выглядывая из укрытия, стал их считать, но вскоре сбился со счета; они двигались огромным бронированным стадом, загораживая друг друга, «Большинство Т-III, я на них...» Я вовремя проглотил. Еще мгновение, и я бы проговорился, разгласил то, что должен был держать в строжайшей тайне: учебу на спецкурсах. Даже пэттеровцам, с которыми лежали в паре у бронебоек, будущие разведчики не имели права говорить это. Для всех мы были обыкновенные курсанты обыкновенной танковой школы, готовящей механиков-водителей. Дальше я попросил уже без всяких объяснений: «Ты потом дашь мне стрельнуть?» — «Доживи сначала до «потом», — отозвался солдат, — А потом проси...»

И тут почти одновременно заговорили танковые пушки и пулеметы и застучали противотанковые ружья. Зачадил первый вражеский танк. Умолкла первая бронебойка, намытая снарядом.

Я четко выполнял свои несложные обязанности второго номера. Между мной и дядей Костей неожиданно для обоих установилось полное взаимопонимание. Вскоре мы отметили и свой первый удачный выстрел: пуля угодила прямо в бензобак, и из него широким огненным кустом вырвалось пламя...

Из танка, который шел чуть правее, резанули по их ячейке пулеметной очередью. Когда я поднял голову, увидел неподвижно лежащего дядю Костю. Пуля попала старому солдату в глаз и снесла ползатылка. Танк, обстрелявший нас, сейчас шел прямо на меня. Схватил ПТР и торопливо спустил курок. Мимо!.. Вражеская машина угрожающе надвигалась. Я выстрелил еще раз и снова промазал. Теперь меня от танка отделяли какие-нибудь пятьдесят метров. Стало страшно: неужели конец? И тут я вспомнил, чему нас учили на курсах: ни при каких обстоятельствах не терять хладнокровия!

И только подумал так, как вспомнил наставление дядя Кости. Чуть опустил мушку — и выстрелил. Больно ударило в плечо. А танк все полз. И вдруг метрах в десяти он стал разворачиваться на месте. Что это с ним? И тут я увидел, что с танка быстро разматывается гусеница. От радости, что остался жив и что, к тому же, подбил бронированное чудовище, я чуть не заплакал.

Через несколько минут ко мне подполз незнакомый лейтенант и спросил фамилию. Я сказал. «Молодец, не растерялся!» — похвалил тот и, достав замерзшими руками карандаш и блокнот, добавил: «Подожди запишу... Сеселкин Дмитрий Кузьмич... Какой взвод?» — «Пятая команда», — ответил я. Больше ничего я не имел права говорить о себе.

А на другой день построили всех оставшихся в живых курсантов и ПТРовцев. И какой-то капитан из пехоты вышел на середину и выкрикнул: «Сеселкин, пятая команда, выйти из строя!». Я сделал несколько шагов вперед: «За то, что товарищ Сеселкин Дмитрий Кузьмич подбил фашистский танк, командование награждает его боевой медалью “За отвагу”».

Другие курсанты тоже получили медали. Немцы понесли большие потери в танках и пехоте. Но и наших полегло немало. Только из моей команды погибло двое. Потом кому-то за это здорово влетело. Так, во всяком случае, поговаривали...

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Стоял август сорок второго. На истерзанную, всю в воронках, окопах и следах гусениц, землю опускался теплый летний вечер.

Разведгруппа, которую возглавил старший лейтенант Пантелеев, состояла из восьми человек. Кроме меня и самого Пантелеева, в нее входили мой близкий друг Сергей Жарков, Иван Просяной, Юрий Белоглазов, Костя Вовченко, Кумбеев (у него было какое-то заковыристое казахское имя, которое никто не мог выговорить. Потому и звали парня на русский манер — Сашей). Восьмым был сапер, весь увешанный металлом. Помимо личного оружия — автомата с запасными дисками и пистолета, он тащил на себе гранаты, миноискатель, саперную лопатку, кусачки, ножницы и другой необходимый инструмент. Похоже, он не в первый раз сопровождал разведчиков. Ничто на нем не брякало, не звенело. Чтобы заставить молчать столько железа, надо было заранее все предусмотреть и рассчитать.

Тогда наиболее сильное впечатление произвел на меня Саша Кумбеев. Прибыл он в разведку с чехлом за спиной, в котором аккуратно были уложены десять длинных сверкавших ножей. «Ты, браток, часом не ошибся адресом? — поинтересовался Серж. — Кухня вон, в лесочке! Там одного повара не хватает». А тот на это засмеялся: «А ну, кто из вас посмелее, становись к стене, буду ножичками обкалывать». Один вышел, встал. «Только, чур, не шевелиться! А то худо будет!» — предупредил новенький. Ну, этот, что первым вызвался, струхнул малость: «Да ну тебя! Ищи себе дураков в другом месте!». И отказался быть живой мишенью. Тогда встал Юра Белоглазов из Новосибирска. Так Саша его со всех сторон ножами обколол, нигде не оцарапал. Оказалось, что Саша Кумбеев до войны был циркачом, по всей стране выступал с этим опасным и эффектным номером. Конечно, в разведку направили его неслучайно: мог без шума, с расстояния, снять любого часового. Правда, прибегали к его эстраднему искусству не часто. Разведчиков больше интересовали живые фрицы, а не покойники. Всем Саша был хорош, только вспыльчивый очень. Чуть что не так, и уже глазами сверкает. И в бою тоже злее его не было. Приходилось придерживать.

Зато, когда выдавались свободные минуты, охотно дурачился и показывал разные фокусы. Погиб он где-то на Правобережной Украине. Но это случится потом. А тогда, когда мы шли в свою первую разведку, о Кумбееве знали лишь, что он бывший циркач и ловко бросает ножи. Перед разведгруппой подполковником Лобановым была поставлена задача — добыть «языка», желательно из штабных офицеров, на худой конец — из интендантов или связистов, также неплохо информированных.

Внимательно выслушав последние напутствия и указания подполковника Лобанова, мы двинулись к «ЗИСу», который должен был доставить нас к переднему краю. Командир встал на подножку, подождал, пока ребята заберутся в кузов. «Все сели?» — спросил он. «Все, кроме Димчи, — ответил Серж. — Он только расслаживается». Тихо засмеялись. Машина тронулась. Пока ехали, незаметно стемнело.

Остановились в полукилометре от передовой. Дальше пошли пешком. Небо то и дело освещали ракеты. Где-то лениво переругивались автоматы. Изредка в их перебранку вклинивался пулемет.

Место перехода линии фронта было определено заранее. Там не раз побывали подполковник Лобанов и старший лейтенант Пантелеев. Они досконально изучили систему огня противника, знали расположение наблюдательных пунктов и минных полей.

Вот и передний край. Окрик часового: «Стой! Кто идет?». Старший лейтенант Пантелеев назвал пароль. В ответ прозвучал отзыв. Нас уже поджидали саперы стрелковой части, полковые разведчики — их помощь была крайне нужна: они знали здесь каждый бугорок и колючик.

«Пора!» — сказал старший лейтенант Пантелеев. Не больше четверти часа потребовалось саперам, чтобы проделать проход в проволочных заграждениях. Выходило у них все мастерски: пока один держал проволоку, другой ее перекусывал. Затем концы осторожно разводились в стороны. Дыра получалась небольшая и аккуратная — только чтобы пролезть одному человеку и нигде не зацепиться за колючки.

Первыми по-пластунски поползли и исчезли в ночной мгле Серж и Юрка Белоглазов. Оба отличались исключительно острым слухом и зрением. Потому их и назначили в головной дозор. Один за другим мы просачивались в расположение противника. Я замыкал восьмерку. Я подал знак саперам, чтобы они заделали проход и тихо уходили. Первые полкилометра продвигались уверенно. Разбуди ночью — могли бы, не задумываясь, показать, где расположены огневые точки и боевое охранение противника. А вот дальше простиралась неизвестность. Командир разведгруппы пустил вперед сапера с миноискателем. Теперь он шел вместе с дозорными. Правее траншеи находилась роща, которая, как рассчитывали разведчики, на первых порах надежно укроет их. Но тут Серж подал сигнал: замереть и никаких движений! Каждый застыл на своем месте. В небо взмыла яркая ракета, широко освещая местность. За ней пошли вверх вторая, третья... Совсем близко застучал пулемет. В недолговечных паузах между ракетами разведчики бесшумно ползли к лесу. Но вряд ли бы им удалось незаметно уйти из опасной зоны, если бы не артиллеристы, которые открыли огонь по пулеметной точке и загнали всех немцев в укрытия, отвлекли на себя внимание.

Пока разведгруппа добиралась до рощи, сердце у меня прямо готово было выпрыгнуть из груди. Меня охватил страх. Правда, не столько за себя, как было в том памятном поединке с танком, сколько за исход первой в жизни разведки в тыл противника. Мысли же о возможной смерти, ранении и даже плене я прогонял, как расслабляющие и недостойные разведчика. Убедившись, что поблизости в роще нет немцев, позволили себе короткую передышку. Старший лейтенант Пантелеев еще раз напомнил всем пароль и отзыв при возвращении. Затем, уточнив задачу, приказал: «Жарков, Кумбеев и Сеселкин,

пойдете в дозоре. Будем идти за вами примерно в трехстах метрах. Ясно?» — «Ясно!» — ответил я. «Подъем» — тихо скомандовал старший лейтенант. Мы поднялись и, пропустив вперед дозор, через некоторое время двинулись следом. Первым в дозоре шел глазастый Серж, он-то и разглядел тянувшийся по траве кабель. «Димча, доложи командиру!» — сказал он мне. Такую возможность упускать было нельзя, и старший лейтенант Пантелеев приказал радисту Вовченко подключиться к вражеской связи. Выставив дозоры, приступили к подслушиванию. Иногда Вовченко передавал трубку мне, так как я лучше других разбирался в немецкой разговорной речи. Это была линия, связывающая командный пункт полка с батальонами.

Больше всего старшего лейтенанта беспокоило, не заметили ли чего немцы? Ясно, что их что-то встревожило, иначе от чего бы они стали пускать ракеты и строчить из пулемета. Целый час мы потратили на то, чтобы из редких разговоров выудить какие-нибудь сведения, представляющие для нас интерес, например, приказ командира немецкого полка усилить посты и выдвинуть еще немного вперед боевое охранение.

Неужели что-нибудь заметили? Но в этом случае уже вовсю шли бы поиски. Как бы то ни было, пора сматываться.

Ночь сберегала нас, как мать родная. (Сравнение ночи с матерью пришло в голову Сержу, который нет-нет, да и изрекал что-нибудь веселенькое.) Пройдя километров десять — двенадцать, мы повернули в сторону деревни Сорокино. К пяти часам утра отмахали оставшиеся километры. Старший лейтенант Пантелеев навел место для засады. Это был перекресток двух дорог. Однако занимался рассвет, и нам ничего не оставалось, как перенести операцию на следующую ночь. Неподалеку мы обнаружили овраг, весь поросший камышом и кустарником. По дну протекал ручеек. Отсюда можно было незаметно наблюдать за дорогой и в считанные секунды добраться до перекрестка. Шлях проходил от нас в каких-нибудь двухстах метрах, и отчетливо, невооруженным глазом, были видны опознавательные знаки частей и номера машин. Нескончаемым потоком шла боевая немецкая техника: танки, самоходки, тягачи с орудиями, бронетранспортеры, грузовики с пехотой и боеприпасами. Все подсчитывалось, записывалось, анализировалось. Вскоре стало ясно, что немцы перебрасывают свежую танковую дивизию СС. Осталось узнать — какую? Ответ на это вопрос мог дать только «язык».

Были минуты, когда жизнь наша висела на волоске. Дважды к нам в овраг спускались и набирали воду в термосы немецкие солдаты. Во

второй раз нашу группу отделяло от них всего несколько шагов. Немцы смеялись, разговаривали, шутили, и я понимал почти каждое слово. Обыкновенный разговор обыкновенных людей. Глядя на них, было трудно поверить, что эти простые веселые парни в помятых черных комбинезонах по приказу командиров или своей волей могут быть хуже зверей. Могут убивать, насиловать, грабить...

Днем прошли основные части, и к вечеру потянулись обозы. Но и их вскоре не стало. Изредка проходили машины, проезжали подводы. Когда немножко стемнело, разведчики короткими перебежками вернулись к перекрестку. Там залегли по обе стороны шляха. Каждый знал, что должен делать! Пролежав целый день в овраге, мы имели достаточно времени, чтобы основательно обдумать различные варианты. С дороги разведчиков не было видно: кусты и маскировочные халаты хорошо скрывали человеческие фигуры. Вот прошел, густо обдав пылью, огромный «Бюссинг» с панцер-гренадерами. Потом спустя десять минут проскочило несколько мотоциклов, по три вооруженных гитлеровца на каждом. Проехали два тягача с орудиями. Снова наступил долгий перерыв. И вдруг все услышали неторопливый цокот копыт, скрип колес и невнятную немецкую речь. Старший лейтенант Пантелеев подал команду: приготовиться! Вскоре показалась подвода, запряженная здоровым битюгом. На ней восседали три подвыпивших фашиста. Один явно был каким-то начальником. Командир разведгруппы поднял автомат и скрестил над головой руки. Это означало: стрельбу не открывать, брать живыми! Когда подвода поравнялась с засадой, разведчики одновременно бросились на немцев. Ближе других ко мне и Сержу был старший из гитлеровцев. Когда его стащили на землю, по погонам увидели, что это унтер-офицер интендантской службы. Не успел он ойкнуть, как ему в рот загнали кляп, а самого «спеленали». Он испуганно вращал глазами. Два немца, что сидели впереди, попробовали оказать сопротивление. Один из них даже вырвался и заорал. Блеснули ножи, и оба навеки угомонились. Схватка продолжалась самое большее две-три минуты. У убитых вывернули карманы, забрали документы и оружие.

Надо было поторапливаться, вдали темноту уже бороздили огни фар. Прежде всего следовало уничтожить следы схватки. Бросив убитых и «языка» на подводу, внимательно осмотрели дорогу и обочины: не наследили ли где? Быстро, почти вслепую, замели места, где натекла вражеская кровь, натоптали сапогами. Конечно, при внимательном осмотре, да еще утром, все это обнаружится, но к тому времени мы, надо думать, будем уже далеко. Радист Вовченко сел за

вожжи и тронул коня, хладнокровно взиравшего на уничтожение своих прежних хозяев. Мы двинулись пешком за подводой. Через полчаса свернули с дороги и углубились в первый же лес. Там выпрягли битюга и прогнали его в чашу, подводу же с убитыми забросали ветками.

Старший лейтенант Пантелеев принял решение выходить к своим по ближайшему — второму — варианту. Когда до линии фронта оставалось не больше двух — трех километров, вдруг почуяли сильный запах синтетического бензина. Где-то поблизости стояли немецкие танки. Решили обойти это место стороной. Как всегда, двигались осторожно, выслав вперед дозор. В него опять попали два друга — я и Серж. О том, что до переднего края уже рукой подать, можно было судить по близкой пальбе. Пахло дымом и пороховой гарью. Шагавший впереди Серж вдруг остановился. Я тихо подошел к нему. «Здесь где-то должна быть землянка, — шепнул Жарков, — зови командира». Когда старший лейтенант Пантелеев подошел, Серж доложил ему о своих опасениях: «Как бы, товарищ старший лейтенант, не заскочить к ним в гости... на чашечку кофе! Вон как благоухает!» — «Сейчас проверим, — сказал командир разведгруппы и достал карту. — Накройте кто-нибудь плащ-палаткой!» Его аккуратно накрыли, и он долго, подсвечивая себе фонариком, изучал карту. Наконец определил место, где они находились. «Вон там должен протекать ручей, — показал он и добавил, складывая карту. — Мы вышли правильно. Где-то здесь — Серж прав — должен быть блиндаж». «Димча, — обратился он ко мне, — проверь левую сторону, а ты, Серж, правую.»

Осмотрев все вокруг и не обнаружив блиндажа, я повернул обратно. Жарков уже был там. Все стояли кучкой. Тут же под охраной Кумбеева нервно переминался с ноги на ногу «язык». Понимая, что в предстоящем броске он будет находиться между двух огней, пленный бросал на всех злобный взгляд и возбужденно вертел головой. Чтобы привести его в чувство, Кумбеев поднял ему подбородок. Это было прямое предупреждение о том, что его ни на минуту не выпустят из виду и что при первой попытке удрать он получит свою порцию свинца. Старший лейтенант обрадовался, увидев Димчу: «А я уже хотел посылать за тобой. Блиндаж тут, в двухстах метрах. Давайте сходите вдвоем еще раз, проверьте, может, там никого нет, раз не видно часового...»

Осторожно ступая, я и Серж двинулись к блиндажу. По дороге разошлись, чтобы потом зайти с двух сторон. Когда мы уже были метрах в десяти-пятнадцати от блиндажа, раздался окрик: «Хальт!»

Серж назвал пароль, который сообщил пленный. Часовой полоснул на голос очередь из шмайсера. Раненный в бедро и руку, Жарков упал и, прижимая к себе автомат, покатился по земле в сторону, отвлекая внимание от меня. Немец снова отстучал короткую очередь. Тогда я, заходивший справа, ударил из автомата по вспышкам. Часовой упал и больше не поднимался. На выстрелы из блиндажа выскочил перепуганный немец. За ним еще один. Обоих срезали очередями подоспевшие разведчики. Тех же, кто оставался в блиндаже, забросали гранатами. И тут ожил лес: послышались крики, слова команд, беспорядочная стрельба. Надо было быстро уходить. Двое несли на руках раненного Сержа, двое едва не волочили по земле «языка», который вдруг стал проявлять строптивость. Отстреливаясь, все двигались к ручью, за которым начинались проволочные заграждения. Старший лейтенант Пантелеев пустил в сторону выхода группы две красные ракеты. Теперь наши знали, где собирались выходить разведчики. Десятки огненных трасс секли воздух. Если бы не ночь и не старый лес, своими толстыми стволами преграждавший путь многим пулям, наверно, мало кто из нас остался бы в живых. Чтобы дать возможность группе захвата с пленным унтером и раненым Сержем оторваться от преследования, группа обеспечения, состоявшая из старшего лейтенанта Пантелеева и меня, прикрывала товарищей огнем. Мы то прижимали короткими очередями к земле наседавших гитлеровцев, то кидали гранаты. А остальные продолжали отходить. Вот и долгожданный ручей. И на этот раз бойцам здорово повезло. Они вышли именно в том месте проволочных заграждений, где была порвана колючка. Когда они, обдирая руки в кровь и разрывая одежду, преодолели остатки проволочных заграждений, по противнику открыла огонь наша артиллерия. Она била по заранее засеченным целям и огневым точкам. Особенно у нас поднялось настроение, когда на вырубку бросились, отсекая гитлеровцев длинными и короткими очередями, автоматчики.

Разведгруппа вышла прямо на мотострелковую бригаду. Задание было выполнено...

Награжден:

- 3 медали «За отвагу»;
- 2 ордена Красного Знамени;
- 2 ордена Отечественной войны I степени;
- 2 ордена Красной Звезды;
- другие медали.

Был тяжело ранен под Прагой в 1945, когда обгорел в танке, из экипажа которого мне удалось уцелеть одному. Был вначале отправлен на лечение в госпиталь в Берлине, а затем в Москву. Окончательную госпитализацию проходил в Челябинске. Период лечения продолжался 2,5 года.

Старший брат генерал-майор Сеселкин Виктор Кузьмич и младший брат рядовой Сеселкин Александр Кузьмич погибли в битве на Курской дуге (1943).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Мизове Рустам Анатольевич*, студент 3-го курса Московского авиационного института

Сехин Василий Ефимович

СЛУЧАЛОСЬ, КОГДА УБИВАЛО ЛОШАДЬ, НА НЕЕ НАЛЕТАЛИ ИЗГОЛОДАВШИЕСЯ СОЛДАТЫ

Родился 3 апреля 1921 года в селе Лопатни Клинцовского р-на Брянской области. Русский, православный христианин. Состоял в КПСС с 1944 — по 1991 гг., в ВЛКСМ — с 1938 г. до 1944 г.).

В 1938 году окончил Пушкинский (Ленинградская область) рабфак и в том же году поступил в Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, три курса которого закончил до начала Великой Отечественной войны. О начале войны услышал по радио 22 июня 1941 года. В тот же день я сдавал последний экзамен за 3-й курс института и готовился к поездке в Крым, на отдых. Вместо Крыма с однокурсниками в составе Выборгской дивизии народного ополчения, в которую мы вступили добровольно, я оказался на Карельском перешейке, здесь мы сооружали укрепленную линию обороны. В июле 1941 года по приказу командования студенты-ополченцы были отозваны из дивизии и направлены для прохождения обучения в военные училища. Я был распределен в 3-е Ленинградское артиллерийское училище, которое закончил в феврале 1942 года в звании лейтенант.

Для прохождения дальнейшей службы я был направлен в 100-й артиллерийский полк 93-й стрелковой дивизии, которая проходила переформирование в р-не г. Дзержинска Горьковской области. Командовал полком очень грамотный, интеллигентный командир — подпол-

ковник Жолудков, о котором у меня сохранились хорошие воспоминания. Приказом по 100-му арtpолку я был назначен заместителем командира 4-й батареи. Со 2-й половины 1942 года 93-я стрелковая дивизия вела тяжелые оборонительные бои в районе г. Белый Калининской области. Все материально-техническое обеспечение 100-го арtpолка и дивизии в целом осуществлялось по тракту Нелидово—Белый автомобильным, конным и конно-вьючным транспортом. Тракт проходил по лесисто-болотистой местности. Начиная с ноября месяца, по тракту невозможно было проехать даже в повозках, так как грязь была выше их ступиц. Обеспечение Калининского фронта шло по железной дороге со станции Нелидово, которая подвергалась систематическим бомбардировкам вражеской авиации. Я был назначен начальником обоза по доставке продовольственных грузов со станции Нелидово в расположение полка. Это 12-15 км от станции. Временами манку и сухари приходилось собирать лопатами из разбомбленных вагонов. Калининский фронт запомнился мне как самый тяжелый. Неделями не видели крыши над головой, портянки буквально сгнивали на ногах, мучил педикулез. С большой радостью я встретил приказ по 100-му арtpолку №012 от 13 января 1943 года об откомандировании меня в распоряжение командующего артиллерией. Приказом по 1326-му легкому артиллерийскому полку (ЛАП) № 3 от 26 января 1943 года я был назначен на должность командира 5-й батареи. Полк входил в состав 71-й легкой артиллерийской бригады (ЛАБр) 5-й гвардейской Сталинградской артиллерийской дивизии прорыва Резерва Главного командования, которая проходила реформирование в р-не г. Коломна. Командовал полком майор Пелевин, не имевший достаточного боевого опыта, что повлекло за собой тяжелые последствия сразу же по прибытии на Западный фронт. Зато командир бригады полковник Фелелов был высокоэрудированным, в совершенстве знающим артиллерийскую науку, по-отечески добрым командиром. Под его командованием в составе 1326-го ЛАП и в должности командира батареи я прошел Западный, Ленинградский и 2-й Украинский фронты. Боевой путь 5-й гвардейской Сталинградской артдивизии, 71-й ЛАБр, 1326-го ЛАП проходил через сотни больших и малых населенных пунктов, так как дивизию перебрасывали с фронта на фронт, по направлению главного удара наших войск. Так, для осуществления стратегической наступательной операции Ленинградского фронта на Выборгском направлении наша дивизия с Западного фронта в мае 1944 г. была перебросена на Карельский перешеек.

Нашим войскам предстояло преодолеть вражескую оборону, насыщенную дотами, проволочными заграждениями и минными полями.

После мощной артиллерийской подготовки 10 июня 1944 года, уничтожения и подавления огневых точек противника наши войска без больших потерь преодолели упорное сопротивление вражеских войск и овладели городом Выборг. 5-я батарея, которой я командовал, первой из артиллерийских подразделений вошла в Выборг вместе с передовыми частями стрелковых подразделений. Врагу был нанесен сокрушительный удар, который, в конечном счете, привел к перемирию с Финляндией. В июле 1944 года наша дивизия была перебросена на 2-й Украинский фронт в район Ясс, для подготовки и осуществления Яско-Кишиневской стратегической операции в период с 20 по 29.08.1944г. Разгром вражеских войск в Яско-Кишиневской операции лишил Германию и фашистский режим Антонеску вооруженной опоры в Румынии, создал решающие условия для успеха антифашистского вооруженного восстания, свержения диктатуры Антонеску и выхода Румынии из войны на стороне Германии. До победного завершения ВОВ вместе со своей батареей и в составе 5-й гвардейской Сталинградской артдивизии я прошел по полям сражений Румынию, Венгрию, Словакию и закончил военные действия под Веной, в населенном пункте Ладендорф, в звании капитан 9 мая 1945 года.

Уже после официального объявления о капитуляции Германии некоторые части фашистской армии продолжали боевые действия. 9 мая осколком фашистской мины, выпущенной из миномета, я был легко ранен в левую ногу и направлен на лечение в госпиталь 3255 в городе Шахи (Чехословакия). После излечения в госпитале был оставлен для прохождения службы в Центральной группе оккупационных войск, в должности командира учебного дивизиона 25-й артиллерийской дивизии прорыва РК, дислоцированного в г. Баден (Австрия). В соответствии с моей просьбой, приказом Главнокомандующего Центральной группы войск № 01334 от 29 мая 1946 года я был уволен в запас. В июне 1946 г. прибыл в г. Ленинград, восстановился в Ленинградском политехническом институте им. Калинина на 4 курс (три курса закончил до войны). Институт закончил в феврале 1949 года по профессии инженер-механик.

За годы Великой отечественной войны награжден следующими боевыми орденами.

Орденом Красной Звезды № 372789 приказом 5-ой гвардейской Сталинградской артиллерийской дивизии прорыва РК №0121 от 14

октября 1943 года, подписанным командиром дивизии гв. генерал-майором артиллерии Ивановым. Награда была вручена в фронтовых условиях 7 ноября 1943 года гв. генерал-майором артиллерии Ивановым. Награжден за уничтожение огнем батареи немецкого самолета «Хейншель-109» и подбывшей к нему автомашины. Дело обстояло так. Западный фронт, в состав которого входила наша дивизия, вел оборонительные бои на территории Могилевской, Витебской, Смоленской областей. Моя батарея занимала огневые позиции примерно в 4-х км от нашего переднего края обороны, в районе станции Починок. 3 октября, по непонятной причине, в 4,5 км от переднего края обороны, на территории противника совершил посадку указанный самолет, к нему сразу подъехал автомобиль типа «пикап». Медлить было недопустимо. Я напрямую доложил об этом командиру 71-й артиллерийской бригады полковнику Фефелову и попросил разрешения на уничтожение цели. Со снарядами положение было критическое. В батарее на каждой орудии оставалось лишь по 8 снарядов. Стрельба разрешалась только в самых критических ситуациях с разрешения командира бригады. Разрешение на уничтожение цели я получил, с условием уничтожения её максимум 3 снарядами, в противном случае «Я оторву тебе голову». Меня выручило то, что недалеко от цели у меня был пристрелянный репер. Рассчитав координаты, я сделал перенос огня от репера, и 2-й снаряд попал прямо в самолет. Поднялся столб огня и дыма, была уничтожена также подбывшая к самолету машина и все солдаты, находившиеся рядом с ней. Помню, какое ликование это вызвало у наших солдат. По всей траншее переднего края в течение 5 минут не смолкало громогласное «Ура», а меня с неделю донимали корреспонденты фронтовых газет.

Орденом Отечественной войны II степени № 176095, приказом 3-го артиллерийского корпуса прорыва №020 от 9 июля 1944 (Ленинградский фронт). Награда мне была вручена во фронтовых условиях в конце июля 1944г. гв. генерал-майором артиллерии Ивановым. Награжден за уничтожение 7 автомашин и подавление 12 огневых точек противника в процессе сопровождения наступающих стрелковых подразделений огнем и колесами при взятии г. Выборг. Огнем батареи было уничтожено около 70 солдат и офицеров противника.

Орденом Красного Знамени № 171668, приказом 53-й армии 2-го Украинского фронта № 0334 от 19 ноября 1944г., подписанным командующим армии генерал-лейтенантом Моногаровым, который вручил мне орден во фронтовых условиях в конце ноября 1944 г. В про-

цессе уничтожения Яско-Кишиневской группировки вражеских войск огнем батареи только за один бой было уничтожено около 700 солдат и пленено 228 солдат и офицеров противника. Подробнее об этом будет сказано ниже, в разделе воспоминаний о войне.

Орденом Ленина № 21599, указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года, подписанным М.И. Калининым. Награда мне была вручена командующим 2-м Украинским фронтом, Маршалом Советского Союза Р.Я. Малиновским в апреле 1945 года. Привожу выписку из наградного листа, подписанного командиром 1326-го ЛАП гв. подполковником Казак и начальником штаба полка ст. лейтенантом Масловым от 11 октября 1944 года, дословно: «При отражении атаки противника в р-не Периам-Несак 26-29 сентября 1944г. командир батареи старший лейтенант Сехин показал себя смелым, решительным и стойким командиром. Враг при поддержке танков, самоходных орудий и бронетранспортеров 26.09.1944г. перешел в контратаку с целью перерезать дорогу Периам-Вериам, пустил на батарею тов. Сехина до 18 танков, 15 БТР. Положение создалось трудное, пехота противника обходила боевые порядки батареи тов. Сехина, но тов. Сехин, презирая смерть, не жалея своих сил и самой жизни, проявил образцы мужества, героизма и лично сам руководил отражением контратаки. В результате боя батарея уничтожила 2 танка, 8 станковых и 2 крупнокалиберных пулемета, до 12 бронетранспортеров. В разгар боя 26 сентября 1944 г. пал смертью храбрых командир взвода, вышел из строя расчет одного орудия. Тов. Сехин сам стал у орудия и лично продолжал вести огонь по пехоте противника. В результате боя было уничтожено до 2-х рот пехоты противника. В один из тяжелых моментов боя, когда боеприпасы были на исходе, противник, подбрасывая резервы, обходил батарею справа и слева. Батарея оказалась во вражеском полукольце.

Тов. Сехин приказал: «Сражаться до последнего снаряда! Не дать врагу прорвать наш передний край!»

Огневые расчеты, воодушевленные мужественным поведением тов. Сехина, героически вели огонь до последнего патрона, задержали врага и, измотав его силы, уничтожив при этом до роты солдат, отбросили на исходный рубеж. За беспримерный героизм, умение воодушевлять своих бойцов на боевые подвиги и искусство одержать победу над численно превосходящим врагом, беззаветную любовь к Родине, ст. лейтенант Сехин представляется к высшей награде — ордену Ленина».

От себя скажу, что в этом бою солдаты, сержанты и офицеры батареи проявили массовый героизм и самопожертвование. Все они были закаленными в боях воинами, обладавшими высокой военной выучкой. Вместе со мной командиры орудий ст. сержант Сорокин, сержант Шмаков, наводчик Тютин, оставшиеся в живых, также были награждены орденами Ленина. Командиры взводов и оставшиеся в живых солдаты и сержанты были награждены орденами Красного Знамени, а павшие командир взвода, командиры орудий и солдаты — всего 26 человек — были награждены посмертно орденами Отечественной войны. Память о них сохранится на всю жизнь в моем сердце.

Орденом Отечественной войны I ст. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года, подписанным Председателем Президиума тов. Черненко. Награда вручена Райвоенкомом Киевского р-на г. Москвы в мае 1985г. Награжден за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов.

Орденом Дружбы № 0502 Указом Президента Российской Федерации от 26 апреля 1995г., подписанным Президентом Российской Федерации Ельциным. Награда вручена Председателем Всероссийского Совета Ветеранов (пенсионеров) войны, труда и правоохранительных органов тов. Труновым в мае 1995г. Награжден за активное участие в ветеранском движении и патриотическом воспитании молодежи.

Медали: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», «За взятие Будапешта», медаль Жукова и другие в количестве 12 штук.

В войне погиб брат Сехин Александр Ефимович в 1941 году под г. Вязьма в звании полкомвзвода. В 1946 году безвременно скончался в возрасте 60 лет мой отец Сехин Ефим Анофриевич от перенесенных лишений и страданий в период оккупации 1941-1944гг. В живых остались два брата, инвалиды Великой Отечественной войны — Сехин Дмитрий Ефимович рождения 1914 года, награжден Орденом Славы III степени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, медалью «За отвагу» и другими медалями и Сехин Петр Ефимович рождения 1919 года, награжден Орденом Отечественной войны I степени, медалью «За отвагу» и другими медалями.

Я являюсь автором книги «Печатный монтаж», изданной в 1965 году издательством «Служебная информация» с грифом «Секретно» и «Интегральные полупроводниковые схемы и перспективы их

применения», изданной этим же издательством в 1968г. с грифом «Секретно». Мною, в период с 1957 по 1993гг., опубликовано 18 научных статей по электронной и электровакуумной тематике, кроме того имею научные труды, не подлежащие опубликованию.

27 июня 1997 года я был избран действительным членом Международной Академии информатизации (Диплом №10-9200).

* * *

Все дальше в глубь истории уходят грозные годы войны, но время не властно предать их забвению, исключить из памяти те эпизоды войны, в которых довелось принимать личное участие.

Мне пришлось воевать на Калининском, Западном, Ленинградском и 2-м Украинском фронтах, о чем частично описано выше. Наиболее тяжелым для меня был Калининский фронт, где наши войска в период сентябрь 1942 — февраль 1943г. вели оборонительные бои. Ощущались громадные трудности с обеспечением боеприпасами и продовольствием. Случалось, когда убивало лошадь, на неё налетали изголодавшиеся солдаты, и буквально через час от неё оставался хвост и копыта. Многие солдаты страдали от недостатка витаминов — болели цингой. Поэтому приходилось отваривать сосновые побеги и пить отвар. Надо сказать, что это оказалось действенным средством в борьбе с цингой. Настоящим бедствием для солдат был педикулез, передвижных бань в то время не было. У себя на огневых позициях батареи пришлось соорудить баню по-черному, здесь камни накалялись докрасна, и над ними дезинфекцировали одежду солдат.

В январе 1943 года я был откомандирован с 100-м артполком 93-й стрелковой дивизии Калининского фронта и назначен на должность командира батареи 1326-го легкого артиллерийского полка 71-й легкой артиллерийской бригады 5-й гвардейской Сталинградской артиллерийской дивизии прорыва РКК, которая проходила переформирование в районе г. Коломна. В составе дивизии наш полк был направлен в июле 1943г. на Западный фронт, в район Могилев-Витебск, где велись оборонительные бои. В этот период заметно лучше было продовольственное обеспечение, солдаты кушали досыта, сказывалось наличие подсобного продовольствия — картофеля. Хотя с обеспечением боеприпасами ощущались трудности, особенно с артиллерийскими снарядами. Командовал нашим полком майор Пелевин, ранее воевавший на Северном фронте. К сожалению, боевым опытом

он не обладал, и это сказалося буквально в первые дни прибытия на фронт. На рекогносцировку местности он собрал взводы управлений всех батарей и дивизионов и скопом двинулся к переднему краю обороны. Предчувствуя неладное, я дал указание своему командиру взвода управления дистанцироваться от всей колонны хотя бы метров на 300-400. Буквально через 10-15 минут наша колонна подверглась мощному артобстрелу немцев. Мы, еще не вступивши в бой, понесли значительные потери. Майор Пелевин был тяжело ранен, ему оторвало осколком снаряда руку. Вместо него командиром полка был назначен гв. полковник Кузин, оказавшийся очень знающим артиллеристом, обладавшим высокими личными качествами — храбростью, мужеством и любовью к подчиненным. К сожалению, в боях под Ленинем, когда полк поддерживал брошенную в наступление 1-ю Польскую дивизию им. Тедеша Костюшко, он был убит прямым попаданием вражеского снаряда. Это случилось 12 сентября 1943г. Для моей батареи этот день памятен тем, что орудия батареи находились в боевых порядках этой дивизии, мы поддерживали ее огнем и колесами.

Наступательная операция дивизии успеха не имела, так как из-за ограниченности в снарядах огневые точки противника полностью уничтожены не были, к тому же на этом участке фронта отсутствовала наша авиация. Дивизия, понеся значительные потери, вынуждена была отступить на исходный рубеж обороны. В мае 1944 года наша дивизия была переброшена на Ленинградский фронт для осуществления Выборгско-Петрозаводской стратегической операции на Карельском перешейке, которая началась 10 июня 1944 года.

После могучей артиллерийской подготовки, в результате которой была уничтожена глубоко эшелонированная система укреплений, насыщенная дотами, дзотами, долговременными ходами сообщения, при массивной поддержке авиации наши войска прорвали линию обороны. Моя батарея двигалась в боевых порядках пехоты, прямой наводкой уничтожая огневые средства противника. Вместе с передовыми частями пехоты батарея первой из артиллерийских подразделений вошла в г. Выборг. Противник не ожидал столь мощного удара и быстрого продвижения наших войск. Помню, когда мы вошли в город, я со своими разведчиками зашел в баню. В ней еще была горячая вода и натопленные залы. В буфете стояло бутылочное пиво, чем не приминули воспользоваться мои солдаты, в том числе и я. А мой ординарец целый вещмешок загрузил бутылками с пивом и закусочными сухариками, других закусок и спиртного не оказалось. Побед-

ное завершение этой стратегической операции было предрешено, как и вывод Финляндии из войны в целом.

Позади остались грозные и тяжелые 1941, 1942, да и 1943 годы, когда враг использовал свои преимущества. Наступила иная пора. Правда, противник был все еще силен и оказывал яростное сопротивление. В июле месяце 1944г. наша дивизия была переброшена на 2-й Украинский фронт, для осуществления Яско-Кишиневской стратегической операции. Огневые позиции моей батареи разместились практически на переднем крае обороны для ведения огня прямой наводкой. Помню, ночь на 20 августа 1944 года выдалась немного прохладной, под утро выпала обильная роса, и над низиной стлался туман, что несколько затрудняло ведение огня прямой наводкой по целям.

С нетерпением ждали рассвета. На батарее все бодрствовали и ждали команды на открытие огня. Шесть часов пять минут. Из-за холмов медленно всходило солнце, туман рассеивался. Шесть часов десять минут. Команда открыть огонь. Громовой грохот, какого не знает природа, раздался в это утро над участком прорыва главной полосы вражеской обороны. Четыре тысячи орудий и минометов разных калибров возвестили о начале нашего великого наступления. Оставшиеся в живых немецкие и румынские солдаты рассказывали, уже будучи пленными, они буквально были ошеломлены и деморализованы. Орудия батареи перемещались вместе с наступающей пехотой. По мере продвижения в глубину вражеской обороны наши бойцы стали попадать под пули и снаряды. Орудия батареи прямой наводкой расстреливали огневые цели. Сопротивление противника нарастало. Но решительное превосходство наших войск, к тому же поддерживаемое превосходящими силами нашей авиации, все глубже загоняло немецкие войска в готовящийся котел окружения. Уже 24 августа в этот котел попало 18 пехотных дивизий. Кольцо окружения сжималось, началось массовое истребление и пленение окруженных войск. Гитлеровцы шли толпами, обезумевшие, потерявшие управление.

Помню случай. На огневые позиции моей батареи, расположенной на полевой дороге, идущей через глубокую балку, двинулась пытавшаяся вырваться из окружения 258-я немецкая дивизия. Фашисты рассчитывали, что на этой полевой дороге не столкнутся с нашими войсками, и действительно, кроме моей батареи в радиусе 3-4 км не было ни пехоты, ни артиллерии. Батарее спасло то, что орудия и орудийные расчеты были вкопаны в землю по всем правилам фортификационного искусства. С дистанции 200м все орудия и 4 трофей-

ных пулемета «МГ-12», которые также были на вооружении батареи, открыли ураганный огонь по движущейся колонне. Для противника это явилось неожиданностью. В этом бою батареей было уничтожено около 700 солдат и офицеров противника, 228 было взято в плен, в том числе командир дивизии, который был сдан службе «Смерш». За истинно массовый героизм в этом бою все офицеры, сержанты и солдаты батареи были награждены правительственными наградами. Я был награжден орденом Красного Знамени. После завершения уничтожения окруженной группировки наши войска продвигались к румынско-венгерской границе, на которой было встречено ожесточенное сопротивление противника. В р-не Периам-Носаки батарея один на один столкнулась с контратакующими немецкими дивизиями — танковой СС «Мертвая голова» и моторизованной СД «Полицай». Об этом тяжелейшем за все годы войны испытании, выпавшем на долю батареи, рассказано выше — в наградном листе на орден Ленина.

Воспоминания о войне, о пережитом хочется закончить выдержкой из стихотворения любимого поэта А.Т. Твардовского:

«В этот день, когда окончилась война
И все стволы палили в честь салюта,
В тот час на торжестве была одна,
Особая для наших душ минута.
В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые».

**Слухай
Иван
Андреевич**

ОСТАВАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ОДИН ШАГ

Родился 5 декабря 1924 года в селе Успенка Зилаирского района Башкирской АССР. В 1927 году совместно с родителями переехал в село Васильевку Екатерининского района Оренбургской области.

В 1983 году вступил в члены ВЛКСМ. В 1939 году закончил 7 классов Григорьевской НСШ, Екатерининского района. В сентябре 1939 года начал учебу в 8-м классе Никольской средней школы. В октябре этого же года по путевке райкома комсомола как отличник учебы был отобран на работу учителем младших классов в связи с призывом учителей — мужчин на службу в Красную Армию. С октября 1939 года по конец 1941 года работал учителем, а затем заведующим Бузульской начальной школы Екатерининского района.

В конце 1941 года подал заявление о добровольном вступлении в Красную Армию, а в начале 1942 года был направлен в отряд народного ополчения, а затем в Одесское военное пехотное училище, которое дислоцировалось в г. Уральске Казахской ССР.

В конце января 1942 года направлен на фронт. Командовал взводом, ротой, был комсоргом батальона полка в 73-й гвардейской стрелковой Сталинградской дивизии.

После успешного выполнения задания назначен на должность помощником начальника политотдела 113-й стрелковой Нижнеднепровской дивизии по комсомольской работе, в которой и закончил Великую Отечественную войну в звании капитана.

За время боев был трижды ранен: при форсировании Днепра, при форсировании Днестра, при форсировании Дуная.

За период боевых действий мне пришлось участвовать или быть свидетелем событий, которые наряду с другими, остались в моей памяти на всю жизнь. Вот один из эпизодов.

Шестые сутки шел неравный бой. Гвардейцы под командованием капитана Вершигорова, отражая яростные атаки врага, защищали накануне захваченный плацдарм на западном берегу Северского Донца, под Белгородом, в районе поселка Соломине. Кончилось продовольствие, на исходе боеприпасы, с каждым часом все меньше и меньше оставалось защитников «малой земли». Второй день не было связи с командованием. Телефонные провода, проложенные через реку, посечены осколками, кончилось питание для радиостанции. Как дальше вести бой? Как лучше выполнить боевую задачу? Что делать с тяжелоранеными, остро нуждающимися в медицинской помощи? Эти и другие вопросы неотступно преследовали молодого командира батальона.

Комбат решил послать подробное донесение о сложившейся обстановке вышестоящему командованию. Для этого надо было подобрать воина, способного под шквальным огнем фашистов, под покровом ночи переплыть реку и доставить донесение.

Найти такого человека было поручено мне. Я остановился на кандидатуре коммуниста, младшего сержанта Старыгина А.В. Александр Васильевич мое предложение принял сразу. Командир батальона согласился с названной кандидатурой, но, поскольку задание было сложным и ответственным, он решил посоветоваться с коммунистами, одновременно довести боевую задачу на предстоящую ночь и следующий день.

Вечерело. Красный диск солнца прятался за кроны деревьев, росших на высоте, занятой противником. Яркими лучами било прямо в глаза, не позволяя вести прицельный огонь по противнику. Зато фашистам окопы советских воинов были видны как на ладони.

Комбат ждал захода солнца — только ночью можно было вынести в укрытые места раненых, доставить в окопы очередные скудные порции патронов и гранат, покормить людей, встретиться с командирами рот, уточнить план дальнейших действий.

Коротка летняя ночь. На войне научились использовать каждую ее минуту.

Вот и теперь. Еще не наступили сумерки, а по окопам уже пошла команда:

— Коммунистов к комбату!

Один за другим — кто ползком, кто перебежками — стали собираться члены и кандидаты в члены партии. Их было немного — три командира стрелковых рот, командир взвода, два пулеметчика и три минометчика. На почерневших, осунувшихся лицах собравшихся — глубокая усталость.

— Товарищи! — начал комбат, — все вы знаете, что нас осталось немного. Но плацдарм отдать врагу мы не можем. А прежде всего надо накормить людей, обеспечить боеприпасами. Я решил посоветоваться с вами, как быть дальше.

В блиндаже воцарилось молчание. Оно длилось минуту — две. Затем заговорили сразу все. Суть предложений сводилась к одному — ночью послать связного к командованию, доложить обстановку и попросить помощи. Нашлись и добровольцы.

— Разрешите мне переправиться на левый берег, товарищ капитан?

На середину блиндажа выступил высокий, плотный младший сержант.

— Я хорошо умею плавать и, главное, ныряю отлично. Пока фрицы опомнятся, я на той стороне буду.

Взгляды присутствующих скрестились на залившемся румянцем рыжем человеке, стоявшем по стойке смирно.

Комбат на минуту задумался, а затем, считая вопрос о выборе кандидатуры для себя решенным, обратился к рыжеволосому здоровяку.

— Товарищ Старыгин. Вы понимаете, на что идете? Ведь каждый квадратный метр реки просматривается и простреливается. И хотя сейчас ночи темные, шансы остаться незамеченным очень незначительны. Подумайте еще раз хорошенько о своем решении.

— Я, товарищ капитан, еще днем думал об этом, — не унимался младший сержант. — Даже выработал план действий. Вот смотрите.

Старыгин развернул листок бумаги и быстро, как бы боясь, что могут не дать договорить, стал объяснять свой нехитрый замысел. Комбат повеселел. Ему определенно нравился план сержанта.

— Этому человеку можно доверить выполнение любого задания, — вступил в разговор и командир минометной роты лейтенант Ермаков. — Он под Сталинградом и не такие задания выполнял.

Хорошо отозвались об Александре Старыгине и другие коммунисты. После короткого обсуждения был утвержден с некоторыми изменениями и его план форсирования реки.

В 00 часов 10 минут на правом фланге батальона внезапно разразилась стрельба. Наши бойцы, умело имитируя подготовку к атаке, передвигались по траншеям, вели интенсивную ружейно-пулеметную стрельбу. Противник не замедлил открыть ответный огонь. Завязалась ожесточенная перестрелка, приковавшая внимание фашистов к левому флангу.

Тем временем Старыгин скрытно подбирался к берегу. Вот он достиг его и стал бесшумно вползать в воду.

Но враг был настороже. Одна за другой белые, красные, желтые ракеты вспороли темноту, ярко осветив все вокруг. Особенно хорошо освещалась река и на ее тихой поверхности — плывущий человек. Мгновение — и вокруг него заплясали фонтанчики воды.

Пловец на какое-то время скрылся, но затем снова отчетливо стал виден, однако уже в стороне от разрывов. Огонь врага снова настиг его. Вздыбившаяся волна рядом разорвавшейся мины как бы чуть-чуть приподняла пловца, перевернула на бок и захлестнула. Человек исчез из поля зрения. Для верности фашисты еще постреляли и успокоились.

Однако просчитались. Младший сержант Старыгин, нырнув поглубже и преодолев значительное расстояние под водой, добрался до намеченной цели. Теперь надо было выбрать момент и в одно мгновение выскочить на берег, где он еще днем заметил глубокий окопчик.

Когда погасли осветительные ракеты, Старыгин вскочил, сделал рывок, но, поскользнувшись в жидком месиве, упал. Снова вскочил, выпрыгнул на берег. Длинная очередь прочертила огненную линию у самых ног смельчака, за ней последовала вторая, третья... Младший сержант взмахнул руками, перевернулся в воздухе и упал навзничь в высокую траву левого берега.

Капитан Вершигоров много раз видел, как падают насмерть сраженные пулями. Так же упал и Старыгин. От боли сжалось сердце. И все же у командира теплилась надежда: может быть это только трюк опытного закаленного бойца-сталинградца.

Так оно и случилось. Поняв, что снова обнаружен противником, Старыгин упал в высокую прибрежную траву и под ее прикрытием добрался до безопасного места. Некоторое время спустя, на командном пункте командира дивизии он докладывал обстановку на плацдарме, нанес на карту позиции, занимаемые его батальоном и противником.

И людям с «малой земли» пришла помощь. На рассвете мощная артиллерийская стрельба разорвала тишину. Около 30 минут длилась

огневая обработка позиций фашистов. За это время на лодках, плотах и просто вплавь на правый берег Северского Донца переправлялись дополнительные силы советских воинов.

И когда огненный вал, сделав свое дело на переднем краю обороны фашистов, шагнул в ее глубину, мощное «ура» сотрясло утренний воздух. Батальон капитана Вершигорова, пополненный новыми силами, перешел в атаку, отбросил врага на значительное расстояние от берега и создал условия для наведения переправы через реку.

Командование высоко оценило подвиг коммуниста, младшего сержанта Старыгина. Он был награжден орденом Красной Звезды.

В последующем бесстрашный воин из Алтайского края совершил немало героических поступков, поражая своей смелостью, находчивостью и дерзостью даже выдавших виды людей. За форсирование реки Днепр гвардии сержант Старыгин был удостоен высшей степени воинского отличия — звания Героя Советского Союза.

Александр Васильевич Старыгин не дожил до светлого дня Победы, он погиб смертью храбрых в одном из жарких боев. Светлая память о нем вечно будет жить в сердцах благодарных потомков.

Памятен для меня и случай, имевший место в действиях разведывательной группы 214-го гвардейского Ворошиловского стрелкового полка, в составе которой мне непосредственно пришлось участвовать.

Шел август 1944 года. Наш стрелковый гвардейский Ворошиловский полк получил задание — сосредоточиться в районе Тирасполя. Затем скрытно, через лес выйти к железной дороге и на рассвете атаковать передовую позицию фашистов.

Начальник штаба полка майор Гениевский решил послать вперед разведку — надо было обязательно заранее узнать, какие они, эти лесные дороги — ведь двигаться ночью. Разведчики отправились в путь как только стало смеркаться. Чем гуще становились сумерки, тем труднее было продвигаться по лесу, ориентироваться. Но солдаты шли и шли. На одной из полян, надежно отгороженной от мира плотно обступившим ее лесом, решили сделать небольшой привал. Здесь можно было включить, наконец, карманный фонарик, сверить по карте маршрут.

Едва командир открыл планшет, как он и все обступившие его услышали приглушенный возглас:

— Братцы, здесь мальчонка... Мертвый, кажись....

Бросились на голос. Вспыхнул еще один фонарик. Метнулся по земле, по кустам луч. Остановился на грязном заплаканном личике. Малыш спал, свернувшись клубочком. Едва ли ему было лет пять.

Чуть дрогнули ресницы, но он так и не проснулся. Видно, крепко намаялся. Минуту — другую солдаты не двигались, будто оцепенели. Потом все разом засуетились, хлопотали вокруг малыша. Один быстро снял с себя плащ-палатку, сложил вдвое и расстелил ее там, где трава была погуще. Другой бережно поднял на руки худенькое тельце и так же бережно, почти не дыша, опустил его на приготовленную постель. Несколько человек уже полезли в свои вещмешки, выискивая там что-нибудь повкусней, на случай, если ребенок проснется. Надо было видеть в эти минуты лица солдат — и тех, у кого дома были такие же дети, и тех, у кого их не было. Сколько нежности, настоящей отцовской ласки было в каждом, и сколько одновременно печали и грусти. Война, война... Сколько бед и горя принесла она.

Но разведчикам надо было идти вперед. И идти немедленно. Решили: брать мальчика с собой нельзя. Мало ли что может случиться. Двум солдатам и сержанту доверили свою драгоценную находку и отправили обратно — в штаб полка. По очереди несли его трое.

Утром, когда, несмотря на яростное сопротивление, фашисты были выбиты из насиженных мест и поспешно отступали, выкроилась свободная минутка у начальника штаба.

— Ну-ка, покажите мне вашу находку, — обратился к капитану Шокину майор Гениевский.

Через несколько минут перед майором стоял мальчонка. Сейчас в нем едва ли можно было узнать того, которого ночью нашли солдаты в лесу. Умытый, причесанный, переодетый, он смущенно-тревожно поглядывая на взрослых. Он все еще дичился, беспокойно озирался. Майор притянул его к себе. Посадил на колени. Ласково провел по головке.

— Как зовут тебя? — спросил.

— Ленька, — ответил. И опять замолчал. Война очень рано сделала его, пятилетнего, взрослым, неразговорчивым.

— А фамилию свою знаешь?

— Не-е, — покачал головой.

— А где твоя мама?

— Не знаю... — чуть помедлив, добавил: — Немцы ее увели.

— А как ты в лес попал?

— Я ждал ее, ждал. Потом ушел из дома. Шел, шел, плакал. В лесу тоже плакал. Страшно было.

Больше ничего узнать от него и о нем не удалось. Что делать с мальчиком? В самый разгар наступления, когда штабисты не спали

по несколько суток, выкроили время, для того чтобы обсудить этот вопрос. И решили: быть ему сыном полка. Судя по всему, рассуждали, — сирота. Родственников сейчас не найти. Оставить чужим — об этом ни один даже не заикнулся. Ленька, оживший и повеселевший, стал самым дорогим для всех в полку человеком, общим сыном. Где какую конфету находили — ему приносили. Сколько было у него всяких незамысловатых свистулек и поделок, смастеренных солдатами! И все равно их несли и несли ему.

— Сынок, — говорили ласково. Брала на руки. Играли. Рассказывали сказки. Он с каждым днем смеялся все звонче. И от этого беззаботного детского смеха стихала тревога в сердцах. Случилось сейчас встретиться даже с его матерью, и ей бы, наверняка, не очень охотно отдали б мальчонку: так все привыкли к нему.

Если акт усыновления найденыша состоялся сравнительно легко, то с наречением дело обстояло значительно сложнее. Вокруг имени, естественно, споров не было, поскольку оно было доподлинно известно — Ленька. Ну а дальше? Отчество выбирали долго. И вот где поспорили. Одни предлагали величать именем того, кто нашел мальчишку. Другие возразили: сын-то общий, что ж одному такая честь? Кто знает, сколько бы спорили, если бы вдруг заместитель командира полка по политчасти майор Михайлов не подсказал великолепный, всех устроивший выход:

— Пусть будет Леня — Воропоновичем. Отец ему весь полк, так пусть отчество будет отчеством. А фамилию ему давайте дадим Днестров. На этой реке родился. Здесь мы повстречались с ним.

Предложение майора было принято единогласно. Горячие споры теперь сменились всеобщей радостью по поводу удачного наречения сына. Так в полку появился новый солдат — Леонид Воропонович Днестров.

Шли дни, недели, месяцы. Полк продолжал свой боевой путь. В жарких боях освобождал он Молдавию. Потом Румынию и Болгарию. Очищал от фашистской нечисти Югославию. Участвовал в разгроме гитлеровцев в Венгрии и Австрии. И весь этот путь вместе с полком прошел рядовой Днестров, Ленька, наш пятилетний однополчанин.

Специальным приказом ему было определено находиться при санитарной роте. И как ни много было у всех забот здесь, о малыше помнили ежеминутно. Делали все, чтобы не чувствовал он себя сиротой. Все, чтобы и в его детство вошла, наконец, радость. А уж «две мамы» — сестры Люба Антонова и Клава Барышева, несмотря на ус-

талость, на нелегкий труд фронтовых медицинских работников, кормили его, обшивали и обмывали, учили и воспитывали.

— Лень, — обращалось к малышу сразу несколько человек, как только он появлялся в одной из палат. — Дай, пожалуйста, воды... Поправь подушку... Принеси карандаш. — И не так уж нужна была его помощь, как присутствие. Многие часы скрасил он раненым. И будто понимая, что беспомощным взрослым, лежащим на койках, с ним куда легче, старался малыш надолго не отлучаться из палат. В одной не задерживаться дольше, чем в других. Охотно разговаривал с каждым. И на любую просьбу о помощи откликался тут же.

И все-таки был человек, при виде которого он никак не мог каждый раз сдержать радости. Бежал навстречу, увидев еще издали. Обхватывал за шею. Долго-долго не отпускал. Был этим человеком капитан Александр Шокин. Это он первым обнаружил Леньку в лесу. Он впервые вызвал на лице у мальчишки улыбку. И поэтому никто не удивлялся, когда Ленька, рассказывая о нем, вдруг называл его папой...

Военная служба в конце войны заставила меня оторваться от своего родного полка. С тех пор прошло вот уже много лет.

И я каждый раз интересовался, встречая однополчан, где Ленька? Одни говорили, уехал с Шокиным, другие — нет. Недавно перебирал старые бумаги. Среди них вдруг обнаружил его снимок. И опять вспомнил Леньку. Где ты, сын нашего полка? Откликнись, отзовись! Очень бы хотелось узнать, каким ты стал и как живешь.

Может быть, не он откликнется первым. Другие. Те, кому известна судьба мальчишки, которого все мы считали и считаем сыном — судьба Леонида Воропоновича Днестрова.

В октябре 1944 г. командованием я был направлен парламентом в г. Белград. В то время мы на плечах у отступавшего врага ворвались в Югославию.

Фашисты, сознавая обреченность своего положения, дрались с особой жестокостью. Белграду грозило полное разрушение. Чтобы предотвратить его, наше командование решило предложить врагу капитуляцию. Для этого приняли решение послать в стан врага парламентаря. Выбор пал на меня — комсорга 214-го гвардейского стрелкового полка.

В штабе дивизии мне разъяснили задачу и вручили запечатанный пакет. Сложность задачи состояла в том, что немцы держали под обстрелом улицу, по которой должен был следовать парламентарь.

С белым флагом я направился в сторону неприятеля. Смелость парламентаря произвела свое впечатление. Выстрелы смолкли. Я вышел на перекресток. Через минуту вышла группа немцев во главе с младшим офицером. Я в их сопровождении направился к зданию, где, по их заявлению, находился штаб.

По прибытии на место я потребовал провести к командующему группировкой. Офицер удалился и вскоре вернулся вместе с майором. Последний заявил, что командующий поручил ему принять пакет. Это не противоречило поставленной задаче. Я вручил пакет.

Пока проходила эта процедура, немецкие солдаты держали меня под прицелом и выкрикивали угрозы. Однако чувствовалось, что единого мнения у них не было. Сохраняя достоинство, учитывая обстановку, я развернулся и двинулся в расположение своей части. Шел твердым строевым шагом, и удары сапог по брусчатке громко разносились в тишине улицы. Так я дошел до угла, за которым стояла группа советских воинов и толпа местных жителей.

Оставалось сделать только один шаг, чтобы очутиться в укрытии. В этот момент одна за другой прогремели три автоматные очереди. Две пули опалили правую ногу выше колена. Встретившие подхватили меня на руки.

Такое положение возымело свое действие. Уже вечером со стороны врага в расположение нашей части перешла группа солдат свыше 240 человек. Улицу, которая была недоступна, удалось взять без боя.

За выполнение миссии парламентаря я был награжден орденом Красного Знамени.

После успешного выполнения этого задания назначен на должность помощником начальника политотдела 113-й стрелковой Нижнеднестровской дивизии по комсомольской работе, в которой и закончил Великую Отечественную войну в звании капитана.

Работая Председателем Московского комитета ветеранов войны, встречаюсь с молодежью и вспоминаю не только этот эпизод, но и другие, не менее рискованные, действия товарищей по оружию.

Войну я закончил в 21 год с пятью боевыми орденами: орденом Отечественной войны 2-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом Боевого Красного Знамени Болгарии и многими медалями, но самым дорогим считаю орден Красного Знамени.

Приказами Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина также награжден грамотами: за отличные боевые действия по освобождению города Белгорода (приказ от 5 августа 1943г.); за августовские бои 1943 года за город Харьков (при-

каз от 23 августа 1943г.); по овладению штурмом города и крепости Бендеры (приказ от 23 августа 1944г.); занятие города Шумен (приказ от 9 сентября 1944г.); по освобождению столицы Югославии города Белграда (приказ от 20 октября 1944г.); за форсирование Дуная и прорыв обороны противника (приказ от 29 ноября 1944г.); за овладение столицей Венгрии городом Будапешт (приказ от 13 февраля 1945г.); за прорыв обороны противника южнее озера Балатон и овладение городами Надьбоем, Бегене, Марцали и Надьятая (Венгрия); за овладение центром нефтяной промышленности Венгрии городом Надьканиисе.

В послевоенный период с июня 1945 г. по август 1946 г. работал помощником начальника политотдела тыла 57-й армии по комсомолу.

С 1 сентября 1946 г. по июль 1947 г. учился и успешно закончил годичное высшее училище пропагандистов вооруженных сил. По окончании его работал заместителем командира отдельного учебного дивизиона по политчасти, пропагандистом 540-го зенитного артиллерийского полка, 44-й зенитной артиллерийской дивизии.

В 1951 году поступил и в 1956 году успешно окончил артиллерийский факультет Военно-политической академии имени В. И. Ленина.

С августа 1956 г. по апрель 1958 г. работал заместителем командира зенитно-ракетного полка 1-й армии Особого назначения.

С апреля 1958 года по апрель 1962 года работал инспектором, а затем заместителем начальника отдела Политуправления Московского округа ПВО.

В апреле 1962 года назначен инспектором Управления политорганов ПВО Главного Политического Управления СА и ВМФ.

В августе 1967 года назначен заместителем начальника отдела организационно-партийной работы Политуправления войск ПВО страны.

В августе 1969 года Министром Обороны СССР назначен начальником политотдела 21-го корпуса ПВО страны в Заполярье. Работал до июня 1974 года.

С июня 1974 года по февраль 1987 года работал старшим инспектором Политуправления войск ПВО по войскам ракетно-космической обороны.

В феврале 1987 г. в звании генерал-майора добровольно по болезни уволился из рядов Советской Армии в отставку, прослужив в ее рядах 45 календарных лет.

В послевоенные годы был награжден 4 орденами СССР — Отчужденной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, орденом «За службу родине» 3-й степени, медалью «За боевые заслуги» и многими юбилейными медалями СССР и стран народной демократии.

После увольнения из рядов Советской Армии работал лектором общество «Знание», где защитил звание лектора 2-й и 1-й категории. Параллельно вел общественную работу, будучи председателем Объединенного совета Народного ополчения. В феврале 1996 года избран и работаю в настоящее время Председателем Московского комитета ветеранов войны, а также Председателем Объединенного Совета Народного ополчения.

За активную общественную деятельность награжден Президентом России орденами «Дружбы» и «Почета».

С детства, а затем и на протяжении всей жизни занимался журналистикой. Имею изданные труды (5 книг и брошюр) и опубликованные около 500 статей в журналах и газетах. С 1966 года — член Союза журналистов.

Женат. Жена — Слухай Мария Сидоровна, с которой состою в браке 58 лет. Сын Вячеслав 1947 года рождения — работник издательства газеты «Трибуна». Два внука — Андрей и Алексей. Двое правнуков Игорь и Яна.

В КПСС состоял с 1943 года. Был принят как отличившийся в бою.

В настоящее время работаю над проблемами, раскрывающими и укрепляющими основы дружбы между народами, ветеранами и армиями России, стран ближнего зарубежья, Болгарии, Чехии, Словакии, Польши, Югославии, с которыми был тесно связан с периода войны. Эту работу считаю одним из основных направлений работы Московского комитета ветеранов войны.

Мои статьи, опубликованные в журналах в период с 1951 по 2000 гг.:

— Активно, по-боевому // «Вестник ПВО». 1958 . №2;

— Пропаганда должна быть боевитой, доходчивой // «Вестник ПВО». 1958. №4;

— Командир — полномочный начальник и воспитатель подчинённых // «Пропагандист и агитатор». 1951. №II;

— Пионеры советского ракетотделения // «Вестник ПВО». 1964. №9;

— Больше заботы о молодых офицерах // «Вестник ПВО». 1965. № I;

- Новые изыскания о войсках ПВО // «Вестник ПВО». 1966. № 6;
- Коллективность руководства и персональная ответственность // «Коммунист Вооружённых Сил». 1967. № II;
- Всегда на страже // «Вестник ПВО». 1968. № 7;
- Больше внимания укреплению воинской дисциплины // «Вестник ПВО». 1969. № 3;
- Твой передний край // издание «Блокнот агитатора». 1967. № 3;
- Растут ряды классных специалистов // «Вестник ПВО». 1977. № I;
- Быть коммунистом — дело ответственное // «Коммунист Вооружённых Сил». 1969. № 12;
- Агитпропколлектив и пропаганда важности постоянной боевой готовности войск // «Коммунист Вооружённых Сил». 1971. № 16;
- Воспитывать на боевых традициях // «Вестник». 1971. № 9;
- Дружба братских народов СССР и Болгарии крепнет // «Вестник ПВО». 1975. № 8;
- Ещё живёт в войсках боевой дух // «На боевом посту». 1998. № 2.

Многие другие статьи, опубликованные в секретных сборниках журналов «Техника и вооружение», «Вестник ПВО», «Коммунист Вооружённых Сил», не сохранились.

Мои статьи в газетах:

- Пионеры школы впереди // «Колхозные ребята» 1937 г.;
- Трудовое обучение в школе // «На боевом посту» Екатеринбургского района Оренбургской области, 1940 г.;
- Готовиться к призыву в Красную Армию — задача каждого молодого человека // газета «На боевом посту» Екатеринбургского района Оренбургской области, 1940г.;
- Гвардейцы всегда впереди // 1942г., газета 57-й армии (название, кажется, «За Родину»);
- Трудовые подарки Родине // 1947г., газета «Сталинское Знамя» Прикарпатского военного округа;
- Больше активности в избирательной кампании // газета «Сталинское Знамя» Прикарпатского Военного округа, 1950г.;
- подвал газеты «Сталинское Знамя». «Рассказ по теме» // 1948г.;
- подвал газеты «Сталинское Знамя». «Агитация за кандидата» // 1950г.;
- подвал газеты «Сталинское Знамя». «Учитывая уроки прошлого» // Прикво, 1948г.;

- Подвал «Доверенное лицо» // газета «Сталинское Знамя», Прикво, 1950г.;
- «Воины изучают избирательный закон» // «Сталинское Знамя», Прикво 1950г.;
- «У стола справок дежурит депутат Горсовета» // «Сталинское Знамя», Прикво, 1950г.;
- «Кровное дело коммунистов и комсомольцев» // «Сталинское Знамя», Прикво, 1949г., июнь;
- «Здесь жил великий советский поэт» — к 25-летию со дня смерти В.В.Маяковского // газета «Чкаловская коммуна», 1951г.;
- «Деятельные помощники командиров и политработников» // газета «Красная Звезда», май 1956г.;
- «Нет выше чести» // газета «На боевом посту» Московского округа ПВО 2.08.60г.;
- «Трудовая Слава» // газета «На боевом посту» МО ПВО 21.10.59г.;
- «Горячие дни» // газета «На боевом посту» МО ПВО, ноябрь 1959г.;
- «Правда о войне» // газета «На боевом посту» МО ПВО 1960г.;
- «Комсомольские руки — руки золотые» // газета «На боевом посту» 13.10.61г.;
- «Критиковать — значит заботиться о деле» // газета «На боевом посту», 1961г.;
- «Следуя почину Москвичей» // газета «На боевом посту», МО ПВО, 1962г.;
- «Солдаты приехали на целину» // газета «Знамя Коммунизма», август 1960г.;
- «Соревнуются активно, по-деловому» // газета «На боевом посту» МО ПВО, 7.Ш.61г.;
- подвал «Коллектив воспитывает» // газета «На боевом посту», 21.4.61г.;
- «Решения партии зовут на новые дела» // газета «На боевом посту» МО ПВО декабрь 1961г.;
- «Горячие дни» // «На боевом посту», 11.3.61г. ;
- «Соревнуются активно, по-деловому» // «На боевом посту» 7.3.61г.;
- «Воля и труд к цели ведут» // «На боевом посту», МО ПВО, 1962г.;
- «Наказы коммунистов» // «На боевом посту», МО ПВО, январь 1963г.;

— подвал «Что такое демократический централизм» // «На боевом посту», МО ПВО, 12.10.65г.;

— «Много добрых помощников» // «На боевом посту» разговор, март 1965г.;

— «Страж Родной отчизны» // «Ленинец» Сакмарского района Оренбургской обл., 23.2.66г.;

— «Да, боевитость — условие успеха!» // «На боевом посту», МО ПВО, 12.1.65г.;

— Подвал газеты «Трудовая Слава», Ичнянского района Черниговской области, 22.1.1966г.;

— «Надежный щит на страже мира» // «Кавказская здравница». Ставропольский край, 19 ноября 1966г.;

— «Напагатове!» // «Звезда» Белорусской ССР, 19 листопадня 1966г.;

— «Страж Родной Отчизны» // газета «Правда», 4 февраля 1966г.;

— «Катюши громовые раскаты» // «Ленинское Знамя», Киев, 30.1.65г.;

— «Ракеты и традиции» // «Советский Патриот». 16.6.65г., 17.6.65г., 18.6.65г., 19.6.65г., 20.6.65г., 21.6.65г., 27.6.65г., 28.6.68г., 4.7.65г., 5.7.65г. — 10 подвалов;

— «Ракетчики» // «На боевом посту», газета Забайкальского военного округа, 14.6.66г.;

— «Дисциплина коммуниста» // «Красная Звезда», 3.3.71г.;

— «У скал Муста — Тунтури» // «Северная Правда» Североморского горкома КПСС, 8.8.72г.;

— «Звали мальчишку Ленкой» // газета «Советская Молдавия». 9 мая 1966г.;

— «Советско-чехословацкое братство» // газета Моравского райкома КС, 1967 год;

— «Советская делегация на торжествах по случаю Дня Победы / / газета «Народна Армия Болгария»; 8.05.75.;

— «Бессмертный подвиг» в честь 30-й годовщины Победы // газета «Земледельческо Знаме», Болгария, 9 мая 1973г.;

— «Братство и дружба — залог победы» // газета «Работническо дело», Болгария, 11.05.75г.

Кроме того, мною опубликовано еще свыше 400 статей в газетах, особенно военной поры, которые не сохранились или пришли в ветхое состояние. Опубликованы также свыше 50 статей в журналах «Огонек», «Советский воин», «Коммунист», «Коммунист Вооруженных Сил» и др.

Мои основные публикации:

— Слухай И. А. Ракеты и традиции. — Воениздат 1965 г. , 11 п.л.;

— Слухай И.А. Что такое демократический централизм. Газета «На боевом посту», 1965 год, 3,3 п.л.;

— Слухай И. А. Они были первыми. Газета «На боевом посту», 1954 г., 4,2 п.л.;

— Слухай И.А. «Страж родной Отчизны». Газета «Правда», 1968 год, 5 п.л.;

— Слухай И. А. Родословная Громовержцев. — Воениздат, 1964 год, 5,4 п.л.;

— Слухай И. А. , Гусев А. И. Победители завоевали Переходящее Красное Знамя.— Изд-во газеты «На боевом посту», 1962 г., 3 п.л.;

— Слухай И.А., Тужилин М.П. Подразделение воинов сплошной классности. — Изд-во газеты «На боевом посту», 1963 год, 4,3 п.л.;

— Слухай И. А. Бессмертный подвиг Московского Народного ополчения.— Изд-во «Патриот», 1994 год, 2,5 п.л.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Мендеров Роман Владимирович**, студент 3-го курса Государственного университета природоустройства

Тимофеев Михаил Александрович

БОИ НЕ ПРЕКРАЩАЛИСЬ НИ ДНЕМ НИ НОЧЬЮ

Я родился 21 ноября 1925 года в селе Шемаха Нязе-Петровского района Челябинской области в простой крестьянской семье.

Член комсомола с 1940 до 1944 г., в 1944 г. — кандидат в члены партии, с 1945 г. — член партии. В 1940 году я окончил 7 класс Шемахинской неполной средней школы и поступил в Ижевский индустриальный техникум на специальность прокатчик.

О войне узнал 22 июня 1941 г., находясь дома на каникулах. После этого я вернулся в техникум и в конце 1941 г. ушел оттуда, не закончив 2 курс. В январе 1942 г. по комсомольской путевке уехал работать на 114 завод в город Копейск Челябинской области, затем перевелся на Катав-Ивановский завод по выпуску военной продукции, это был 2-й цех цементного завода, делали мы там мины. Во время работы на заводе я получил рабочую специальность — слесарь.

В декабре 1942-го по решению Катав-Ивановского райкома комсомола меня направили в город Коркино Челябинской области, электрослесарем на Разрез №1 Треста «Коркинуголь». В феврале 1943-го на Урале начал формироваться Уральский добровольческий танковый корпус из числа имеющих бронь рабочих и инженерно-технических работников. Узнав о формировании корпуса из сообщения политотдела, я в числе 160 работников разреза подал заявление о зачислении в этот корпус. По решению политотдела меня вместе с тремя другими добровольцами зачисляют артиллеристом истребительной противо-

танковой батареи особого мотострелкового батальона этого корпуса. Командовал корпусом генерал-лейтенант Родин.

В начале марта 1943 г. состоялись наши торжественные проводы на фронт. В то время из угольной промышленности практически никого не отпускали, и то, что нас четверых из ста шестидесяти отпустили, стало большим событием. Было организовано застолье. Разрешалось взять с собой самое необходимое, очень нужной вещью считался табак. Мои товарищи набирали много, а я, по молодости, подошел к мешку, зачерпнул горсть ладонью, сунул в карман и пошел.

Из города Коркино мы проследовали в город Златоуст, где влились в состав Челябинской бригады. В городе Златоусте мы размещались на территории пионерского лагеря, и там же началось обучение — в полевых условиях по армейскому распорядку дня по средствам проведения учебных стрельб. Недостатки знаний восполнялись в местном артиллеристском училище. Из города Златоуст наша бригада направилась в подмосковную Кубинку с остановками в Куйбышеве и в Москве. По дороге вместе собирались все три бригады: Челябинская, Свердловская и Пермская, и в Кубинку прибыл уже весь Уральский добровольческий танковый корпус в полном составе.

Хочу отметить высокую организованность как военных, так и гражданских служб во время войны. Во время остановок мы получали горячее питание, а в Москве с нами еще проводили политзанятия. Помню, как ночью на Москву был совершен налет немецких бомбардировщиков, я выбежал на улицу, поднял голову и увидел несколько десятков точек. Сначала я решил, что это самолеты, но, приглядевшись, увидел, что это аэростаты, запускаемые нашими силами ПВО. Из-за этих аэростатов немецким самолетам приходилось подниматься на большую высоту, откуда им почти ничего не было видно и приходилось бомбить вслепую. Также очень четко работали прожектора: они брали немецкий самолет в так называемую «вилку» и вели его, пока не сбивали или пока он не улетал из зоны видимости.

По прибытии в Кубинку мы разместились в поле в палатках и шалашах. Мы прикрывали Москву и одновременно продолжали обучение в условиях, максимально приближенных к боевым.

В начале июля 1943 г. наш корпус получил задачу выступить из района Сухиничи-Середничи на юг, перерезать коммуникации противника и выйти в район населенного пункта Злынь, занять железную и шоссейную дороги Орел — Брянск и отрезать пути к отходу Орловской группировки гитлеровцев на запад. С момента выступления бои не прекращались ни днем ни ночью. Особенно тяжелый бой произошел возле деревни Борилово. 8 августа 1943 г. в бою за железнодо-

рожную станцию Шахово я был тяжело ранен. Шедшие следом санитары подобрали меня, отнесли в полевой госпиталь и оказали первую помощь, затем меня погрузили в машину и отвезли на несколько километров в тыл. Оттуда я попал в пересылочный пункт в Туле.

В Туле меня положили в санитарный поезд, который сначала направился в город Казань, но там все госпитали были переполнены, и поезд направился в Свердловск, но и там мест не оказалось. Далее в Новосибирск — мест нет, Красноярск — мест нет, Иркутск — мест нет. Полмесяца я провел в этом поезде, и только в Улан-Уде меня как наиболее тяжелораненного сняли с поезда и положили в госпитале, который размещался в здании местной гостиницы.

Комиссовался я инвалидом 2 группы и вернулся в родное село. Несколько месяцев проработал заведующим клубом в селе Шемаха и в октябре 1944 поступил на службу в органы госбезопасности.

С 1944 по 1964 год я прошел путь от помощника оперуполномоченного до начальника отдела УКГБ по Челябинской области, в том числе на протяжении 18 лет работал на объектах атомной промышленности. В июне 1964 г. меня назначили заместителем начальника УКГБ по Ставропольскому краю, в апреле 1968 г. — председателем КГБ Кабардино-Балкарии, а в июне 1973 г. — начальником УКГБ по Хабаровскому краю и членом Военного совета Дальневосточного пограничного округа.

В 1978 году меня перевели в Центральный аппарат КГБ СССР и назначали заместителем начальника второго Главного управления — начальником управления «Т» КГБ СССР. С сентября 1981-го по март 1992-го я заместитель министра гражданской авиации, а с декабря 1994 г. по март 2000 г. работал советником Центрального производственного диспетчерского управления Гражданской авиации.

Награждён орденами: Ленина, Октябрьской Революции, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, Трудового Красного Знамени, «Знак почёта» и 21-й медалью.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Кручинин Константин Игоревич**, студент 1-го курса Московского авиационного института

Уткин Борис Павлович

ЧЕСТЬ БЫТЬ КРАСНОЗНАМЕНЦЕМ (Записки командира дивизиона полевой реактивной артиллерии)

Родился в 1923 г. в старинном селе Петровском Раменского района Московской области.

Участник исторического военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года в Москве.

Награжден: орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, тремя орденами Красной Звезды, медалью «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени и многими другими медалями. Награжден орденами Румынии, ГДР, ПНР. Генерал-полковник.

* * *

Каждый, кто берется за перо, чтобы написать воспоминания о жизни, о войне, каждый, кто выходит к людям самых различных возрастов и уровней образования, воспитания, духовных потребностей, чтобы рассказать о прожитом, об уроках жизни, службы, войны, не может не спрашивать себя: будет ли интересным и полезным написанное или рассказанное им? Имеет ли он моральное, нравственное право писать и говорить о том, что рядом и вместе с ним переживали мно-

гие которые, как и он, могли бы сделать то же самое? Наконец, правильно ли он, приступая к воспоминаниям, понимает свой общественный долг, общественную значимость своего рассказа? Такие сомнения владеют и мной. Не раз и не два ставил я перед собой эти сложные вопросы. И после долгих-долгих размышлений решил последовать известному совету А.М. Горького, утверждавшего, что он начал писать тогда, «когда не мог не писать». Настолько желания и впечатления, ощущение внутренней силы и необходимости высказать, поделиться с другими тем выношенным, выстраданным, проверенным перебарывают сомнения и чувства неуверенности.

За плечами четыре года войны, пятьдесят лет службы в армии, восемьдесят лет жизни. Никто пути пройденного у нас не отберет, равно как и накопленного опыта, уроков жизни и службы. К тому же ветеран — понятие не возрастное, а социальное. Ветеран — сознательный свидетель, участник событий в стране и армии, носитель социального опыта. Он отличается от молодых, вступающих в жизнь людей тем, что лично все пережил. Он знает, например, что такое война, сражение, бой; какова роль человека на войне. Он сыграл эту роль. Ветеран — независим в суждениях и выводах, он утверждает то, что было, что видел и может подтвердить. Больше того, после войны личные наблюдения и выводы были им неоднократно выверены в ходе учебы в академиях, в научно-исследовательской работе, военно-профессиональной практикой. Ветераны «пропустили» через призму своего личного видения войны огромный пласт научной, мемуарной, художественной литературы, произведений искусства (кино, театр, музыка, батальная живопись). Было с чем сравнить, в чем поправить свои взгляды, обогатиться опытом других участников событий величайшей войны.

И все же, пожалуй, главным побудительным мотивом к работе над воспоминаниями является общественная потребность, востребованность широкого спектра знаний о войне прошедшей и о войне вполне вероятной. В России постепенно отходят от смятения умов последнего десятилетия, когда верх брала стихийная «свобода» и громкость голосовых связок, упоение безнаказанностью — что бы человек ни говорил, отсутствие какого-либо, в том числе внутреннего, идущего от совести, самоограничения. Ныне все больше здравого смысла, желания «дойти до глубины, до сути» (Б. Пастернак), заглянуть в будущее, в судьбу личности, общества, государства.

Мне приходится часто выступать в различных аудиториях. Мои слушатели — ученые и студенты, ветераны и молодые солдаты, госу-

дарственные служащие и учащиеся старших классов школы. Мне нравится их жажда познания явлений войны. Как и они, вместе с ними я ищу ответы на вопросы, по которым наука, и искусство, и ветераны не сказали еще своего слова. Я высказываю свое мнение, говорю со своих позиций, привожу научные доводы и радуюсь, когда они находят одобрение. Общение с широкой, разнообразной аудиторией позволяет мне сделать главный вывод: родители, школа, система высшего образования, государственная власть, общественные организации пока еще не сумели поднять на должный уровень систему знаний о войне, о человеке на войне, об источниках победы. Этот вывод для меня является стимулом к работе над воспоминаниями о войне, о военной службе. Отправной точкой в этом столь необходимом для Отечества деле стали строчки молодого поэта Петра Титаренко (он из Подмосковья), которые я услышал на одной из встреч с молодежью:

...Когда уйдет последний ветеран-
Кто нам окопы старые покажет,
Кто нам о той войне расскажет,
Когда уйдет последний ветеран?

Мне довелось прочитать немало книг — воспоминаний, мемуаров. Военное издательство выпустило их более семисот. Другие издательства также популяризировали книги этого жанра. Мемуары содержат богатейший материал для познания войны, судеб людей на войне. В них много субъективных, суждений, оценок. И это хорошо, так как об одном событии, сражении, бое свидетельствуют разные люди. Можно простить и ошибки — люди не ангелы, даже в книгах ученых допускаются серьезные оплошности. Больше того, ссылка на архивы, на документы не дает гарантии истинности факта, ведь документы составляли такие же люди; они тоже отражали действительность со своих личных позиций.

У мемуаров есть одна особенность, которую еще не поздно поправить: многие из них написаны большими начальниками, иногда с помощью литературных записчиков, офицеров-сослуживцев. Командующие фронтами и армиями, члены военных Советов, начальники штабов в большинстве своем оставили воспоминания. Мемуаров командиров корпусов и дивизий десятки, командиров полков — считанные единицы. А вот воспоминания командира батальона А. Алтунина и командира батареи Г. Калущкого в полном смысле слова — в единственном числе. Может быть, я ошибаюсь, поэтому заранее при-

ношу извинения. Но убежден, что в ближайшие годы надо помочь фронтовикам, ветеранам выступить с рассказами о том, как они командовали ротами, батареями, батальонами и дивизионами. Там кипела фронтовая жизнь, там рождались герои и подвиги, там достигались боевые результаты. Сложенные вместе, они принесли нам Победу.

Формат нашего издания не предполагает пространных воспоминаний. Поэтому мне представляется целесообразным остановить внимание читателя на том, что составляет главное содержание книги, чему она посвящена, то есть на воспоминаниях офицера, награжденного в ходе войны первым советским орденом — орденом боевого Красного Знамени.

* * *

1944 год — один из счастливейших в моей жизни и военной службе. Победа была не за горами. После Курской битвы никто в мире не сомневался, что СССР в противоборстве с фашистской Германией один, без союзников, непременно победит врага. В феврале мне было присвоено воинское звание капитан. Обмыли по фронтовому ритуалу: восемь звездочек опустили в стакан с водкой, заставили выпить и по одной звездочке, затягивая испытание, прикрепляли на погоны. Вскоре мой командир — майор Алексей Никитич Корнеев, человек огромного мужества, кристальной чести и незапятнанной репутации, был направлен на курсы повышения квалификации в Москву, а мне было приказано принять командование 390-м отдельным гвардейским минометным дивизионом, куда я 17 июля 1942 г. прибыл служить командиром взвода. В последующем — с октября 1942 г. — я стал заместителем, а с января 1943 г. — командиром батареи; с апреля 1943 г. служил начальником штаба в родном дивизионе. Командир доверял мне во всем, но я особенно ценил (и, не скрою, гордился) то, что он самые сложные стрельбы просил провести меня вместо него. Он не имел систематического военного артиллерийского образования, окончил лишь полковую школу сержантов, был призван из запаса в 1941 г. Но опыт командования дивизионом с апреля 1943 г. был им приобретен, чувствовал он себя уверенно. Я всячески убеждал его, что подготовленные им данные не расходятся с моими. Тщетно. Я рос при нем, облеченный доверием, заботой. К тому же он был старше меня на семь лет. Решения его были мудрыми, стиль работы демократический, привлекали его врожденная интеллигентность, знание литературы, поэзии.

Командира проводили. Мне же во главе дивизиона довелось участвовать в Яско-Кишиневской, Карпатской и Дебреценской операциях 1944 года, а затем в операциях победного 1945 года.

В ноябре 1944 г. я был награжден орденом боевого Красного Знамени. Не было предела моей радости. Я вставал в один ряд с краснознаменцами Гражданской войны и последующих вооруженных конфликтов. Мое родное Московское артиллерийское училище (в ноябре 1941 г. оно стало гвардейским), куда я поступил 17 июня 1941 г. и которое окончил 17 апреля 1942 г. в звании гвардии-лейтенанта, было краснознаменным. Начальник училища Ю.П. Бажанов, командир моего фронтового полка М.М. Чумак, комиссар И.А. Корчигин были краснознаменцами. И вот теперь я — один из 130 офицеров полка вступал в ряды награжденных орденом Красного Знамени.

Из четырех лет войны я выбрал 1944 год. Тогда я уже был опытным фронтовиком, офицером, обладавшим достаточной зрелостью, чтобы со знанием дела судить и о событиях, и о людях. Правда, по годам я был еще молод. Но нам командир часто говорил: «Бьют не по годам, бьют по ребрам».

...1944 год, год моей военной зрелости, неразрывно связан с юностью, учебой, выбором профессии, становлением молодого командира. Служба, боевая работа проходила в ракетной части практически на одном и том же — юго-западном стратегическом направлении.

* * *

...На встречах с молодыми курсантами, офицерами, студентами, учениками старших классов меня часто спрашивают, как до Великой Отечественной войны и я, и люди моего поколения выбирали профессию офицера, в частности, артиллериста. Отвечать бывает и трудно, и просто. Молодость — пора исканий, раздумий. Все люди ищут свой идеал, ищут место в жизни. В известном детском стихотворении мальчик задумывается: «Кем работать, чем заниматься». И наивно просит: «Пусть меня научат». И родители размышляют. И родственники не стоят в стороне. И все же выбор осуществляется не целенаправленно, по заранее отлаженной системе (очевидно, на уровне руководства государства, военного ведомства она существует, функционирует, влияет). Но на уровне семьи, школы обучение и воспитание подростков, юношей в основном идет простым, естественным путем. А сам выбор во многом является результатом многих, и отнюдь не случайных обстоятельств. Главными факторами формирования мальчика,

девочки, юноши, девушки и выбора ими жизненного пути являются семья, мать, отец, родственники и школа.

Я не исключение, а наглядное подтверждение этого правила. Родился в семье Павла Васильевича и Александры Ивановны Уткиных в феврале 1923 г. в селе Петровское Раменского района Московской области. Село — 60 дворов — старинное, известно с 17 века. Начальная школа, церковь, колхоз «Большевик». До Москвы — 48 км, до ближайшей железнодорожной станции Раменское — 15 км, до ближайшего города Бронницы — 8 км, дороги грунтовые. Весной, осенью и несколько месяцев зимой — не праздник. На моих глазах проходила коллективизация, смена орудий труда. 7 лошадей и 11 коров составили основной капитал. Сельчане работали на земле. Сначала соха, конный плуг, потом трактора «Фордзан» (3 лемеха), «ХТЗ» (4 лемеха), «ЧТЗ» (6-корпусный плуг). Цепь ручная, конная, сложная молотилка МК-1100, комбайн, грабли, конные грабли, тракторные грабли.

Окончил начальную школу в с. Петровское. Помогал ликвидировать безграмотность своих бабушек и дедушек. Учился хорошо. Нас, учеников, кормили обедами в школе. Отличников на санях возили в большое село Софьино на слеты. Премировали — рубашками. Впервые в деревенском доме увидел кино: одной рукой крутили «динамо», на экране к/ф «Пышка».

«Деревенька моя, деревянная, дальняя» — поется в песне. Это и о Петровском тоже. Райский уголок средней полосы России. Кругом леса, раздолье полей, речки, речушки, ручьи, бочаги, овраги. Все для человека — благоуханный, чистый, наполненный запахами трав и цветов воздух, незамутненная вода. Дрова, сено, рыба, изобилие грибов, ягод, орехов, цветов, дикорастущих лекарственных трав. Лес — жилище для зверей, птиц. Каких видов только нет. Зимой — паутина следов, но зверь — мирный. Случаев нападения на скот — тем более на людей — никто не знал. И тогда, и сейчас я думаю об одном: почему никому не пришло в голову провести через нашу деревню дорогу, построить имение (такое, как в 4-х километрах от нас — в Денежникове, в нем бывал и Суворов, и декабристы), санаторий, дом отдыха... Дороги нет до сих пор. Повел я своих сыновей дорогой, по которой ходил в школу и за хлебом в Бронницы, не поверили, что я мог пробираться через такие дебри. Телефонные столбы зашагали по деревне Васильево (там Сельсовет) в 1938 г., радио в с. Петровское пришло в 1948-м.

Деревня и окрестности погружены в неопишемую тишину. Прислушаешься — воздух словно звенит, но от напряжения в ушах. Са-

мый сильный шум — скрип телеги, саней по снегу, шагов по дороге зимой. Тишина нарушается редко: набат возвещает о беде, праздничный колокол созывает людей в церковь, удары железной палкой в буфер сигналият о приглашении в контору колхоза, да деревенская колотушка напоминает ночью, что сторож (сторожили по очереди) бодрствует. Конечно, страх вызывали гроза, гром. Что касается самолетов, видно было, что они летят где-то за лесом, но шума моторов не слышно, в этой перевозданной тишине любознательные люди могли довольно точно определить, каково расстояние до движущихся телег, саней, людей; где, в какой деревне поют песни или играет гармошка. На войне и это пригодилось. Особенно разведчикам.

Для детей в деревне — все условия для физического развития. Лыжи, коньки, санки, катание с гор. И, конечно, в любую погоду в школу. Выручали лыжи, шесты (преодоление разлива ручьев). В 1939-1940 гг. (советско-финская война) было особенно холодно: до сорока градусов мороза. В деревнях вымерзли фруктовые сады, ручьи промерзли до дна, деревья ломались на корню, звери не выдерживали, погибали.

В райском захолустном селе подлинной отрадой было чтение. Родители говорили потом, что читать я начал прежде чем пошел в школу. Запомнились крупные буквы заголовков газет, которыми вместо обоев была оклеена комната в сенях, где я спал. Лучи света падали на эти буквы: «Московский рабочий», «Известия». Но настоящее чтение связано с газетой «Авангард» (в другие времена — «За большевистские колхозы», ныне «Родник», г. Раменское). Эту газету выписывала из 60 дворов только наша семья, приносил ее почтальон, доставал из брезентовой сумки и просил меня прочитать, сам он был неграмотным. Думаю, что читать и писать меня научили отец и мать, они окончили церковно-приходскую школу. Грамотным были дед по отцу Василий Филиппович, лесной объездчик, прежде Петровского живший в Красной Сторожке (я написал «грамотный» и вспомнил войну: высшим критерием в характеристике (аттестации) любого офицера были слова — «грамотный офицер»).

Школа придала чтению систему. Под руководством учителей, особенно Федора Васильевича Ушакова (в академии под руководством известного гоголеведа С. Машинского), я перечитал и пережил в душе и разуме всю русскую классику, а также великих английских, французских, немецких, американских, испанских, итальянских писателей. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Некрасов, Горький, Шолохов помогли понять жизнь, общество, армию, человека, природу в их мозаич-

висимости, взаимопроникновении, взаимовыражении. Горькому принадлежат слова: «всем хорошим во мне я обязан книгам». Верно! Но я эти слова относил к людям, к людям, написавшим великие книги. Мы стоим на плечах гигантов: они подняли нас на такую высоту, откуда видно глубокое прошлое, широкое настоящее и почти зримо будущее.

А газета «Авангард» публиковала сводки о соревновании колхозов по вывозке удобрений, о ходе посевной, заготовке сена, уборке урожая. Печатались речи прокурора А. Вышинского и защитников Брауде и Комоидова на процессах врагов народа, заметки из зала суда над хулиганами и колдунами...

Да, деревня была небольшая, и быт в ней был, казалось бы, скудный и однообразный. Однако и в этом быте были струны, устои, которые задевали душу, заставляли задумываться.

Отдельно от других на лужайке пасется на привязи лошадь. На ее стойле в конюшне написано: «Лошадь — фонд Красной Армии». В пожарном сарае рядом с машиной (насосом ручным) стоит телега с табличкой: «... повозка Красной Армии». В Красную Армию провожали парней торжественно, всей деревней до ближайшего леса с песнями, музыкой, плясками. Семьи воинов освобождались от налога. Более того. Им всей деревней заготавливали дрова и сено для животных. За невестой солдата бдительно, ревниво смотрела вся деревня. Такие были времена. И я их участник.

Большой культурной отдушиной был приезд в село, погостить к родственникам дачников — жителей Москвы. Они привозили патефоны, футбольные мячи, шахматы, карты, мастерили спортивные снаряды (турники, брусья), давали прокатиться на велосипедах, почитать книги. У них, дачников, свет, хлеб, свое питание, своя одежда. Общались, дружили. Но курение не перенимали, равно как и матерную ругань и другие дурные привычки. Научили стрелять из «Монтекристо» (такой небольшой пистолет). Научили многим песням.

Большой радостью для меня были каникулы. В Москве жили с семьями три сестры матери. Принимали они меня хорошо. Я ходил с ними на демонстрацию на Красную площадь, ездил 18 августа на воздушный праздник в Тушино. Навещал двоюродных сестер в пионерских лагерях, прыгал с парашютом в парке им. Горького, обедал в заводской столовой. И, конечно, смотрел кино: «Алим — крымский разбойник», «Два друга, модель и подруга», «Тачанка», «Если завтра война». Московский быт — ванная, кухня, балкон, радиоприемник, продукты питания — не сравним с деревенским. Казалось, еще вчера

родные жили, как мы, но переехали в Москву — и вот налицо новый образ жизни. Почему так? Чем деревня хуже? С такими мыслями покидал Москву. Высаживался, возвращаясь из Москвы на машине, обтянутой брезентом, в деревне Ивановка и шагал в свое Петровское семь километров, из них четыре лесом.

Неполная средняя и средняя школа в селе Синьково, в 6 км от моего села (3 км лесом, 3 км полем). Туда я и ходил 6 лет (5-10 классы), не пропустил ни одного урока. Прошагал многие тысячи километров — в любую погоду. Такие были времена, что в среднюю школу я ходил один из трех деревень (Петровское, Васильево, Подберезное), то есть один из 600-700 человек населения. И недаром.

Школа в конце тридцатых — начале сороковых годов, то есть в полном смысле слова в предвоенные годы, переживала расцвет. Главным ее капиталом, а для нас подлинным счастьем, были преподаватели, учителя. Большинство из них окончили Московский или Ленинградский университеты. Усложненные программы средней школы они помогали нам освоить на уровне истинных наук. Учителя резко отличались от сельских жителей одеждой, достатком, образом жизни, хотя и жили среди колхозников, снимали часть обычной избы. Это была народная интеллигенция, которая показывала пример духовно возвышенной жизни. Удивительно было среди полушубков и телогреек видеть преподавателя музыки и пения И. Ф. Чебрикова во фраке с галстуком-бабочкой и скрипкой в футляре. Пенсне дополняло образ учителя. Он проводил не только уроки, учил нотной грамоте. Весь класс был разбит по голосам и составлял хор. Обучение продолжалось и после уроков, в самостоятельности. Ею руководил все тот же учитель. К хору присоединялись учителя — любители пения.

Никто специально не готовил нас к поступлению в военные училища, не вел агитации, не уговаривал — куда кому поступать. Но преподаватель военного дела В. Г. Чертков, одетый в полувоенную форму (гимнастерка под ремень, бриджи, сапоги), подтянутый, строгий, немногословный в течение двух лет подготовил и мальчиков, и девочек к сдаче норм на значки «Готов к труду и обороне», «Готов к санитарной обороне», «Готов к противохимической обороне» и «Ворошиловский стрелок». Смысл этой подготовки был прост: всем полезно укреплять здоровье бегом, прыжками, разумными упражнениями. Всем пригодятся навыки оказания простейшей медицинской помощи себе и окружающим, каждому не будет лишним закрепить знания химии применительно к отравляющим веществам и средствам защиты от них в обычной жизни и работе. Совершенно ясно, что в сель-

ской, лесной местности совсем нелишне знать малокалиберную винтовку и на спор с друзьями метко из нее стрелять. Ведь мы с детства увлекались и пугачами, и самодельными (даже с резиновыми оттяжками ударного механизма) пистолетами. Четыре значка олицетворяли некое совершенство юноши и девушки, составляли предмет гордости, а у сельской молодежи вызывали интерес и зависть.

Целесообразность, научный уровень и совершенная методика особенно сказались на освоении циклов предметов естественных и общественных (гуманитарных) наук. Здесь я подхожу к главному в рассказе о подготовке топографической основы для стрельбы артиллерии: батареи, дивизиона. В школе изучались математика (алгебра, геометрия, тригонометрия, стереометрия; мы дошли до биннома Ньютона), физика (механика, электричество, теплота, машиноведение), география (физическая и экономическая), метеорология, астрономия, геодезия, минералогия, геология, химия (неорганическая и органическая), естествознание (биология, физиология, анатомия человека), черчение, рисование. Если перевести все эти предметы на военный язык, мы получим фундаментальную основу применения школьных знаний к конкретным вопросам, составляющим науку артиллерию; внешнюю и внутреннюю баллистику, решение задачи в треугольнике «цель — командир — орудие», использование карт с различными проекциями и системами координат, расчеты с помощью таблиц логарифмов, состав порохов и т.д. Цикл таких наук, как история, конституция, литература, немецкий язык формировали мировоззрение, патриотизм, открывали окно в мир, в познание общества, искусства, создавали мотивацию в учебе и труде, а позже и в военной службе. Давно известно выражение: «войны выигрывает школьный учитель». Довоенная школа помогла подготовить 2 млн. офицеров для управления 34 миллионами призванных в РККА в годы войны. Одним из 2-х миллионов был я. Мои учителя, выпустившие меня в жизнь, на войну, с золотым аттестатом, постоянно со мной. Они мои наставники, советчики, помощники. Для меня память о них вечна. Их имена: В. Ф. Чижов, М. Б. Храпов, Б. Н. Ястребов, С. В. Тарыгин, К. М. Горшенин, К. Д. Ефимычев, Ф. Н. Курепанов, Ф. В. Ушаков, Р. В. Власова, М. А. Андреева, Л. И. Златин, М. М. Малиновский, Ф. Ф. Фарафонов — незабвенны.

И еще одно обстоятельство довоенной жизни помогло успешно войти в среду фронтовиков-артиллеристов. Обучение в школе было платным, обходилось 150 руб. в год. По тому времени сумма большая: учителя и инженеры получали 300-400 руб. в месяц, командир

взвода — 700 руб., батареи — 900 руб. Материальное положение в нашей семье было незавидным. Мать и отец колхозники. Я — подросток, юноша помогать мог только тем, что мне было по силам. Ученые подсчитали, что подросток, который растет в деревне, может по мере возмужания выполнять 66 видов различных работ (сделал я однажды список, оказалось — больше). Обязанности носить воду для питья и полива, заготовка дров, заготовка травы на сено, уход за животными и многое другое, конечно, были большим подспорьем, но они не давали дохода, денег для оплаты налогов и содержания семьи. Уже после 7-го класса была сделана попытка определить мою трудовую судьбу: я сдал экзамены в Московский сварочный техникум. Электрическая и газовая сварка в то время были новшеством в науке и практике. Я поступал по примеру моего товарища В. Грачева, который кончил школу на год раньше, но мне учиться не пришлось. Общежитие вместо Москвы (Всехсвятское) оказалось в Балашихе. Мать не стерпела такого обмана и увезла меня домой. Между прочим, в школе, куда она меня привела, чтобы учиться в 8 классе, ее похвалили: я учился хорошо, учителя видели перспективу.

В последнем, десятом классе школы, проблема встала вновь: что делать, куда идти работать, учиться? Бывая в Москве, я не раз прошел мимо университета, авиационного и автотракторного институтов. Но как только начинал об этом с упоением рассказывать, невольно вставала проблема: кто будет содержать меня еще 5-6 лет (ведь платная учеба в школе научила семью экономить на всем). Килограмм белого хлеба стоил 1 руб. 70 копеек, черного 85 копеек. Денег колхозникам не платили. Расчеты по трудодням производились, как правило, по итогам хозяйственного года натурой — зерном, картофелем, соломой, овощами. А ведь надо было жить, питаться, одеваться, но главное, платить налоги — не только молоком, мясом, яйцами, шерстью, но деньгами. Выручало подсобное хозяйство — корова, овцы, куры, а также богатства леса — цветы, грибы, ягоды. На подмосковных станциях в Москве дары природы продавались, деньги шли на покрытие расходов. Давались они с трудом: до железной дороги (ст. Раменское) было 15 километров, до шоссе (ходили грузовые машины) — семь.

В этой обстановке мне повезло. Шло закрепление за колхозами земли навечно. Два года подряд приезжали из Москвы землемеры — преподаватели и студенты землеустроительного института, производили топографическую съемку местности, составляли карты — планы

земель. Я был нанят за рубль в день выполнять самые простые работы — вытесывать столбики, закреплять их в земле, обкапывать, носить дальномерную рейку и ленту, обозначать железными спицами места установки реек. Постепенно я втянулся в работу на угломерных приборах — теодолите ТТ-30 (алидаде с мензулой). Главное, я уяснил, что если с двух разных точек, положение которых уже нанесено на карту или планшет, взять отсчет углов по третьей точке, то пересечение линий отсчета на планшете даст координаты третьей точки, а масштаб карты (планшета) или измерения с помощью рейки расстояния даст расстояние до нее. Определение точек на местности, закрепление их на планшете составляет так называемый ход; он может быть замкнутым (периметр земель колхоза) или разомкнутым (висячим) в случае, если весь периметр обозначать не нужно. Работа и общение с землемерами — людьми молодыми, веселыми, культурными — было своеобразной школой, помогало закреплению знаний и соединению теории и практики. Не лишними были и 50-60 рублей в бюджете семьи и в оплате учебы.

Хорошая учеба сочеталась с активной общественной работой. Выпускали стенгазету, рисовали стенды «Кто на чем едет» с показателями соревнования. Самолет, паровоз, автомобиль, конь, черепаха наглядно свидетельствовали об оценках учеников, подписанными под «видом транспорта». Пришло время вступать в комсомол, пришло само собою, иначе не могло быть. Но процедура волнующая: заседания, собрания. И вот на лошади везут меня и Люсю Малышеву (мою будущую с 1945 г. жену, мы прожили в браке 52 года) в Раменское, в райком комсомола, и герой боев на оз. Хасан. Субботин вручает билеты (при вступлении в партию по моей просьбе мне оставили комсомольский билет; храню до сих пор). Я не знаю почему, но меня избрали председателем т.н. учкома — ученического комитета. Проводили собрания учеников. Ходили по домам, проверяли условия, в которых живут девочки и мальчики, есть ли у них гигиенические принадлежности — зубной порошок, щетка, дает ли лампа достаточно света при приготовлении уроков. Собирали удобрения: золу. Что все это давало? Развивало чувство товарищества, выводило из круга индивидуализма, создавало общественную опору, надежду: человек не один.

В самодеятельности разучивали песни. Большинство из них способствовало развитию мировоззрения, формировало классовое сознание, приближало к революционной традиции, к еще не известной, но необходимой борьбе:

Заводы, вставайте,
Шеренги смыкайте,
На битву шагайте,
Шагайте, шагайте.
Проверьте прицел,
Заряжайте ружье
На бой, пролетарий,
За дело свое!

И вот еще: «Песня о юном барабанщике»:
Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев — смелых бойцов.

Вряд ли тогда каждый из нас знал историю организации «Спартак» в Германии. Но ритм, чеканные слова вдохновляли.

Что касается рабочей, пролетарской солидарности, она воспитывалась не только разучиванием и пением «Интернационала», сбором пожертвований на поддержку международной организации революционеров (выдавался специальный значок «МОПР»), ношением, голубых испанских пилоток, но и стихотворениями военного содержания с классовым подтекстом.

В бою схватились двое:
Чужой солдат и наш.
Чужой схватил винтовку,
Сразиться он готов.
«Посмотрим же, как ловко
Встречаешь ты врагов!»
Постой, постой, товарищ,
Винтовку опусти.
Ты не врага встречаешь,
А друга встретил ты.
Такой же я рабочий,
Как твой отец и брат.
Кто нас поссорить хочет -
Для тех оставь заряд.

На тех направь оружие,
Кто сам затеял бой.
И твой сынишка будет —
Свободен, как и мой.

Это стихотворение я помню до сих пор потому, что мы встретили Великую Отечественную войну с иллюзиями классовой солидарности. Рассчитывали, что идут рабочие и крестьяне в солдатских шинелях. А на нас шли звери, душегубы, в которых не осталось после фашистского оболванивания ничего человеческого. От наших иллюзий до лозунга «Убей немца, иначе он убьет тебя», «Смерть фашистским захватчикам», до снятия лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» должно было пройти немало времени. Это стоило нам большой крови.

Среди родственников отца и матери не было офицеров. Правда, муж моей тетки был лейтенантом, служил в Ряжском военкомате. Ему очень шла военная форма (он и без нее был красив). Его звали Иван Григорьевич Чесноков. Приезжая в отпуск, он невольно привлекал к себе нас, мальчишек, вел в ближайший овраг и давал пострелять из пистолета, примерить фуражку и ремень со звездой. Радости, восторгу не было предела.

Несомненное влияние на выбор профессии оказал и младший брат отца — Владимир Васильевич. Срочную службу он провел на Дальнем Востоке, в Особой Краснознаменной Армии. Он писал оттуда письма, присылал вырезки из газет — в форме, в шлеме, на фоне мишени. Письма бабушке читал я, мне же довелось писать ответы. Когда он демобилизовался в 1938 году, я уже был юношей. Была у меня мечта, хотелось иметь кожаные сапоги, велосипед и ружье. Но мечта целиком не сбылась. Сапоги и велосипед семье были не под силу. А ружье дедовское, шомпольное, с курками дядя Володя передал мне из рук в руки и разрешил пользоваться, ходить с ним на охоту, на тягу. Сначала вместе с ним, а потом и самостоятельно. Порох я делал сам (серу и селитру отец покупал в Москве), дробь катал между сковородками из нарезанных кусочков свинца. Пропорции в порохе серы, селитры и угольной пыли (из древесного угля) помог уяснить учитель химии. Братья отца Петр, Николай, Иван погибли на фронте. А младший — Владимир Васильевич (1912-1997 гг.), служивший во 2-й ударной армии, в мае 1942 г., был вывезен из окружения слепым после ранения. И всю оставшуюся жизнь работал, жил, не сдаваясь, не покоряясь судьбе. Трудно поверить, он один ходил за 2 км в магазин, обрабатывал огород и сад, даже ходил в ближний лес за грибами. Приходил на знакомое с детства место, находил деревья и, опираясь на них, садился на землю, разгребал траву и листву вокруг деревьев и собирал грибы. Я уже приезжал в отпуск из академии, был подполковником, но приходил к нему, как прежде, мальчиком, племянником,

и он вел меня в лес, словно демонстрируя свою уверенность, не допуская, чтобы мы шли рука об руку.

Как-то под влиянием учителя физики я увлекся радиоделом. Самостоятельно смастерил детекторный радиоприемник (кристалл подарил учитель), между двумя деревьями натянул антенну из медной проволоки, сделал прочное заземление (железная коса во влажную землю). Радио открыло мне новый мир. В конце тридцатых годов — время расцвета культуры в стране, больших городах — в деревне, где не было ни клуба, ни библиотеки, ни избы-читальни, где мы, школьники, помогали ликвидации неграмотности, где очагом духовности был священник и церковь, с помощью пластмассовых наушников я был включен в культурную жизнь страны. Весь репертуар Большого и других театров, концертные программы, выступления мастеров художественного слова, репортажи о футболе — все прочно усваивалось. Особенно радостно было зимой. Вокруг снег. Бездорожье. Мороз. В избе холодно, стены не удерживают тепла. А я один на один со своими наушниками переживаю арию Сусанина из одноименной оперы или радиоспектакль «Бесприданница», концерт Утесова, Козина, Шульженко. Я провод своему другу и он, опустив наушники в стакан для усиления звука, разделял со мной радость радиопередач. Радио помогло мне запомнить все песни о Красной Армии, все передачи о ней.

Вспоминая предвоенные годы, раздумья о будущей профессии, думаю, что какие-то импульсы дали поступление моего товарища по 7-му классу В. Щукина в Московское специальное артиллерийское училище. Он приезжал к нам в школу в хорошо подогнанной военной форме, рассказывал, что очень доволен. Поступив в училище, я встретился с выпускниками спецшкол и смог сам оценить их достоинства и недостатки. Произвело на меня впечатление и поступление брата нашей ученицы (он кончил 10-й класс на год раньше) в Военно-химическую Академию в городе Калинин. Я встречался с В. Родионовым. Он был доволен учебой и условиями. Одет он был также в добротную военную форму. Я знал также, что из деревни Запрудное в Орловском танковом училище С.К. Куркоткин (будущий маршал Советского Союза), мои родители хорошо знали его семью, а мой крестный отец был их соседом.

Как видно, образ человека в военной форме, человека с ружьем из книг, кинофильмов, передач радио, впечатлений о родственниках и знакомых стал близким, понятным, а потом и желанным.

По совету моего дяди Владимира Васильевича Уткина, отслужившего в армии на Дальнем Востоке, и учителя истории К. Д. Ефимы-

чева, офицера запаса, регулярно проходившего сборы, я стал задумываться о поступлении в офицерское училище. Отец, участник Гражданской войны, подшучивал: «Возьми меня ординарцем». Мать была категорически против, но решения не находила. Я написал письмо в Севастопольское военное училище морских летчиков (объявление прочитал в газете). Мне показалось, что в этом названии сошлось все: Севастополь, командир, летчик, море, 4 года учебы. Все радовало, привлекало. Многие ребята из окрестных сел ходили в село Мячково, на аэродром, занимались в кружках Осоавиахима. Вскоре из училища через военкомат пришел пакет документов: анкеты, проспекты, снимки. Читал, перечитывал. Настало время экзаменов в школе. Училище отошло на второй план. 14 июня 1941 г. был выпускной вечер. 15 июня комсомольское собрание. Все! Школа позади!

Хорошо переданы ощущения молодых людей, выпускников средних школ весны и лета 1941 года, вступавших в новую жизнь, в словах широко известной песни Л. Лещенко:

Были юными и счастливыми
В незапамятном том году.
Были девушки все красивыми
И черемуха вся в цвету.

Что их ждет впереди? Как сложится судьба? Это завтра. А сегодня выпускной вечер, радость по поводу завершения большого труда, грусть расставания с товарищами и подругами. Ведь вместе провели долгих шесть лет — с 5-го по 10-й класс. Тревожно билось сердце, особенно при воспоминании о наиболее близких, среди которых, конечно, была одна — самая красивая, самая хорошая. Хотелось думать, что расстаемся не надолго, что юношеские чувства перерастут в нечто большее, что они найдут понимание, вызовут ответное признание.

Нас, окончивших в 1941 г. Синьковскую школу Раменского района Московской области, было всего четырнадцать — девять девочек и пять мальчиков. Дожить до нынешних дней посчастливилось лишь двоим. Мы с Александром Дугиным воевали вместе под Белгородом. Он рано ушел из армии по инвалидности. До сих пор работает. А грустим мы с ним по-прежнему, как в молодости. Правда, уже по телефону.

Ученые статистики и историки определили, что из поколения 1923 года рождения с фронта живыми вернулось только четверо из ста воевавших.

Нет никакой моей вины,
В том, что другие не пришли с войны.
И все они, кто старше, кто моложе...
Поймите, не о том же речь,
Что я их мог,
Но не сумел сберечь.
Речь не о том.
Но все же, все же, все же...

(А. Твардовский)

16 июня у нас были гости, родные. Сидели за столом. Вдруг окошко постучал почтальон. «Шура, Борису повестка. Завтра, 17 июня быть в военкомате, в Раменском». Ни я, ни родные не предполагали, чем будет для меня и для них 17 июня, думали, вызовут, поговорят...

Утром, одетый по-летнему — в футболке со шнурками, брюках и парусиновых ботинках, с небольшим узелком, я отмахал за короткое время 15 километров и предстал в военкомате перед политруком Овсянниковым (фамилия — на двери кабинета). Краткая беседа, упреки за то, что неверно выбрал училище («будешь три года хвосты самолетам заносить») и неожиданное предложение: «Поступай в Московское артиллерийское училище. Знаешь, какие там пушки, — и показал на свой книжный шкаф. Он не знал, что орудия в училище в несколько раз превышают его кабинет. Это я узнал вечером того же дня. И добавил: Сегодня у вас есть выбор. А через неделю и ты, и твои дружки поедут туда, куда пошлем. Иди в коридор, думай».

Думал я недолго. Да и что я мог придумать. С другой стороны: Москва, рядом будут многочисленные родные — сестры матери. До родного села 45 километров на автобусе и 7 км пешком. И я согласился.

Затем последовал краткий осмотр у врача, вручение направления и билета на поезд. И судьба моя решилась. Еду в Москву.

* * *

Вечером 17 июня 1941 года, во вторник, я прибыл в Москву, на Хорошевское шоссе и остановился у входа в здание, на котором сияли буквы внушительной вывески: «Первое Московское Краснознаменное Артиллерийское училище имени Л.Б. Красина». У ворот стояли две пушки, видимо, еще «времен Очакова и покоренья Крыма». Но символ артиллерии вызвал и интерес и улыбку. Лишь одно слово из

вывески мне было понятно — «Московское», все остальное предстояло понять. Дежурный курсант прочитал мое направление из военкомата, позвонил куда-то и отвел меня в клуб. Там такие же, как я, поступающие ожидали решения своей судьбы. Стал ждать и я. Около девяти часов вечера меня офицер в отлично подогнанном обмундировании, вооруженный пистолетом, ввел в кабинет начальника училища. За столом сидел моложавый полковник с четырьмя шпалами в петлице. Взгляд доброжелательный, улыбка располагающая. Пригласил сесть у стола, сам встал и сел напротив. Беседа была короткой, обстановка встречи была такой домашней, простой, что я с трудом вспоминаю, о чем говорили. Казалось, полковник Юрий Павлович Бажанов, будущий маршал артиллерии, все знал обо мне и отвечал за меня. Но концовка разговора запомнилась, в ней содержалось некое мое обязательство: «Ну что, товарищ (!) Уткин, будет из вас командир-артиллерист?» — спросил полковник. Я робко ответил: «Будет». Крепкое рукопожатие, и офицер повел меня к месту моей службы.

В 1967-1971 гг. я был начальником высшего военного училища. Провел пять наборов курсантов, по 300-400 человек в год. И каждого принимал так, как меня принял Ю. П. Бажанов.

...Прошли три четырехэтажных здания. Справа открыто стояли в строгом порядке зачехленные орудия и тракторы-тягачи. В конце прямой асфальтированной дороги (линейки) находилось четвертое здание — казарма. На первом этаже прочитал надпись — «парковая батарея», на втором — «10 батарея топографической разведки», на третьем — «11 батарея звукометрической разведки», на последнем, четвертом две вывески: «Штаб дивизиона артиллерийской инструментальной разведки», рядом «12 батарея фотограмметрической разведки». Невольно подумалось: райвоенком агитировал в артиллерию, а направил в разведку. Все было непонятно в тот первый, такой длинный и богатый событиями и впечатлениями день моей пятидесятилетней службы. Уверен, что каждый ветеран хорошо помнит свой первый военный день. Позже я узнал, что сопровождал меня начальник штаба четвертого дивизиона (дивизиона АИР-артиллерийской инструментальной разведки) лейтенант И. Шахотько. Он был первый, с кого хотелось брать пример, — высок, красив, строен, бархатные петлицы с перекрещенными стволами (напоминали пушки у входа в училище, были одного рода с ними), в них по два квадратных знака отличия. Почему-то в армии их называют не квадратами, а кубиками, «кубарями». Отличие старших офицеров — то есть от капитана и выше

— треугольник, «шпала». Блестят рубиновым светом узкие золотистые нашивки на рукаве, щегольская фуражка, начищенные до блеска хромовые сапоги со шпорами, клинок, пистолет. Картинка!

Меня принял от лейтенанта помощник старшины старший сержант сверхсрочник А. И. Родин (он прибыл служить из армии, имел большой опыт). Старшиной из курсантов, как я узнал позже, был приехавший из Ленинграда Н. Николаев. Родин указал мне кровать (на втором ярусе, с пружинной сеткой и всеми постельными принадлежностями), тумбочку с туалетными принадлежностями, провел по расположению батареи, показал умывальник, туалетную комнату, кладовую личных вещей (там я и оставил свой узелок). На некоторых кроватях уже спали молодые люди. После трудного дня заснул и я, чтобы утром проснуться курсантом 12-й батареи артиллерийской фотограмметрической разведки. Так и хочется добавить — приснился лейтенант Шахотько. Нет, этого я не помню. Отчетливо звучало лишь «будет», «будет». Будет офицер, генерал, даже генерал-полковник. Но это все потом. А сегодня кончилось детство, отрочество. Завтра была военная служба, а через пять дней — война.

Уверен, что для человека в армии жизнь начинается с множества вопросов. Это в чем-то сходно с детством: дети не отстают от родителей, спрашивая, что, почему, где, куда, и т.д. Идет активное познание окружающей действительности, столкновение познанного, усвоенного, привычного с новым, необычным. Эта ошибка в мозгу разных знаний, убеждений, понятий, характеров, темпераментов, стереотипов не проходит безболезненно, бесследно. Повезло тому воину, командир которого понимает это, идет навстречу, управляет тонко психологией новобранца, вводит в новый мир знаний, понятий, слов. Да, все начинается с языка, на котором говорит армия. Попробуйте отвлечься и расшифровать слова — «подъем», «отбой», «пирамида», «батарея, пошел в батарею, т.е. в расположение», «парк», «глазомер», «район», «дневальный», «маяк», «наряд», «смирно», «щель», «вилка», «паршаги», «паршагов», «разъезд» и т.д. Ни в каких, даже толковых словарях, даже у В.И. Даля этих слов применительно к армии нет. Это еще не линии и углы, характеризующие артиллерийскую стрельбу. И не сокращения ОП, НП, ДБ, ПС, КП, Ку, Шу и т.д. Это еще впереди. Пока новичок осваивает терминологию, у старших растет раздражение — забыли, что были такими же.

Еще одна трудность для курсанта без опыта — ограничения. Без спроса командира — никуда. Границы поста, района расположения училища, батареи — воспринимаются как государственная граница.

Передвижение только строем, под руководством старшего. В столовую — с песней. Вечерняя прогулка — с песней. Форму одежды объявляет дежурный. Все действия ограничены временем, нормативами. Все, что нужно воину, все выдано, ничего своего, индивидуального, все у всех одинаковое. При разговоре военнослужащие принимают стойку «смирно», при встрече — отдают другу честь. Отвечать, говорить — лишь по разрешению старшего, при появлении старшего подавать команду «смирно».

Еще одно трудное, подчас необъяснимое правило, что командир, старший всегда прав. Что бы он ни сделал: назначил не других, а тебя в наряд, на работу — он прав, действия его неоспоримы. Отказываться, доказывать его несправедливость, жаловаться при других в строю — преступление. «Приказ командира — приказ Родины» — это положение поднимает любое распоряжение на уровень государства, освящается авторитетом Отечества.

Второй день пребывания в училище начался с громкой, много раз повторенной команды «Подъем». Но я давно не спал, по деревенской привычке просыпался рано. Поутру хорошо направиться в лес, в места, где до тебя еще никто не побывал и не собрал твоих грибов или ягод. Оказалось, что кровати почти все заняты, видимо, вечером мне было не до наблюдений. Команды раздавались одна за другой. Не успели умыться — «Выходи строиться». Потом была баня (светлая, чистая, с хорошим запахом), со стрижкой головы, переодевание во все казенное: белье, обмундирование, сапоги, пилотка. Как ни странно, сапоги оказались в пору моим многострадальным ногам, прошедшим многие тысячи школьных километров. По возвращении закрепили винтовку СВТ (самозарядная, Токарева, с магазином на 10 патронов), револьвер «Наган», выдали клинок, шпоры. Каждый получил полевую сумку, набор цветных карандашей, тетради и полевую книжку: бланки донесений командира о выполнении задач. Снова прозвучала команда — на этот раз в столовую, на первый завтрак. Столовая поразила красотой и порядком. Столы на четверых. Белоснежные скатерти. Никелированные чайники, ложки, вилки, ножи. Салфетки. Приборы для специй. Графины с водой. И официантки с высокими наколками и в фартучках. Еда, чай, все сверх ожидания (кстати, в 11 часов — второй завтрак). С тех пор я пришел к выводу и остаюсь при своем мнении до нынешних дней, что в широком смысле в армии хорошо тогда, когда в ней лучше, чем дома. К сожалению, времена меняются. И чтобы изменить отношение к армии и положение в ней,

нужно изменить обстоятельства, армия должна быть привлекательной. Когда в послевоенные годы я был пять лет начальником училища, то категорически отказался от гигиенических покрытий столов — столы застелили скатертями, избавились от алюминиевой посуды, одели официанток по форме, т.е. создали почти ту атмосферу, какая была в столовой Московского артиллерийского училища в 1941 году. Стране было трудно, враг стоял у ворот Москвы, а нас, курсантов, кормили по девятой норме (самой лучшей, лучше лётной!), даже подавали гурьевскую кашу с изюмом. Масло, красная рыба, сахар, белый хлеб — все это настолько было контрастно деревенскому быту, что было немного стыдно за свое прошлое, за то, как мы жили. Оказывается, была и другая жизнь. Все это в душе, в уме. Кому об этом скажешь.

В течение дня сначала всех прибывших распределили по отделениям (расчетам) орудий. Я в первом расчете — заряжающий (через три месяца наводчик), мой командир — курсант А. Новичков; потом по взводам (мой взвод первый, помкомвзвода Ю. Ряховский), командир — лейтенант С. Митюшкин, окончивший училище в мае 1941 года. Затем было построение батареи. Оказалось, нас — 33. Вторым взводом командовал лейтенант В. Додонов; он только что прибыл из Чкалова (Оренбурга), где проходил перед выпуском практику летчика-наблюдателя. Командир дивизиона капитан А. Клячкин представил сначала комиссара — батальонного комиссара В. Соловьева, потом начальника штаба лейтенанта А. Шахотько и, наконец, командира 12-й батареи старшего лейтенанта С. Гука. Командира дивизиона проводили, ответ на его «До свидания, товарищи», сложенным не получился. И вот уже старший лейтенант Гук подчиняет нас своей воле: «Батарея, слушай мою команду». Мою команду, а не чью-нибудь! Спасибо Вам, дорогой командир. Ваша команда была доброй, приветной, вдохновляющей, примерной и мудрой. Говорят, ученик — не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. Вы зажгли наш факел. Он и сейчас горит.

В октябре 1956 года на Военном Совете 20-й гвардейской армии командир полка И. Григорьев и я — подполковник, заместитель по политчасти 744-го гвардейского артполка 10-й танковой дивизии, получив заслуженное полком в соревновании — 36 полков армии переходящее Красное Знамя и грамоту за первое место, спустились со сцены в зал. Я нес знамя, командир — именные подарки. И вдруг в зале я увидел знакомое, дорогое лицо. Это был подполковник С. Гук. Позже я узнал, что он служит начальником штаба в армейском реак-

тивном полку. Искренним моим желанием было вручить знамя ему, моему первому командиру-учителю. И назначить его на самую важную должность в армии.... В перерыве были воспоминания. Но каждый пошел своей дорогой. У С. Гука, всю войну прослужившего в училище на Урале, судьба сложилась по-своему.

Батарея, подразделение, коллектив — отныне мой дом. Кем он населен, кто они, мои товарищи, с кем мне предстоит делить и хлеб, и досуг, радости, огорчения? Сначала все курсанты, а их в батарее 33, казались чужими. Так хотелось увидеть хоть какое-то знакомое лицо. По мере службы я смог представить, из кого состоял наш коллектив. Проявились большие различия между нами, были и сходства. Как учит наука психология, появились малые группы со своими лидерами. Нашлись и приятели, друзья, которые стали ближе других. До конца учебы крепко дружил я с В. Морозовым (он из Рязани) и В. Галкиным (из Тулы).

Мы, курсанты, были примерно одного возраста — 1923-1924 г. рождения. У всех, кроме двоих, было среднее образование — 10 классов (наша стипендия 70 рублей в месяц, у тех, у кого неполное образование — 45). Со средним образованием юноши пришли после окончания школ в 1941 г., сверхсрочники (двое) — из армии, отслужив срочную службу. Половина курсантов была из Москвы, четверть из Подмосковья, остальные из Ленинграда. Ребят городских было примерно две трети. Отличников, принятых без экзаменов, было 15-20 процентов, проявили недостаточную грамотность 20-25 процентов. Это подтвердили и выпускные экзамены в апреле 1942 г.: 10 из нас получили звание лейтенанта, 15 стали младшими лейтенантами, 8 были выпущены старшими сержантами (офицерами стали на фронте).

Резкая разница в личном составе особенно проявлялась в двух плоскостях. Во — первых, около половины курсантов вышли из специальных артиллерийских школ. Они пришли в военной форме, которую носили три года, имели за плечами знания основ военных дисциплин, артиллерии, направо и налево щеголяли военными терминами. Хороша была строевая выучка, физическая подготовка. «Спецы», как и мы их, и сами себя они называли, были связаны между собой крепкими узами. Практически они все стали командирами отделений, наводчиками (зам. командира орудий), старшими на всех работах. Но предшественники суворовцев были слабы в главном: их знания были поверхностными, а мораль — отчасти ущербной (мат, скабрезные анекдоты, курение, жестокость по отношению к другим). Первые три-

четыре месяца «спецы» верховодили. Но первая же встреча с полной подготовкой данных для стрельбы, с таблицами логарифмов сдула с них юношескую спесь. А научиться наворачивать портянки, чистить сапоги, подшивать воротничок, упражняться на снарядах для нас, ребят «гражданских» не составило большого труда. Половина «спецов» ушла в войска младшими лейтенантами и сержантами. Став начальником училища, я вспомнил курсантские годы. Было установлено правило: командирами к молодым курсантам лучше назначать из их среды, необученных, чем обученного, но ущербного сержанта из армии. Суворовцев ставить командирами я запретил. Они принесли с собой бескультурье и жестокость, хотя и имели диплом переводчика с английского языка.

Но самая большая разница между курсантами была в социальном положении их родителей. В большинстве своем мы были выходцы из семей крестьян и рабочих. У нас свой образ жизни, свой уровень потребностей, свои трудовые навыки. Но рядом с нами оказались юноши — сыновья народных комиссаров, начальников главков и трестов, многозвездных генералов. Скоро это стало заметно. Я с матерью урядкой встречаюсь у забора, а моего соседа отец увозит домой на правительственной машине ... Мы приходим на занятия после караула, а курсант Н. прибывает на той же машине на занятия. Элитные мальчики были тесно связаны между собой, подчас трудно было поверить, в то, что они рассказывали о своих шалостях в Большом театре. Командиры это знали, думается, в меру ограничивали рамки несправедливости. Но мы, между собой, постоянно это переживали. Помогла учеба: порочный человек плохо учится. Стыдно вспоминать, но один из представителей элиты был осужден и отослан служить солдатом в маршевую роту.

Процесс осознания перемен, освоения нового, привыкания не был для меня безболезненным. Нет. Было все. Обиды, огорчения, слезы (да, слезы — наедине с самим собой, втихомолку, в том числе на посту. У маститых военных — П. Кропоткина, А. Брусилова, М. Бонч-Бруевича — в мемуарах встречается такое определение поры военной юности — «хотелось выть...»). Недаром! Молодая, неокрепшая, незакаленная психика воина-новобранца ждет от командира и материнской нежности, защиты (они неожиданно уступили место команде, чужой воле), и отцовской мудрости, строгости, права на внушение и пример. В мой первоначальной службе было несколько промахов, провинностей, за которые по уставу я должен быть наказан. Понимая это, осоз-

навая свою вину, я ждал наказания (устав отводил на объявление наказания две недели), но ни разу не был наказан. И я понял, что ожидание наказания, самооценка, переживания, связанные с проступком, — сильнее всякого выговора или чего-то более серьезного. Я всю жизнь помнил это. И после войны поехал в училище, побывал в караульном помещении и долго смотрел на потолок: туда ушла пуля из моей винтовки, когда я после отдыха, спросонья, зарядив по команде оружие, нажал на спусковой крючок. Оказалось, на потолке пробоин четыре. Видимо, не один я сделал произвольный выстрел. А в ту ночь командир батареи (дежурный по училищу) и командир взвода (начальник караула) по очереди проверяли мою службу на почетном первом посту. Наверное, берегли, жалели. И хорошо сделали.

Я невольно расширяю диапазон повествования. Выводы, обобщения пришли позже, в процессе службы. Но служба начиналась с того, что, видимо, переживали и другие.

Волнения, и тревоги первых дней постепенно, улеглись. Во многом этому способствовал разумный распорядок дня. Подъем, туалет, физзарядка, уборка района, арттренаж, завтраки, занятия, обед, послеобеденный отдых (сон!), уход за оружием, самоподготовка, ужин, проверка, прогулка, отбой, полноценный ночной отдых в чистой, удобной постели — дисциплинировали ум, психику, тело. Распорядок дня — залог здоровья и успехов в службе.

Пожалуй, первостепенное значение в становлении курсанта имело объявление о программе обучения и последующая реализация программы, хотя методика обучения и воспитания значительно отличалась от школьной. Но преподаватели, командиры сумели очень скоро убедить нас в целесообразности методики, и преуспели они в этом благодаря превосходному оборудованию классов, совершенству материально-технической базы в целом. К тому же обучение проводилось на закрепленной боевой технике; орудия вообще и орудие «мое», «расчет мой» и расчет соседний — имеют разный смысл.

Нам подробно рассказали, что обучение рассчитано на три года. Девизом обучения является эпиграф к основному документу артиллерии РККА «Правила стрельбы наземной артиллерии: быть хорошим артиллеристом, особенно артиллерийским командиром, означает быть всесторонне образованным человеком. Ни один род войск не требует такого ума, воли, мужества и культуры, как артиллерия». Эпиграф воодушевлял, вдохновлял. Вскоре к нему добавилось «артиллерия — бог войны» (это определение давно культивировалось в русской армии, но постепенно в 19 веке забылось. После Финской войны выра-

жение получило сохранившее значение до наших дней современное звучание. Позже я доподлинно узнал, что А.С. Пушкин страстно желал стать офицером-артиллеристом и, как тогда говорили, «выйти» из Царскосельского лицея в гвардейскую артиллерию. Он даже защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Изготовление и применение артиллерийских орудий в Европе и России в XVIII веке». Жаль, что состояние семьи Пушкиных не обеспечивало содержания офицера гвардии, отец смог выделить деньги только на содержание офицера в обычном линейном пехотном полку. Артиллерия не получила стремящегося в ее ряды офицера — литература обрела мирового гения.

Московское артиллерийское училище готовило офицеров для корпусной артиллерии, т.е. артиллерии корпусов. В каждом стрелковом корпусе, а также в артиллерии Резерва Главного Командования (АРГК) были корпусные артиллерийские полки, на вооружении которых состояли 152-мм гаубицы-пушки (дальность стрельбы 17230 м) и 122-мм пушки (с дальностью 20000 м) и дивизион АИР (топо-, звуко- и фото-батареи), а также авиационная эскадрилья или разведывательный авиационный полк. Для дивизионной артиллерии офицеров готовили Ленинградские (три), Киевские (два), Сумское и Хабаровское училища. Рязанское училище было ориентировано на орудия особой мощности (ОМ; 305-405-мм), Одесское — большей мощности (БМ; 203-мм).

Предполагалось, что в первые два года обучение будет производиться в Москве и в лагерях под Москвой. За это время была возможность дать всестороннюю подготовку офицера-артиллериста в тактическом, огневом и техническом отношении, а также в особом — специальной артиллерийской фотограмметрической службе. Последний год (практически — полгода, до выпуска в июне) обучение переносилось в Чкалов, в военное авиационное училище, где подготовленный в Москве офицер артиллерийской инструментальной разведки получал специализацию летчика-наблюдателя. Планирование и использование аэрофотосъемки комплексировалось с ведением огня с помощью самолета (аэростата). Программа несколько уравновесила мое желание учиться в Севастополе на морского летчика с новой вполне перспективной профессией АИР. Артиллерия имела свою Академию с шестилетним сроком обучения. И я видел пример ее выпускников — начальник училища Ю. Бажанов и командир дивизиона АИР капитан С. Клячкин.

Целеустремленная, перспективная программа трехлетнего обучения в Москве, в центре культуры, духовного богатства страны, под руководством опытных интеллигентных офицеров, возможность об-

щения с родными в значительной мере повлияли на мое душевное состояние. Я смог по телефону сообщить родственникам, где я, что со мной. Правда, с матерью я повидался только в конце июня, когда нес службу дневального по контрольно-пропускному пункту, рядом с теми пушками, которые вызвали мою улыбку 17 июня. Мать меня узнала с трудом: я был в парадной тонкосуконной форме, с клинком, револьвером, при шпорах. Так и сфотографировал нас курсант Ю. Лизунов вместе с другом из Тулы курсантом В. Галкиным. С матерью мы заплакали у забора. Дала она мне булку и банку земляники. Но в батарее гостинцы отобрал старшина — ленинградец Николаев. «Вы здешний, Вам еще принесут. — Нам, из Ленинграда, кто принесет?» И немедленно с друзьями съел и булку, и землянику. Вот когда мне, как пажу князю Кропоткину, захотелось выть...

К сожалению, этой богатой по замыслу и содержанию программе не суждено было сбыться. 22 июня 1941 г. началась война, а через месяц, вечером 22 июля, — первая бомбардировка Москвы германской авиацией. В программу были внесены глубочайшие изменения.

Первый день войны — 22 июня 1941 г. — запомнился митингом всего училища в артиллерийском парке. Я впервые увидел такое большое количество курсантов — три огневых дивизиона (по три батареи в каждом), наш дивизион АИР (тоже три батареи), еще одно подразделение, которое размещалось в бывшем конноартиллерийском дивизионе (там, как выяснилось позже, начиналось формирование первых ракетных батарей), подразделения обеспечения и обслуживания. На тротуаре стояли женщины и дети (семьи офицеров размещались в таких же краснокирпичных четырехэтажных зданиях, сзади казарм). Волнующе, призывно играл оркестр. Царила обстановка торжественности, важности момента.

Товарищи, война!

Жила страна, творя и созидая,
Трудясь порой без отдыха и сна.
Вдруг пронеслось от края и до края,
Как гром с небес: Товарищи, война!
 Все замерло, как перед бурей море.
 Лишь матери заплакали навзрыд,
 Сердцами понимая зло и горе,
 Что ворвались в их семьи, жизнь и быт.
Страна ждала. И вот товарищ Сталин
Сказал о том, чему быть суждено:

За нами правда. Правда крепче стали.
Мы победим. Иного не дано!

И веры дух поднял сынов Отчизны,
И встали нерушимой стеной
Бойцы ... во имя жизни

На битву ту с фашистской ордой...
Та битва стала схваткой всесветной,
В ней море крови пролито и слез.
И наш солдат в отваге беззаветной
Победы знамя на рейхстаг вознес.

(В. Харитонов-Верин)

Были включены мощные уличные громкоговорители — репродукторы. Слышно было хорошо, но голос В. М. Молотова, и без того заикающийся, сильно искажался динамиками, звуки отражались от зданий, накладывались друг на друга, смешивались. На площади стоял сильный шум. Но все поняли главное: «Война. Победа будет за нами». Митинг был коротким. Эмоциональными были выступления батальонного комиссара Соловьева — ветерана Гражданской войны, капитана Попова — участника советско-финской войны. В заключение с речью выступил полковник Ю.П. Бажанов. Из речей легко усваивался главный вывод: война продлится недолго, может быть, две-три недели. Противник наверняка будет разгромлен. Артиллерия сыграет в разгроме врага решающую роль. Потом училище в батарейных колоннах прошло мимо трибуны. Для каждой батареи оркестр играл свой марш. Наша шла под «Марш энтузиастов» («Все выше, выше и выше...»). Расходились по казармам с песнями. Мы пели свою, коронную:

По широким дорогам колхозным,
По московским большим площадям
Мы проходим лавиной грозной.
Мы готовы к боям.
Для защиты свободы и мира
Есть гранаты, готова шрапнель.
Наши пушки и наши мортиры
Бьют без промаха в цель.
Если враг к нам захочет ворваться,
Боевая настанет пора.
По-геройски за Родину драться
Будут все номера.

Песню венчал припев:

Артиллеристы, точней прицел,
Разведчик зорек, наводчик смел.
Врагу мы скажем: нашу Родину не тронь,
А то откроем сокрушительный огонь!

Если начало войны запомнилось митингом и укреплением веры в скорую победу, то первая бомбежка Москвы принесла другие впечатления. После ужина 22 июля батарея с 21-го до 22-х часов находилась на вечерней поверке и прогулке. Завыли сирены. Невольно посмотрели на ночное небо: оно было усеяно множеством звезд. Но странно — звезды двигались. Через некоторое время небо расцветили прожекторы, их было много, и можно было понять, что ими искусно управляют. Лучи группировались, объединялись, и становилась видна цель — самолет. Именно вокруг этой точки-цели появились шапки разрывов, а до нас донесся гул стрельбы зенитной артиллерии. Все это мы наблюдали из щелей, отрытых нами же на уроках по инженерной подготовке. Район был экологически неблагополучный, недалеко — городские свалки. Сидеть в щелях, дышать смрадным воздухом в летний душный вечер было нестерпимо. Мы вышли на поверхность и следили за боем в воздухе. К нашей большой радости, увидели: падает немецкий самолет. Сбили! А вокруг пылали пожары — немцы сбрасывали зажигательные бомбы на расположенные недалеко от училища Белорусский вокзал, танкоремонтный завод, Тушинский аэродром. Вскоре загорелись склады училища, и нас старшина повел к месту пожара. Мы подносили ведра с водой, сливали в бочку; другие качали насос. Но главное было в другом. На посту, на вышке стоял часовой, красноармеец. Огонь подступил к вышке, она загорелась. Все кричали, звали начальство. Но даже мы, молодые курсанты, успели за месяц уяснить, что снять часового с поста может только разводящий, начальник караула и командир части. Никого из них не оказалось. Я увидел в этом эпизоде всю войну сразу: человек долга гибнет на посту, покинуть его не позволяет закон, устав. Начальники не предусмотрели вариантов спасения человека, значит, у них мало предвидения, ответственности...

Кругом все горело. Огонь, дым, неизвестность. Казалось, придет утро и не увидим Москвы. Но у страха глаза велики: рассвело, вернулись в казарму. Привели себя в порядок. И на занятия. А ночи подобные этой повторялись с тех пор до конца обороны Москвы.

Война, бомбардировки Москвы, обстановка в Москве в связи с приближением к ней фронта, выполнение основной задачи — подготовка офицеров теперь уже для фронта — преобразили жизнь училища, усложнили и видоизменили формы его деятельности. Теперь насущными, необходимыми стали две задачи: учеба и участие в обороне Москвы.

Нам казалось (понять это было нетрудно), что в учебе предстояло взять несколько рубежей. Подготовиться к принятию присяги, изучить общевоенные уставы, стрелковое оружие, выполнить стрельбы из винтовки и револьвера. На это ушел июль.

Присягу приняли 22 июля утром, в торжественной обстановке. Подписался я под клятвой воина на верность Родине, встал в строй, а про себя прочитал запомнившееся с детства стихотворение Демьяна Бедного «Честь красноармейца». Оно глубоко запало в душу и было всегда созвучно моим взглядам:

Красноармеец Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Сафрон,
Не ты ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов — без корон.

...Тебе, принесший гибель змею,
Кузьме, Даниле, Фалалею,
Твоих имен не перечеть.
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме честь!

Да, я вступил в РККА! Вступил добровольно. Я встал в строй таких же красноармейцев, которым страна отдавала честь за их заслуги прошлые, настоящие, будущие.

Затем начали усиленно тренироваться в исполнении обязанностей наводчика, командира орудия. Сдали на права водителя автомобиля. Ждали выпуска по этим огневым специальностям. Вместе с этим шла усиленная подготовка по профессии — артиллерийской фотограмметрии.

Одновременно ни на минуту не прекращалось изучение материальной части орудий, боеприпасов, теоретическая подготовка и тренажи по стрельбе и огневой службе. Вызывали восхищение классы по материальной части: орудие в собранном виде, орудие разрезное (но

действующее!), каждая деталь отдельно, плакаты. То же по автомобилю, трактору. Масса книг по артиллерийской стрельбе. Учебники Дьяконова, Капустина, Блинова, Винарского и Пеха, отдельно — сержанта артиллерии, солдата-телефониста, радиста, топографа...

В лагере Алабино отрабатывались задачи по тактике, топографии, огневой службе, гранатометанию, стрельбам прямой наводкой и с закрытых позиций.

Постепенно перестали думать о выпуске сержантами, к осени стало ясно, наше обучение рассчитано на подготовку командиров взводов АИР.

Другая часть нашей учебы (она проходила ночью, а потом прихватывала и день) была связана с Москвой, ее обороной, поддержанием порядка в ней. В целях противовоздушной обороны (ПВО) батарея была распределена по расчетам для несения службы на крышах зданий в расположении училища. Расчет был оснащен стереотрубами, ручными пулеметами и клещами для сбрасывания с крыш зажигательных бомб (если их не удалось погасить в ящике с песком). Все посты были связаны телефоном. Имели планшеты. Это известное в артиллерии сопряженное наблюдение (СНД) велось за воздухом, за местностью. В случае, если шпионы (сигнальщики) ракетой указывали немцам цель (а это не было редкостью в 1941 г.), место ракетчика засекалось. Если это в зоне досягаемости огня, открывался пулеметный огонь. Координаты дальних целей сообщались в милицию.

Мы помогали семьям офицеров училища занять места в убежищах. До сих пор невозможно забыть испуганные лица и глаза детей: каждый вечер ждать тревоги и уходить из дома в неизвестность.

На нашей батарее (и на других) лежала обязанность выезжать на прочесывание местности с целью задержания диверсантов, патрулировать улицы Москвы, вокзалы. Была еще одна обязанность: провожать в последний путь погибших на фронте генералов. Картина тяжелая: траурная обстановка крематория, речи, залпы прощального салюта, гимн, прохождения маршем. Столь же щемящими оказывались проводы коммунистических батальонов на фронт. За сутки профессора, студенты, журналисты, писатели — все становились солдатами, уходили в бой под Ельню, Вязьму, Москву. Уходили с песней — они на фронт, мы — на крыши или в поиск.

Московский период службы приближался к концу. Октябрь — оборона Москвы под Волоколамском, потом парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади и эвакуация. Куда? Оказалось, на Урал, 70 км юго-западнее Челябинска, город Миасс...

Окончание училища столь же памятно, как и первый день военной службы. 17 апреля 1942 года, яркий солнечный день. Такие дни в Миассе, на Урале не частое явление. Я стоял в карауле на посту в парке боевых машин реактивной артиллерии. Время шло к очередной смене. И действительно, разводящий младший сержант Алексей Новичков привел караульных, произвел смену часовых и, когда я встал в строй, громко воскликнул: «Уткин — Вы лейтенант!» Я не удержался: «А Вы?» — «Тоже» — был ответ. О других спрашивать постеснялся. В караульном помещении все уже знали о приказе, о выпуске. Было оживленно, немножко грустно — ведь десять месяцев вместе, а теперь предстоит разлука.

События нарастали. На другой день комиссар батареи (лейтенант И. Абраменков) нарезал лоскутами кумачовую скатерть в ленкомнате, раздал нам, а мы кусочки жести обшили красной материей и прикрепили к петлицам «кубари». Еще день ушел на собрания, инструктажи, расчеты. И вот финал: торжественный обед (обед улучшенный), но главное — оркестр под управлением дирижера училища майора Лялина (хорошо знаком по разводкам караула и параду 7.11.41) играет для нас популярные мелодии. Такого еще не было.

Вечером — эшелон, товарный вагон, вещмешок под головой. Через сутки переехали Волгу в Куйбышеве, еще через двое суток — Москва, Китайский проезд, дом 9, Главное управление кадров артиллерии РККА.

Нас, выпускников, принял начальник Управления генерал П. В. Гамов. Рассказал о положении на фронте, о том, как нас ждут в войсках. Объявили списки групп, отправляющихся на различные фронты. Я в составе небольшой группы направлялся на Воронежский фронт (запасный командный пункт Саратов).

Короткие встречи с родными. Ночью съездил в родную деревню, вернулись с матерью в Москву, сфотографировались на Арбате. И ныне я храню эту фотографию: молодой лейтенант с двумя кубарями и его мать, провожающая сына на фронт.

...Саратов запомнился не только назначением в часть, но и отношением к военным. Мы зашли пообедать в столовую военторга. Встали в очередь. Вдруг подходит администратор и говорит: «Орденосцы у нас без очереди». Она приняла оборонные значки на наших гимнастерках за ордена! Вот какая цена была в народе в то время человеку со знаками отличия. Вечером поезд увозил нас на станцию Татищево, близ которой в поселке Октябрьском располагался 8-й запасной артиллерийский полк Воронежского фронта.

Моя фронтовая жизнь как командира-артиллериста началась 17 июля 1942 г. Этот день стал во многом памятным и определяющим в моей службе. Еще утром мы и не предполагали, что вечером окажемся на передовой. Мы — это группа офицеров-выпускников Московского артиллерийского училища, — располагались в казачьих хатах воронежского села Верхний Карачан, которую из тылов Воронежского фронта постепенно приближали к боевым частям. Сначала нас разместили в поселке Октябрьском (район станции Татищево Саратовской области), потом на станции Грибановка (под Борисоглебском), в городе Урюпинске и, наконец, разместили в Верхнем Карачане. Все это время (май-июль 1942 г.) мы состояли на службе в отдельном дивизионе артиллерийской инструментальной разведки (командир — капитан Николаев, в прошлом главный инженер строительства автодороги Москва-Минск, в будущем — министр транспорта РСФСР) 8-го запасного артиллерийского полка Воронежского фронта. В поселке Октябрьском, в учебном хозяйстве Саратовского сельхозинститута мы приняли командование взводами, но штатной техники не было, мы больше уделяли внимания общевойсковой подготовке. А командир дивизиона и командиры батареи усиленно обучали артиллерийскому делу, тактике, приобщали к фронтовому опыту. После Октябрьского мы представляли собой просто группу резерва, ожидающего распределения по частям.

17 июля к нам прибыл старший лейтенант Фомченков, отобрал личные дела, посадил нас (5-6 человек) на полуторку и ... повез. Куда? Через несколько часов прибыли на станцию Анна, где располагался отдел кадров штаба артиллерии фронта. Короткая передышка. И снова в путь. Дорога становилась все хуже и хуже. И вот лес в районе дома отдыха Средний Икорец (примерно 100 км южнее Воронежа) на Дону. Старший лейтенант передал меня прибывшему по его вызову старшине (позже я узнал его фамилию — Цыганок, он был старшиной первой батареи, той, где мне предстояло служить), распрощался и повез других офицеров дальше.

Старшина в темноте повел меня по лесу, и вскоре мы остановились у входа в землянку. Осмотрелись. Было темно. Признаков расположения воинской части не наблюдалось. Спустились вниз. Мой проводник зажег коптилку. Указал на дощатый топчан с соломенным матрацем. Другой топчан был свободен, соседа у меня пока не было. На импровизированном столе котелок с едой, кружка с чаем, ломти

хлеба. Было уже поздно. Расспрашивать старшину не хотелось, а он был скромн, неразговорчив. Но я заметил, что это был служака-сверхсрочник в добротном обмундировании и с несколькими значками на груди. По выговору — смоленский, как и старший лейтенант Фомченков.

Рано утром тот же Цыганок принес мне такой же котелок и кружку с чаем, а пока я завтракал, он появился снова и полностью вооружил меня — выдал пистолет «ТТ» с патронами, противогаз, бинокль, циркуль, компас. И самое главное — привел с собой солдата. Представил его: «Михаил Михайлович Проняев (он из Брянска) будет Вашим ординарцем, товарищ гвардии лейтенант», — подчеркнув при этом слово «гвардии». С Проняевым мы прошли всю войну. Он был по возрасту ровесник моему отцу: ему было 46 лет. Простой русский мужик — сильный, работающий, знающий цену себе и своему командиру, готовый служить, но не прислуживать. Он сумел организовать мой быт, снял с меня все заботы, оставив за мной главное — командовать взводом, батареей, дивизионом, целиком отдаваться бою.

Во мне росло чувство неопределенности. Привезли. Отдохнул. Покормили. Вооружили. Что дальше? Вышел из землянки наверх. Осмотрелся. Вокруг прекрасный сосновый лес. Может быть, здесь сподвижники Петра Первого рубили корабельные сосны и оснащали корабли. Воздух настоян на хвое. Благодарить! Землянки — внизу. Пейзаж не портят. Лишь тропинки связывают их друг с другом. Людей не видно, скорее всего — на занятиях, лишь я один все еще жду.

Но оказалось, что ждут и меня. Последовал вызов к командиру дивизиона. И тот же молчаливый и застенчивый Цыганок повел меня к командирской землянке. Пока мы шли по лесу к командиру дивизиона, невольно вспомнилась песня из кинофильма. Помните? «Парня встретила дружная, боевая семья. Всюду были товарищи, всюду были друзья». Сбудутся ли слова песни? Эта мысль не давала покоя. Скорей бы!

Землянка командира выглядела добротной, просторной. Топчан. Стол с расстеленной на нем картой. Лампа со стеклом. В землянке находились три офицера. Представился тому, в ком без труда можно было различить старшего, командира.

Поздоровались. Познакомились. Командир коротко рассказал о себе: старший лейтенант И. Браул, 25 лет. В 1939 г. окончил Одесское артиллерийское училище. Командовал батареей БМ-13 в битве под Москвой. Сформировал 390-й отдельный гвардейский минометный дивизион в Москве и привел его на фронт. Представил присутствующим

щих: комиссар дивизиона старший политрук С. Тупиков, 30 лет, окончил военно-политическое училище им. Ф. Энгельса; Начальник штаба — старший лейтенант Н. Пономаренко, 25 лет. Воевал под Москвой электротехником ракетного дивизиона, окончил энергетический техникум. Меня попросили рассказать о себе, о семье, об учебе в школе и училище. Командира особенно интересовали мои командиры по училищу. Оказалось, что многих он знает. Когда я назвал командира 12-й батареи старшего лейтенанта Гука, Браул не сдержался, воскликнув: «Как, Слава Гук! Так это же мой однокашник по Одесскому училищу. Вам повезло с командиром». Верно, повезло. И с Гуком, и с командиром дивизиона Клячкиным, и с командиром взвода С. Митюшкиным. В дальнейшем разговор свелся к двум вопросам: насколько я знаю технику гвардейских минометных частей (ГМЧ), в частности систему БМ-13, которой вооружен 390-й огмд, и, как офицер артиллерийской инструментальной разведки, какими способами я могу привязывать (т.е. выбирать на местности и определять координаты) элементы боевого порядка (огневые позиции, наблюдательные пункты) и засекать (определять координаты) цели в расположении противника.

На первый вопрос отвечать было непросто: за десять месяцев учебы в Москве, на фронте под Москвой (я наводчик 152-мм пушки-гаубицы) и в Миассе упор делался на изучение штатной матчасти, т.е. корпусной артиллерии — 152-мм гаубиц — пушек и 122-мм пушек, артиллерийскую стрельбу — от прямой наводки до полной подготовки данных с использованием метеобюллетеня и таблицы логарифмов и фотограмметрическую разведку — т.е. изготовление и использование при стрельбе фотоснимков, фотопланов, фотопанорам, фотосхем. Что касается матчасти ГМЧ, то в обстановке строжайшей секретности, без каких-либо записей, без книг, чертежей, плакатов, руководств службы прибывший из командировки на фронт заместитель командира дивизиона майор П. Золотарев, который под руководством начальника училища Ю. Бажанова формировал в училище первые батареи, дивизионы и полки ГМЧ и организовывал их боевую работу на фронте, а также обобщал опыт, провел с нами несколько занятий прямо в закрытом отсеке артиллерийского парка.

Установки расчехляли, и перед нами представляли невиданные пусковые установки: БМ-13 (калибр 132-мм) на автомобиле ЗИС-6, тракторе Урал-ЗИС; даже на платформе бронепоезда; установки БМ-8 (калибр 82 мм) на танке Т-60, на тракторе СТЗ, на саях. Рядом стояли макеты боеприпасов. Поражали крылья-стабилизаторы. При-

цельные приспособления нам были хороши знакомы — их переняли у ствольной артиллерии. Майор Золотарев многозначительно намекал, что весь секрет в снаряде. А подготовка данных, наводка, тактика — все по правилам, уставам артиллерии. Командир дивизиона улыбнулся: «У нас и сейчас нет ни таблиц стрельбы, ни книг с описанием устройства, ни руководств службы. Все, как в училище, секрет. А таблица стрельбы — у меня в записной книжке. Командир батареи даст вам переписать. Остальное доберем практикой. А она у нас есть. Под Москвой кое-чему научились, и ваш Золотарев нам здорово помог».

Что касается второго вопроса — о привязке элементов боевого порядка и засечке целей — мне было проще, и я ответил вопросом на вопрос: «Какие приборы и карты какого масштаба имеются в дивизионе?». Последовал ответ: «Буссоль Михайловского — Турова (БМТ) с точностью 0-20 и артиллерийская стереотруба (АСТ) с десятикратным увеличением, дальномерные рейки и ленты; карты масштаба 1:100000 и 1:50000». Я предложил способ обратной буссоли, прямой и обратной засечки — в зависимости от местности и начертания переднего края.

Было ясно по ходу разговора, что начальники видят в новичке офицера с профессиональными задатками. Командир дивизиона немедленно поставил задачу: на карте был показан район огневых позиций и наблюдательных пунктов, простирающихся на юг вдоль реки Дон на 50-60 км, до города Павловска. Здесь предстояло дивизиону выполнять боевые задачи. «Вам выделяют взвод управления, машину, выдадут карты, приборы. Ждем результатов разведки и привязки. Время — неделя», — завершил разговор командир дивизиона. Начальник штаба пододвинул карту с обстановкой и задачей. Командир утвердил. Так я получил первую боевую задачу в качестве офицера-артиллериста. Сразу скажу, она была выполнена неплохо. Потом ее повторили уже в новом районе — от Павловска до Верхнего Мамона (50 км), а потом в ходе Курской битвы — от Белгорода до Волчанска (64 км). Задача усложнялась и усложнялась. На привязанные точки (мы их обозначали колышками) мне потом приходилось, как правило, ночью, выводить орудия, взводы, батареи и дивизион для стрельбы. Ошибки исключались: на карте командира были пронумерованы все позиции, привязанные и обозначенные мною, перепроверять было и некогда, и некому: т.н. кочующие орудия выезжали на стрельбу в пределах назначенного района каждую ночь и создавали у противника видимость наличия у нас крупной группировки ГМЧ. С артиллеристами-«ствольниками» уточнялись результаты стрельбы: они вели

разведку с места, днем и ночью. Наши наблюдательные пункты располагались на фронте 5-6 км, в полосе одной дивизии. После войны я обобщил фронтной опыт и опубликовал работу «Кочующие орудия в армейской оборонительной операции».

Кому-то может показаться странным, что 19-летнему лейтенанту, лишь вчера прибывшему в особой важности дивизион, сразу доверяют такое важное дело, по сути, судьбу залпового огня огромной мощи. Можно удивляться и другому: молодой офицер задачу выполнил. На самом деле, в поручении был заложен глубокий смысл: на фронте задач простых нет, все они важные, все связаны с огнем и его результатами. Главное верить, что молодо — отнюдь не всегда зелено. За плечами десять месяцев учебы, да еще в батарее артиллерийской инструментальной разведки. В артиллерии «аировцев» не без оснований называют артиллерийской интеллигенцией — они, кроме матчасти и стрельбы (чему учат огневиков), знают более точные способы подготовки огня — на полной топографической основе (с привязкой к государственной триангуляционной геодезической сети), с помощью звукометрических батарей (звук от выстрелов орудий и разрывов снарядов, распространяющийся со скоростью 340 метров в секунду, принимается сетью звукопостов и записывается на специальной ленте. По разнице координат постов и времени приема звука на планшете определяются координаты звучащего объекта. Дешифрование, распознавание объектов, нанесение километровой сетки, определение масштаба снимков, определение координат объектов позволяет через 1,5-2 часа после съемки выдать стреляющему командиру карту почти что в реальном масштабе времени. (Это близко к нынешним показателям информации из космоса.)

Пожалуй, основой моей подготовленности было участие в течение двух лет в землемерных работах в составе группы преподавателей и студентов землеустроительного института. Они создавали карты-планы при закреплении навечно земли за колхозом. За рубль в день я сначала заготавливал колышки, закреплял их в земле, носил дальномерную рейку. Потом втянулся в сложные работы — изучил теодолит, алидаду с мензулой. Научился измерять углы, работать на планшете, определять координаты точек.... Тогда это было приработком. В училище и на войне стало фундаментом профессии артиллериста...

Специально подробно рассказал о первом боевом задании. Оно содержало основную часть службы офицера в артиллерии. Координаты цели, координаты огневой позиции и наблюдательного пункта,

соединенные незримыми линиями на местности и вполне реальными — на карте, образуют так называемый артиллерийский треугольник, в котором содержатся исходные данные для стрельбы: прицел (дальность до цели с огневой позиции), направление стрельбы (буссоль, угломер), уровень (величина, отражающая соотношение по высоте цели и огневой позиции). Способов подготовки данных много: глазомерные, сокращенные, полные, с секундомером, по фотоснимку (практически это карта текущего дня и часа) и т.д. Но решение задачи сводится к выдаче команд на прицельные приспособления орудия: прицел, угломер, уровень.

...День 18 июля только начался, а я уже получил задачу. От командира дивизиона пошли с начальником штаба в его землянку. Здесь старший вычислитель выдал мне склейку листов карты, на ней четко был нанесен передний край нашей обороны, а за Доном — немецкой. Никаких данных на карте больше не было. Я понял, сообщают то, что положено. Тот же старший вычислитель (его фамилия А. Деренский, он из Саратовской области, служил со мной и в то время, когда я был начальником штаба; был еще один вычислитель — Е. Хлюпин, многому у них научился: графике, приемам работы на карте, на приборах) проводил меня к командиру первой батареи, где мне предстояло служить.

Командир батареи лейтенант А. Козлов и комиссар политрук П.Акимочкин жили в одной землянке. Она не отличалась от той, в которой я ночевал. Был уже день. Вышли на поверхность, сели на бруствер щели. Начался разговор. Познакомились. Комбат — настоящий русский богатырь. Светлые волосы. Открытое лицо. Окончил после семилетки Лепельское минометное училище. Сказал он об этом и сразу добавил, что до Московского училища Лепельскому с его 82-мм и 120-мм минометами далеко. Воевать пока не пришлось. Но желание большое (в январе 1943 г. Козлов уехал учиться. Батареею доверили мне).

Комиссар П. Акимочкин — из запаса, тульский рабочий, в армию призван в 1941 г., служил порученцем генерала в большом штабе. Переведен на батарею по собственной просьбе. Артиллерийского образования нет. Общее — техникум. Акимочкин оказался прекрасным товарищем. Мы дружно работали с ним до мая 1943 г., когда должности политсостава в батареях были упразднены.

Я, в свою очередь, подробно рассказал о себе. Товарищи почему-то заинтересовались, как я стал офицером артиллерии. Видимо, хоте-

ли сравнить судьбы. Побеседовали, закурили (я только начинал, своего табака не было). «Ну что ж, — сказал комбат, — пойдете в парк». Парком оказались четыре глубоких и тщательно замаскированных окопа — аппарели, где под чехлами ровень в земле стояли боевые машины. Их охранял часовой, невдалеке ходил другой. Вызвали водителя. И он вывел установку из окопа. «Узнаете?» — спросил комбат. Комиссар добавил: «Наша красавица, «катуша» (в то время я не знал этого названия, вспомнились слова из песни о «Катюше» — русской девушке). Я сказал, что узнаю. Но почему противник рядом, а ракет на направляющих нет? Переглянулись мои начальники и ответили, что это выжидательная позиция, при выезде на огневую зарядят. Снаряды лежали в глубоком окопе. Вблизи установок.

А в это время старшина построил батарею, и комбат повел меня представлять личному составу. Короткий рассказ обо мне. «Вопросы есть?» — «Нет». — «Разойдись». Меня удивило, что большинство сержантов и солдат было солидного возраста. Подумалось — это мои отцы, как-то с ними придется служить? Как завоевать доверие, авторитет? Как суметь провести в жизнь свои решения?

В этот день обедали в землянке командира батареи и комиссара. Познакомились с командиром взвода управления лейтенантом Ш. Шакировым. Он мой одноклассник, прибыл неделей раньше из Омского артиллерийского училища. Обед — громко сказано. Те же котелки с супом и макаронами. Но комбат угостил чаем с печеньем (из своего дополнительного офицерского пайка. Кстати, туда входило еще сливочное масло и табак).

После обеда настало время заняться своими непосредственными обязанностями. Как старший офицер батареи (по положению им является или заместитель командира батареи — должность была введена в октябре 1942 г., и я ее занял — или командир первого огневого взвода, должность командира второго взвода была вакантна, в октябре им стал лейтенант В. Зубенко) я вызвал в парк помощников командиров огневого взвода, командиров орудий и артмастера. Расположились в окопе у орудий. Каждый рассказал о себе. Сержанты имели 4-5-6 классов образования. Родом из Поволжья, Сибири, Москвы. У всех дома остались семьи. В боях не участвовал никто. До войны в армии служил лишь один — комсорг батареи И. Остапенко (он же помощник командира второго взвода, исполнял обязанности взводного). В боевой стрельбе никто не участвовал. Но тренажи проводились, с огневой службой знакомы.

Вместе с командирами орудий в парк, к орудиям были вызваны артиллерийский техник батареи А. Онищенко и орудийный мастер батареи сержант Г. Твердохлеб. В их присутствии я просмотрел формуляры орудий, а затем попросил мне показать ящики с ЗиПом (запасные части и принадлежности) — орудийными и батарейными, водители предъявили автомобильные. Потребовал доклады командиров орудий и арттехника о полной исправности боевых машин: и пусковой установки, и базовой машины. Доклады были утешительными. Решил проверить главное — исправность электроцепей от пульта к пиросвечам. Командиры сели в кабины, по очереди замыкали контакты. Прибор фиксировал подачу тока, его напряжение, его силу. Так, от орудия к орудию шла проверка. Пришлось на ряде машин указать на загрязнение контактов. При мне исправили. Проверил также паспорта автомобилей, водительские удостоверения, удостоверился в стаже и классности старших водителей. Документов на боевые машины не имелось — ни руководства службы, ни описания устройства, ни тактико-технических и эксплуатационных данных. На базовые машины «Джемси» (JMS) документация была на английском языке — ни я, ни мои помощники, никто в дивизионе английским не владел. Это обернулось для нас позже, в ноябре 1942 г., большой бедой. В свое время расскажу об этом. Оружие, шанцевый инструмент оказались в порядке. «Как настроение людей?», — спросил я. «Скучают», — был ответ. «Что делали сегодня с утра?» — «Изучали уставы. Чистили оружие». И меня спросили: «Что нового в Москве?» (Не знаю, почему сержанты считали, что я приехал из Москвы. Я и сам не прочь был узнать, что там нового.) Посидели. Покурили (угостили меня махоркой). Я отпустил своих ближайших, самых важных помощников. Вывод был один: надо учиться, учиться всем. Экзаменом будет первый выстрел, первый залп. К этому надо готовиться.

Встреча с сержантами (младшими командирами по тогдашней терминологии), размышления о совместной службе с сержантами и солдатами в одном взводе, батареи и поисках способов завоевать их признание, доверие напомнили мне прочитанную еще в училище летом 1941 года статью в газете «Красная Звезда». В ней говорилось о группе бойцов, вышедших из окружения во главе с командиром, лейтенантом. Выходили долго. Сильно устали. Давно кончилось питание. Курили что попало: листья, корешки. Одежда и обувь изнашивались. Но командир вывел солдат и теперь, перед последним броском к своим, отряд отдыхает. Командир размышляет, перед ним на земле

карта. Солдаты вытрясли из карманов давно забытые крошки табака, сложили в одну щепоть — хватило на закрутку. И уже хотели пустить по кругу, каждому по глубокой затяжке. Но самый старый и опытный воин (таких звали «бывалый») неожиданно взял самокрутку и сказал: «Ребята, отдадим ее командиру, ему труднее, он над картой думает».

И верно. Только командир может спасти подчиненных. Он обучен, опытен, ему многое известно. И роль его в том и состоит, что вести за собой бойцов, заботиться о них, заменяя мать, отца, родных. Рассказ поразил тогда меня — курсанта, избравшего профессию командира. Сейчас он стал для них необходимостью, руководством. Вот они — два взвода огневики, сорок человек. Все тебе в отцы годятся. Но лишь ты, один из всех, можешь сделать для подготовки огня батареи то, чего не сделает никто. Они призваны выполнять часть, частицу работы. Ты, командир, обязан воочию представлять работу в целом и быть способным сделать ее, добиться результата. Чем выше я поднимался по служебной лестнице, тем яснее, ответственнее становилась роль командира в большом объеме работы.

Вечером сходил к комбату. Доложил о приеме огневых взводов. Посоветовались о моем задании. Комиссар сказал: «Тебе доверяют. На тебя надеются. Первый залп — не шутка. И готовишь его ты. Не бойся! Мы с тобой! В обиду не дадим». Комбат выделил взвод управления с машиной и приборами. Приказал выехать утром — в 6.00.

Перед отбоем пришли старшина и ординарец. Принесли плащпалатку, каску, сапоги. Ординарец доложил, что сухой паек на неделю получен, попросился со мной. Я согласился.

Такими делами и раздумьями был наполнен конец первого дня на фронте. Утром предстояло направляться на работу, на боевую работу. Издалека доносились артиллерийские выстрелы. Кто-то уже работал.

Перед тем, как уснуть, решил изучить район работы по карте. Оборона противника шла по правому берегу Дона. Местность возвышенная, так называемое Донское Белогорье. Отметки высот на карте 240-260 метров. Наша оборона — по левому берегу, отметки значительно меньше 100-130 метров. От нашего расположения до Павловска примерно 100 км. Деревень вдоль Дона почти нет. На правом, высоком берегу их много — Колыбелька, Марки, Колодежное, Белогорье. Местность открытая. Лесов нет. Вдоль реки кустарник. Почва

песчаная. Дорожная сеть на нашем берегу не развита. К фронту дорог нет. Войска используют, очевидно, подготовленные маршруты.

В соответствии с Боевым уставом артиллерии мне предстоит выполнить роль командира огневого разъезда. Конечно, поскольку командир батареи через район не проехал, я в то же время был и передовым разездом. Решил весь район предстоящих боевых действий разделить на пять участков (12 км по фронту и 5 км в глубину. Почему 12 км? Это примерно полоса обороны стрелковой дивизии. А 5 км в глубину имитировали дальность стрельбы — 8470 м. Дальше оттягивать было не целесообразно, на пределе огонь не ведется), два дня оставить на обработку материалов и составление отчетной карты и таблицы координат элементов боевого порядка. Сначала решил проехать по всей трассе, изучить местность, выбрать опорные точки, прикинуть, где и что можно разместить.

Рано утром у машины меня и ординарца встретил помощник командира взвода управления сержант Ветров. Доложил, что три разведчика со стереотрубой, буссолью и дальномерной рейкой и два радиста с радиостанцией «РБ», три орудийных номера с лопатами и топорами готовы к выезду и работе. Все вооружены. Экипированы. Шофер Долганов о готовности машин доложил лично -полупортка была далеко не новой. Краткая постановка задачи. И отъезд.

100 км преодолевали более пяти часов: я выходил из машины, осматривался, намечал места будущей работы, беседовал с сержантом, командиром отделения, разведки. На фронте было тихо. Признаков войны — никаких. Но я все же остерегался, на остановках машину маскировали, солдаты занимали укрытия. И не даром. За несколько километров до Павловска нас обстреляли из миномета. Осколки попали в машину, к счастью, люди не пострадали. Пообедали всухомятку и к вечеру вернулись в исходный пункт. Начинать было удобнее с участка, ближайшего к району дислокации. Ночевали в кустах. Обошлись без палаток.

В течение пяти последующих дней я проводил ранее намеченную работу: выбирал на местности районы для выжидательной и огневой позиции, а также для наблюдательного пункта. При этом следовал простому расчету — наблюдательные пункты шли по рубежам: первый примерно в 5-6 км от переднего края; другой в 2-3 км от Дона; огневые позиции также на двух рубежах — ближнем (1-2 км от реки) и дальнем (4-5 км от переднего края). Таким образом, на каждом 12-километровом участке было выбрано 8-10 наблюдательных пунктов,

4-5 выжидательных и 5-6 огневых позиций. Вариантов использования участка командир дивизиона получал достаточно. Районы выжидательных позиций привязывались, как и огневые, — они могли быть использованы не только для выжидания перед отъездом, но и для стрельбы. Каждая позиция привязывалась: приборами я измерял углы с одной, двух, трех точек, затем контролировал с уже привязанных точек, наносил на карту, определял координаты. Каждое место стояния орудия обозначалось колышком, его крепили в песке, в земле. Надежды на сохранность было мало. Но другого выхода не было. Собирались хорошо запомнить место. Люди втянулись в работу. Трудностей особых не было. Каждый вечер докладывал командиру батареи по радио, а в ответ: «Ночью возможна работа. Будьте готовы встретить колонну». Но «работу» пришлось проводить только на пятом участке.

Я встретил колонну первой батареи (четыре боевых машины и машины с боеприпасами). Ее привел командир — лейтенант Козлов. Был с ним и комиссар. Вместе с ними был начальник штаба — старший лейтенант Н. Пономаренко с группой управления. Обсудили, кому какой наблюдательный пункт занимать, и мой командир-разведчик повел начальника штаба на его точку. Батарея расположилась на выжидательной позиции. Подготовили к стрельбе орудия и боеприпасы. А я в это время уже в роли старшего офицера батареи готовил огневую позицию к стрельбе: указал командиру «колышек» — место стояния первого, основного, орудия, повесили основное направление стрельбы (обозначили вехами), разбил фронт батареи, заранее выбрал точку наводки, определил отсчет панорам всех орудий по точке наводки. Командир батареи вызвал меня на выжидательную позицию. Туда же прибыл командир взвода управления — он занял указанную мною точку наблюдательного пункта. Залп батареи готовился по населенному пункту Белогорье. Командир батареи убыл на наблюдательный пункт. Мы с комиссаром повели расчехленные заряженные установки на огневую позицию. Все это заняло считанные минуты. Я доложил Козлову по радио о готовности к открытию огня. Через несколько секунд — «Огонь». Я тоже подал команду. И вот оно — невиданное зрелище! 64 ракеты огненными факелами осветили местность, оглушили ревом окрестности и ушли, оставляя след, в небо. Ждать результаты залпа не полагалось. Я повел батарею по заранее разведанной дороге на север и остановил ее только через 20-30 километров. Нас догнал командир батареи. Он приказал составить акт о

залпе и заверить его в штабе стрелкового полка. А сам повел батарею на место дислокации. На рассвете я разыскал штаб батальона, по телефонному кабелю пришел в штаб полка. Пехота была в веселом возбуждении — что было, толком никто не знал, но всем понравилось: «Немцу дали прикурить», «Видимо, скоро наступление». Акт скрепили печатью, нас покормили и попросили — приезжайте еще.

Через два дня я докладывал командиру, комиссару и начальнику штаба дивизиона отчетную карту, таблицы координат элементов боевого порядка, предлагаемые маршруты выдвижения. Поблагодарили. Отправили отдыхать. Предупредили: «Вы теперь больше всех знаете о районе боевых действий. Готовьтесь». Я готовился. Команды шли одна за другой. В августе-сентябре 1942 г. мне пришлось выводить на позиции вдоль Дона ночью по одной, две, четыре, восемь установок для ночной стрельбы. Отыскивать колышки в кустах я привык, огневую работу освоил, боевое крещение получил.

Что касается результатов первого залпа — их наблюдали и засекали с двух пунктов (так называемое сопряженное наблюдение дивизиона): начальник штаба и командир батареи. Когда отчеты приборов по левому и правому краям участка поражения (огонь вели фугасными снарядами, их разрывы особенно наглядны ночью) нанесли на карту и планшет, оказалось, что центр эллипса рассеивания и точка прицеливания батареи при веере сосредоточенном, рассчитанная командиром на основе подготовки элементов боевого порядка, практически совпадают. Других данных о залпе ночью, без авиации, без групп глубинной разведки получить было невозможно. Видимо, цель состояла в другом: шла боевая подготовка дивизиона, его командиров, его расчетов. Хорошо, что обстановка благоприятствовала. Скоро настали другие времена — противник наступал вдоль Дона на юг, сматывал нашу оборону, рвался к Сталинграду и на Кавказ. Подготовка помогла нам с честью выполнить задачи в Сталинградской битве.

Неделя, проведенная в непосредственной близости к переднему краю, к противнику, дала возможность и мне, командиру, и моим солдатам, прибывшим на фронт, ощутить на себе влияние поражающих факторов в боевой обстановке. Мы работали, испытывая артиллерийский и минометный обстрел, бомбардировки немецкой авиации. Вряд ли наша группа, к тому же рассредоточенная на местности, была целью обстрелов и бомбежек. Дело в другом. Мы проводили рекогносцировку и топопривязку в боевых порядках пехоты и артиллерии,

в батальонных районах обороны, вблизи позиций полковой и дивизионной артиллерии. Для меня было поучительно увидеть инженерное оборудование местности, маскировку, пути подхода с тыла, расположение минных полей в противотанковых районах.

Как правило, перед началом работы на участке я представлялся командиру батальона или офицерам штаба полка. Они меня вводили в обстановку, уточняли данные о противнике (за Доном оборонялась 2-я венгерская армия), о характере его действий, о группировке огневых средств. К сожалению, я мог сообщить немного: полного замысла операции огня кочующих орудий ракетного дивизиона на широком фронте я не знал и сам. Но давал понять: о боевой стрельбе особыми установками командиры пехоты и артиллерии будут извещены из вышестоящего штаба. К тому же, будет происходить уточнение (доразведка) целей. Было приятно увидеть много молодых офицеров, которые так же, как и я, недавно прибыли на фронт и осваивают фронтową науку.

В первые же вечера моей службы я понял, что попал в «поющий» дивизион. Читатели, конечно, помнят кинофильм «В бой идут одни старики». В центре кинофильма «поющая» эскадрилья и ее командир, «маэстро», как его зовут сослуживцы. Спустя долгие годы я по аналогии называл мой новый коллектив певчим, поющим. И во главе певцов и музыкантов — командир дивизиона старший лейтенант И.С. Браул. Его прекрасный баритон удивительно сочетался с тенором начальника штаба старшего лейтенанта Н. Пономаренко и басом командира первой батареи лейтенанта А. Козлова. Другие командиры вели в хоре свои партии. На гитаре аккомпанировал Н. Пономаренко, на баяне (потом на аккордеоне) лейтенант П. Лукашин. Солдаты и сержанты сначала робко, а потом в полный голос пели вместе с офицерами.

Что пели? Непременно звучали русские и украинские народные песни, песни из советских, самых современных кинофильмов, из репертуара Л. Утесова, В. Козина, К. Шульженко. Многие песни из хора закреплялись в качестве строевых, под них легче шагало. Батарейные гармошки, привезенные из дома, балалайки также были слышны. Я привез из училища ряд наших и строевых, и хоровых песен. Некоторые понравились, закрепились в импровизированном репертуаре. Песни скрашивали скучный быт, помогали бороться со скукой, однообразием, сплывали батареи и дивизионы. Отдаваясь песне, воин вспоминал свое, самое сокровенное. Пел он, обращаясь к песенному

образу женщины или природы, а думал о своей родной, милой, драгоценной и желанной и не песенной, а вполне реальной, оставленной из-за войны далеко от фронта. Появившиеся позже песни «Темная ночь», «Бьется в тесной печурке огонь», «Жди меня», «Я уходил тогда в поход», «Одессит Костя», «Одессит Мишка» в полном смысле слова вышли из народа, выразили его чувства.

Расскажу теперь о той беде, которая постигла дивизион в ночь с 6 на 7 ноября 1942 г. К тому времени мы переместились в новый район, вниз по Дону, и заняли позиции близ большого воронежского села Верхняя Гнилуша. Готовилась большая наступательная операция. Активной была и оборона. Мне приходилось вновь, как и прежде, отрекогносцировать, выбрать и привязать элементы боевого порядка на участке от Павловска до Верхнего Мамона (60 км). Здесь оборонялась 6-я армия (командующий Ф. М. Харитонов). Левее был юго-западный фронт (3-я гвардейская армия).

Я выполнил задачу. Когда возвратился, узнал о большом происшествии. В ночь с 6 на 7 ноября ударил мороз, и блоки цилиндров 11 боевых машин из 12 оказались размороженными. Лишь один водитель — И. А. Карпов (бывший автоинспектор г. Курска) без знания английского языка, здравым смыслом дошел до особенности машины «Джемси»: у нее два краника для спуска воды — один из радиатора, другой из блока цилиндров. Все водители спустили воду из радиатора, лишь один Карпов еще и из блока цилиндров. Мучились мы долго в поисках поддержания боевой готовности: клепать, варить по чугуну, наплавлять швы из мягкого металла — все было бесполезно, вода выливалась. Приближение начала операции, видимо, ускорило радикальное решение вопроса. Вся боевая техника дивизиона была заменена, полученные боевые установки были смонтированы на американских автомобилях «Студебеккер». Они выдержали до конца войны. Более того, по предложению того же И. А. Карпова и еще одного водителя-аса П. М. Шапки (он с Алтая) я разрешил (был уже начальником штаба) поставить на «Студебеккеры» дополнительные 300-литровые бензиновые баки (сняли со сбитых штурмовиков Ил-2). Запас бензина достиг 450 литров. Дивизион мог без заправки пройти более 500 километров. Так горе заставило учиться английскому языку, а вместе с ним искать пути повышения возможностей техники.

Я прибыл служить в ракетную часть, провел в ней всю войну. После войны принадлежность к ракетной гвардии во многом определяла мою службу. Официально эти части носили название «гвардей-

ских минометных» (ГМЧ). Но более правильное научное и историческое название — ракетные. По современной терминологии — это части «полевой реактивной артиллерии» (ПРА), «реактивные системы залпового огня» (РСЗО). ГМЧ по положению относились к резерву Ставки Верховного Главного Командования (СВГК). Командующий ГМЧ был заместителем наркома обороны по ГМЧ.

История ракет уходит в глубокую древность. Впервые боевые и осветительные ракеты появились в Китае, Индии. Колонизаторы завезли ракеты и в Европу. В России применение ракет тесно связано с развитием артиллерии, которая участвовала в войнах уже в 14-м веке, в частности, при обороне Москвы в 1380 году. Бурное развитие ракетостроения отмечалось при Петре Первом. Регулярные ракетные подразделения были сформированы российскими генералами А. Д. Засядко и К. И. Константиновым. Они принимали участие в русско-турецких войнах 19-го века, в Крымской войне 1853-1856 гг. Л.Н. Толстой начинал военную службу поручиком артиллерии, закончил ракетчиком в части генерала Константинова. К сожалению, в конце 19-го века ракетная артиллерия была вытеснена нарезными пушками, обладавшими большей точностью огня и дальностью, значительно превышавшей дальность полета ракет.

Это была историческая ошибка. И не только России. Всех стран и армий мира. Полвека было упущено. Кадры командиров, конструкторов и производственников отошли от важнейшей научной и военно-технической проблемы.

Могучий талант К.Э. Циолковского и других ученых дал огромной силы импульс развитию и теории полета ракет, и ракетостроению. Советский Союз оказался впереди других стран сначала в производстве и боевом применении ракетного оружия, а затем в освоении космоса. 17 июня 1941 года руководителям военного ведомства СССР была продемонстрирована стрельба батареи БМ-13 на Софринском полигоне. 21 июня пусковую установку осмотрел И. В. Сталин. Вечером 21 июня Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление о серийном производстве (без заводских и полигонных испытаний!) пусковых установок и ракет на заводах им. Коминтерна (Воронеж) и «Компрессор» (Москва). В ночь на 1 июля 1941 г. первая экспериментальная ракетная батарея капитана И. А. Флерова выступила из Москвы на фронт. 15 июля она произвела первый залп по району станции Орша. До августа 1941 г. было сформировано и вошло уже 10 батарей. 8 августа считается днем рождения ракетной

гвардии: в этот день правительство приняло решение о формировании десяти гвардейских минометных полков по 3 дивизиона в каждом (фактически было сформировано 14 ГМП), учреждены Военный Совет и штаб ГМЧ, назначен командующий (в ранге заместителя НКО). На 7 января 1942 года в РККА было уже 87 дивизионов, к 1943 г. их стало 365, к 1944 г. — 430, к 9 мая 1945 г. — 519.

Мне пришлось командовать одним из 519 дивизионов. Если принять протяженность советско-германского фронта в 1944 г. за 3000 км, на долю нашего дивизиона приходилось 6 километров! Ширина полосы наступления стрелковой дивизии на главном направлении! Высокая ответственность! В годы войны было произведено 11 тысяч пусковых установок и 14 миллионов ракет калибром 82, 132 и 310 мм. Потери за годы войны составили более 50 процентов боевых машин. Как видно, наша страна и армия, начавшие войну с 7 пусковых установок, собранных вручную в Ракетном научно-испытательном институте (РНИИ), к концу войны имели новый, могучий род войск, который сумел боевой службой занять достойное место среди победителей и обрести славные традиции. На базе гвардейских минометных частей после войны был создан качественно новый вид вооруженных сил — ракетные войска стратегического назначения.

Боевые качества и достоинства гвардейского минометного (ракетного реактивного) дивизиона определяются свойствами его основного вооружения и боеприпасами, штатной организацией, уровнем боевой подготовки, качеством управления, морально — политической и психологической стойкостью личного состава, достигнутым опытом боевых действий, взаимодействием с общевойсковыми (пехота, танки, кавалерия) артиллерийскими частями и соединениями.

Первым гвардейцам РККА Родина вручила новое, мощное, не известное противнику оружие. Оно было призвано способствовать в тяжелый 1941 год достижению перелома в войне, прокладыванию пути к Победе. В постановлении о принятии нового оружия на вооружение армии говорилось: «Ракетная механизированная залповая установка предназначена для внезапного нападения на противника стрельбой осколочно-фугасными снарядами калибра 132 мм».

390-й отдельный гвардейский минометный дивизион представлял на войне грозную боевую силу. В артиллерии главным огневым подразделением принято считать батарею (4-6 орудий). Дивизион (12-18 орудий) — тактическое подразделение артиллерии, предназначенное для ведения сосредоточенного огня большой плотности всем дивизи-

оном по одной цели или рассредоточенного огня батарей (взводов, орудий) по различным целям. Основная задача командира дивизиона — управление огнем группы батарей. Для выполнения отдельных неолужных задач он назначает подручную батарею.

Дивизион, как правило, располагается на одной огневой позиции. В этом же районе находится штаб дивизиона и службы материально-го и технического обеспечения (в ряде случаев службы обеспечения размещаются в другом районе).

Гвардейский минометный дивизион вооружен боевыми машинами, на которых смонтирована пусковая установка реактивных снарядов (РС), точнее ракет, по нынешней военно-технической терминологии РСЗО — реактивная система залпового огня. В народе ракетная пусковая установка (БМ-13) получила ласковое название «катюша». Почему именно это название прижилось? Может быть, оно взято из известной песни. Не исключено, начало положили индексы «К», которые ставили на изделия заводов «Компрессор», «Коминтерн», где изготавливали боевые машины. Сложено много песен о «катюшах» — ракетах. Авторы книг выносят это слово даже в заголовки. Индекс боевой машины официально обозначается БМ-13 Н. 13 — калибр ракеты 132 мм (вес 43 кг, наименьшая дальность полета ракеты — 2 км, наибольшая 8470 м), «Н» — нормализованные, то есть усовершенствованные с учетом боевого опыта. На каждой боевой машине пакет направляющих — двутавровых балок длиной пять метров, с замком для удержания снаряда при поднятой установке и направляющим желобком, по которому снаряд после выстрела направляется на траекторию. Ракеты размещались сверху и снизу направляющей. Начальная скорость РС у среза направляющей 330-340 м (в секунду). С пакетом связаны прицельные приспособления и механизмы вертикальной и горизонтальной наводки, прибор управления огнем (ПУО) в кабине автомобиля. Вращая рукоять, командир орудия на диске замыкает электроцепь и за 6-7 секунд производит залп.

Ракетную пусковую установку БМ-13 Н обслуживал расчет. В его составе командир (старший сержант), наводчик (младший сержант), заряжающие — три, установщик (взрыватель), снарядно-ящичный (готовит боеприпасы, очищает от смазки), водители — двое (в том числе один из них старший — сержант).

При производстве залпа в кабине боевой машины находятся командир орудия и старший водитель, остальной расчет в укрытиях, в 15-20 метрах сбоку от машины. На каждой БМ установлен (в центре

нагрузок) ящик с 5-ю килограммами тола. В случае угрозы захвата БМ противником подрыв осуществляется командиром орудия по приказу старшего офицера или командира батареи (в моей практике подобной ситуации не было). После каждого залпа БМ немедленно покидает огневую позицию. Время развертывания боевой машины из походного положения в боевое — 2-3 минуты. Разрешается на короткие расстояния выдвигание на огневую позицию с боеприпасами на направляющих.

У реактивных снарядов (РС) по сравнению с боеприпасами ствольной артиллерии было большее рассеивание (отклонение от точки прицеливания, от центра широкой цели), так как стабилизация снаряда в полете осуществлялась четырьмя стабилизаторами, снаряд не получал вращательного импульса, как при вылете из нарезного ствола. К тому же эллипс рассеивания снарядов на короткие дистанции стрельбы вытягивался в длину, на предельные дальности в ширину (в ствольной артиллерии наоборот). Убойная сила снаряда была равна примерно мощности снаряда 122-мм гаубицы (количество и разлет осколков, глубина воронки и т.д.). Главнейшее достоинство РС — внезапный массированный огонь по площади в короткое время (6-7 секунд). Эффект поражения усиливался сложением волн разрыва многих снарядов залпа и возгоранием местности в районе падения снарядов.

По штату и положению ОГМД имел права отдельной части, ему полагалось знамя и печать. Дивизионы 388, 389 и 390-й входили сначала оперативно, а с августа 1944 г. — в полном объеме субординации в 97-й гвардейский минометный полк Ставки Верховного Главного Командования. Командир полка обычно возглавлял опергруппу ГМЧ армии. Организационно он состоял из командования, штаба, трех огневых батарей (по 4 БМ-13 в каждой, всего 12, базовый автомобиль в 1944 г. — «Студебеккер»), взвода разведки, взвода связи, взвода подвоза, хозяйственного взвода, автомобильной ремонтной мастерской (способной производить текущий и средний ремонт, заряжать аккумуляторы). Офицеры были вооружены пистолетами, разведчики, радисты и водители боевых машин — автоматами ППШ, остальные сержанты и солдаты — карабинами. Штаб дивизиона и каждая из батарей имели по одному противотанковому ружью, комплект противотанковых и противопехотных гранат. На вооружении состояли радиостанции «РБ» (дальность — связи микрофоны 25 км, на ключе — 100 км), унифицированные телефонные аппараты. В качестве основных артиллерийских приборов для стрельбы и наблюдения использо-

вались буссоль (БМТ-20, Михайловского-Турова, точность отсчета 0-20), артиллерийская стереотруба (с десятикратным увеличением), бинокли, дальномерные рейки и ленты. Автомобилей легковых был один, транспортных — 25 (одновременно поднимали 5 залпов боеприпасов, заправку ГСМ, 10 суточных дач продовольствия). Машины в основном трофейные (с 1943) — «Блиц», «Опель-11» (с тремя ведущими осями, это большая заслуга авторемонтников и, прежде всего, авто-техника Н. В. Жмурко).

Офицеров в дивизионе было 25 (командиры-артиллеристы, политработники, командиры спецподразделений, начальник делопроизводства и финансовой части, фельдшер, офицер особого отдела). Сержантов насчитывалось 54 (командиры орудий, отделений, артмастера батарей, наводчики, водители боевых машин, сверхсрочники), солдат 111. Всего личного состава 190 человек. Питание личного состава из полевых кухонь. Их — четыре (в трех батареях и в управлении дивизиона). В 1941 году личный состав ГМЧ обмундировывался в новую, гвардейскую форму: светло-серый мундир, такого же цвета брюки, кожаные сапоги и каска. Внешний вид ракетчиков резко отличался от обычной военной формы одежды. В описываемое время гвардейцы обмундировывались наравне с другими воинами, отличием служил только значок «гвардия» общегармейского образца. К концу 1941 г. гвардейцы-фронтовики пели свой гимн (позже музыку к нему написал композитор К. Молчанов):

«За край родной, вперед гвардейцы в бой.
Пусть битвы гром гремит кругом,
Свою страну любя, мы защитим себя
И наша честь — победа над врагом».

Всю войну, как и другим гвардейским частям, в дивизионе выплачивалась 50 процентная надбавка к окладам, еще 50 процентов составляла выплата так называемых полевых денег. С учетом надбавок оклад командира дивизиона составлял 2400 руб. Практически все они (кроме аттестата матери) передавались в фонд обороны — непосредственно или через подписку на займы. Нам деньги не требовались: мы находились на полном обеспечении государства, да и покупать было негде; о военторге мы слышали только в анекдотах.

В штатном составе дивизион мог в течение 6-7 секунд нанести внезапный массированный огневой удар одним залпом всех 12 пуско-

вых установок, т.е. 192 ракетами, и нанести поражение противнику на площади 30-32 гектара с плотностью 6 снарядов на гектар. По принятой во время войны методике расчета плотностей принималась во внимание лучшая половина эллипса (т.е. 4 срединных отклонения по направлению и дальности). В этом случае плотность поражения удваивалась. Площадь 15-18 гектаров — это ротный опорный пункт противника, район расположения стрелкового, танкового батальонов, огневые позиции артиллерийского дивизиона, длина колонн этих подразделений на марше. Важные для поражения цели. Это мог быть и неподвижный заградительный огонь при отражении контратаки батальона противника. Мастерство командира состояло в том, чтобы заранее определить размеры цели и выбрать наиболее эффективный вид эллипса. Пристрелка, как правило, не производилась. В 1944 году, с появлением снарядов улучшенной кучности в динамике боя, я обычно проводил пристрелку фланговыми орудиями дивизиона. Но на поражение дивизион (батарея) переходил только при веере, сосредоточенном по центру цели. Плотности огня дивизиона в 1944 г. были близки к дивизионам 122-мм и 152-мм гаубиц. Но наше преимущество было в другом. Гаубичный дивизион мог по техническим возможностям выпустить в течение часа 600 снарядов, а ракетный дивизион за это же время — 1200 снарядов.

Так мы и воевали вместе со ствольной артиллерией в составе корпусных, дивизионных, а в 1944 г. — и полковых артиллерийских групп, куда обычно входили дивизионы 152-мм гаубиц-пушек (дальность стрельбы 17230 м), 122-мм гаубиц (дальность 11800 м), 76-мм дивизионных пушек (дальность 10400 м) и дивизиона РС (дальность 847 м). Группа из 4-6 дивизионов могла поражать любые наземные цели и эффективно выполнять задачи артиллерийского наступления: подготовка атаки пехоты, танков, кавалерии, поддержка атаки (огневой вал, в последовательное сосредоточение огня), сопровождение боя в глубине. При этом командир дивизиона РС всегда учитывал, что разрывы его залпа должны обеспечить безопасность своим войскам. Как правило, огонь РС выносили на 500-1000 м от переднего края своих войск. Случаев ударов по своим войскам я не знаю. Хотя читал стихотворение: «Артиллерия бьет по своим». Что сказать? Одно: плохая артиллерия, неграмотные командиры, никудышное взаимодействие.

Не секрет, что боевая деятельность ракетной гвардии журналистами, писателями, народной молвой окрашивается в такие тона, что

трудно различить истину и вымысел, боевые возможности и сверхъестественные результаты. Убежден, что здесь нет злого умысла — народ исстари приписывал своим героям-защитникам, и исполинскую силу, и непременную победу добра над злом. Так случилось и с новым оружием. Его было в 1941 г. мало, боевые машины появлялись на короткое время, залпы длились всего несколько секунд, а зрелище огня ракетных батарей производило неизгладимое впечатление. Секретность оружия, особые меры охраны, тактики действий, а также составление актов о результатах каждого залпа создавали почву для преувеличения подлинных итогов огня.

Даже фронтовая газета «На разгром врага», напечатав текст песни «Гвардейская катюша» (слова солдата-гвардейца), вольно или невольно способствовала преувеличению возможностей нового оружия.

...Шли бои на море и на суше,
Над землей гудел снарядов бой,
Выезжала из лесу «катюша»
На рубеж знакомый, огневой.

Выезжала, мины заряжала
Против немца изверга-врага,
Ахнет раз — и роты не бывало,
Бахнет два — и нет уже полка.

Слава гвардейцев-ракетчиков множилась и потому, что у противника такого оружия не было, и это вызывало гордость, рождало оптимизм, надежду.

Ракетная гвардия по своим заслугам перед страной, народом и армией не нуждается ни в мифах, ни в легендах, ни в преувеличении ее роли и значения. Она нуждается лишь в достойном отражении истории ее создания, боевой деятельности и правдивом показе ее солдат, сержантов, офицеров, органов управления, а также ученых, конструкторов, рабочих, создавших это грозное, непревзойденное в годы войны ни противником, ни союзниками оружие.

Ракетная гвардия наносила противнику не только огневое поражение, вызывала большие потери в живой силе и технике. Ни с чем не сравнимо было морально-психологическое воздействие нового оружия. Появление ракетных подразделений, а потом и частей было неожиданным, а внезапность, массирование огня, маневр траекториями

и колесами потребовал определенного времени для изучения, анализа и выработки мер противодействия. А фактор времени был в 1941 г. одним из решающих. Немецкая пехота бежала с занимаемых позиций, отказывалась от наступления и контратак, ослабляла оборону под воздействием огня ГМЧ.

Для наших войск новое оружие было большим вдохновляющим, мобилизующим фактором. Оно появилось в то время, когда в народе и армии сформировалось твердое убеждение, что отступить дальше нельзя, когда особенно необходим был перелом в войне, поворот к победе.

Еще одна заслуга ракетной гвардии состоит в том, что она спасла нашу страну и армию от химической войны. Гитлер и его клика рассматривали реактивное оружие своей армии как средство химической войны. Сформированные к 1941 году десять полков реактивных минометов имели на вооружении только химические боеприпасы. Стрельба по площадям химическими снарядами рассматривалась как эффективное средство заражения местности и людей отравляющими веществами, а также для постановки дымовых завес. Немцы в ходе всей войны не решились пойти на применение химических средств. Они знали, что наша реактивная артиллерия с ее возможностями стрельбы по площадям залетит их войска отравляющими веществами. В СССР еще в 1938 г. был принят химический реактивный снаряд РСХ -132. Наши возможности были безграничными.

Немецкая реактивная артиллерия не смогла составить необходимое противодействие ни сухопутным войскам РККА вообще, ни их артиллерии, ни близким (аналогичным) по боевым свойствам гвардейским минометным частям. Она уступала по численности, по организационному назначению (советская ракетная гвардия — отдельный род войск, оружия), по принципам управления (советские ГМЧ-Резерв Ставки ВГК, немецкая ПРА — средство усиления ствольной артиллерии). Она не послужила средством достижения эффективного поражения действием обычных для артиллерии факторов осколочно-фугасных снарядов. Тем более, немцы не достигли эффекта внезапности боевого использования и морально-психологического подавления. «Скрипухи» (так называли солдаты шестиствольные минометы немцев) имели совсем другой эффект, чем залпы «катюш» — внезапные, ошеломляющие, грозные по последствиям.

Исторически оправданным и дальновидным был выбор центра ракетостроения и формирования частей ракетной гвардии. Прошед-

шие 60 лет подтверждают роль, которую сыграла столица: Москва в полном смысле слова является родиной ракетной гвардии. Начавшаяся война, концентрация усилий германских войск и их временные успехи на Московском стратегическом направлении, быстрое приближение фронта к столице, непосредственная угроза Москве, введение в ней осадного положения не только не изменили решения о переносе центра ракетостроения, но еще больше укрепили его: велика была уверенность в победе, и новый род войск — ракетная гвардия — значительно усиливала нашу обороноспособность именно на главном театре войны, на защите Москвы. Парады 7 ноября 1941 года и 24 июня 1945 года являются лучшими историческими вехами уверенности в победе и правильности выбора путей достижения победы.

Москва выступила единым центром, объединившим разработку теоретических основ ракетного оружия, экспериментальную, производственную и ремонтную базу, базу формирования частей и соединений, их боевого сплочения, подготовки кадров офицеров, сержантов и солдат. Особой важности заслуга Москвы в том, она осуществляла всестороннее руководство ракетной гвардией: ГКО, Ставка ВГК, лично И. В. Сталин, непосредственно и повседневно вникали в деятельность ГМЧ. Военный Совет ГМЧ работал в Москве под непосредственным руководством Ставки ВГК. Все решения Ставки без промедления реализовывались на практике, доводились до результата. Важно подчеркнуть, что никаких промежуточных инстанций между Ставкой и Военным Советом ГМЧ не было; более того, командующий ГМЧ В.В. Аборенков (в 1941 г. — военный инженер 1 ранга) являлся заместителем Наркома Обороны СССР; член Военного Совета Л.М. Гайдуков был одновременно заведующим отделом ЦК ВКП(б), член Военного Совета Н.П. Фирюбин — секретарем Московского Комитета ВКП (б).

Москва стала родиной ГМЧ и в том смысле, что начиная с 28 июня 1941 года и до конца войны была центром формирования подразделений, частей и соединений ракетной гвардии. Ресурсы кадров, призывных контингентов, мощная партийная и комсомольская прослойка, близость производственной базы, полигонов, учебных центров, казарменный фонд училищ, а также многочисленные здания школ, техникумов, ПТУ создавали условия формирования полка ГМЧ в среднем за 5-6 дней. Сейчас точно известен объем проведенной Московским центром ГМЧ работы, он поражает воображение: всего было осуществлено 491 формирование, в том числе 17,5% в 1941 г., 61,7% в 1942 г., 18,3% в 1943 г. и 2,5% в 1944 г. В 1945 году формирований не

было. Что касается первых шести месяцев войны, то было сформировано отдельных батарей — 10, отдельных дивизионов М-8 и М-13 — 52, полков М-8 — 5, полков М-13 — 10, оперативных групп фронтов — 4, оперативных групп армий — 4, артиллерийских складов — 3, органы управления ГМЧ.

Надо добавить к и без того огромной цифре — 491 формирования еще 143 части и соединения, прошедшие в Москве, в учебном центре ГМЧ (начальник В. А. Шамаков) доукомплектование после боевых действий на фронте. В целях накопления резервов, подготовки кадров в Москве были развернуты также — дивизион резерва ГМЧ, высшая офицерская артиллерийская школа, учебная бригада (выпустила 67870 младших специалистов для ГМЧ) и учебный автополк (выпустил 4927 водителей боевых и транспортных машин). На территории Московского артиллерийского училища с 28 июня по 1 июля была сформирована Первая экспериментальная батарея ГМЧ капитана И. А. Флорова (об этом теперь свидетельствуют памятник — боевая машина и мемориальная доска), с Хорошевского шоссе она начала свой героический и трагический путь.

* * *

...Яско-Кишиневская операция, начатая 20 августа 1944 г., развивалась успешно. Она была тщательно подготовлена, всесторонне обеспечена. В истории военного искусства ее отличают глубина замысла, мастерство проведения, минимальные из всех операций РККА потери. Наш дивизион по-прежнему поддерживал огнем и маневром боевые действия 7-й гвардейской армии, но характер операции, частая смена обстановки вынуждали командование направлять дивизион на поддержку соседней 27-й армии, а позже 40-й армии. Для частей полевой реактивной артиллерии это было обычным явлением. Мы были закалены в прежних операциях, для нас совершение маршей 100-150 км из полосы одной армии в другую было привычным. Внезапность применения массированного огня «катюш» была их неотъемлемым боевым качеством. Мы не испытывали трудностей в подготовке огня, в снабжении всем необходимым. Дивизион был сколоченный, боеготовый, легко управлялся, отличался высокой дисциплиной и мастерством.

В ходе боевых действий на территории Молдавии, а потом и Румынии относительно новым для меня способом участия в бою стало включение в состав дивизиона артиллерийской батареи, стрелко-

вой роты и взвода саперов. Командир 303-й стрелковой дивизии генерал И. Федоровский, человек неординарный в решениях и действиях, проанализировал огневые и маршевые возможности дивизиона и подчинил мне эти подразделения. Фактически был создан сводный отряд для особого рода действий. Противник отступал к реке Прут, вел подвижную оборону, часто переходил в контратаки, обстановка требовала скорых, не терпящих промедления решений, опережения противника, нанесения ему максимального поражения. Мне пришлось по душе решения командира дивизии. Батарея 76-мм пушек могла поражать точечные цели. Стрелковая рота предназначалась для захвата и удержания объектов, а также для охраны пленных после огневых ударов. Саперы вели разведку маршрутов, разминировали мосты, могли сделать проходы в выявленных минных полях. Состав и задачи отряда, новый характер действий в конкретной обстановке привел меня к решению о более смелом применении огня прямой наводкой. Обычно на больших скоростях сводный отряд обгонял пехоту, танки, кавалерию и, преследуя противника по параллельным маршрутам, опережал его, захватывал выгодный рубеж, занимал фланговое положение по отношению к колоннам противника, развертывался в боевой порядок и всеми пусковыми установками наносил огневой удар прямой наводкой. Для этого расчеты подкапывали землю под передними колесами, опускали пакет направляющих до соответствующих установок прицела. Результат подобного залпа был ошеломляющим для противника: все было внезапным — огромная площадь поражения, море огня и дыма, неуязвимость отряда. После залпа отряд продолжал движение к очередному рубежу.

По-прежнему я практиковал огонь и с закрытых огневых позиций. Особенность была в том, что изменилось соотношение боевых задач. Дивизион ведет огонь по командам старшего артиллерийского начальника, по вызову общевойскового командира и по решению самого командира дивизиона. В подвижных формах боя ждать указаний сверху бессмысленно. Как правило, приходилось решать самому. При стрельбе с закрытых позиций требовались большие усилия разведки, более точные расчеты каждого залпа. После войны я убедился, что работа нашего дивизиона была оценена положительно штабом артиллерии армии. В архиве сохранилось донесение командующего артиллерией 27-й армии командующему артиллерией Красной Армии (ЦАМО, ф. 240, оп. 2828, д. 216, л. 74), в котором описываются боевые работы и дивизиона, и его командира. Вот отрывок из этого документа: «25 августа (1944 г.) на фокшанском направлении у насе-

ленного пункта Болдурешти огонь фашистских орудий и минометов остановил передовые батальоны 303-й стрелковой дивизии 27-й армии. Затем началась контратака. Ее отбили, но населенный пункт занять не удалось. Разведка установила, что в Болдурешти размещается какой-то штаб гитлеровцев. Последовал приказ командира дивизии сосредоточить огонь всей артиллерии и приданного 390-го ОГМД 97-го ГМП. Командир дивизиона капитан Уткин подтянул батареи поближе к тянущемуся вглубину населенному пункту, чтобы эллипс рассеивания снарядов накрыл его целиком. Залпы дивизиона и огонь артиллерии сделали свое дело. Огневые средства противника были подавлены. Под натиском стрелковых подразделений дивизии он стал в панике отходить, но был окружен. В плен попало более 300 солдат и офицеров вместе со штабом немецкой части.

Вскоре для обеспечения боевых действий 7-й гвардейской армии дивизион вновь вошел в ее состав. Армия, все ее дивизии успешно наступала. Она преодолела укрепленный район Пашкани, захватила города Тыргу-Няиц, Тыргу-Фрумос и втянулась в Карпаты.

Бои в Карпатах, целью которых было преодоление этой горной системы и выход на Венгерскую равнину, освобождение Трансильвании, отторгнутой Гитлером от Румынии и переданной Венгрии за ее верность фашизму, представляли серьезные трудности. Для нас, прошедших путь от Москвы-реки, Волги, Дона, Днепра, условия боевых действий в горах были совершенно новыми, непривычными, требующими особой выучки, особого мастерства. Нам выдали карты времен русско-турецкой войны 1877-1878 гг.! К осени 1944 года изменилось многое. Неизменными остались горы с высотами порядка 600-1500 метров над уровнем моря, бездорожье, резкие перепады температур, туманы, неожиданные разливы рек. Была сильно затруднена ориентация, рельеф местности скрадывал расстояния. Движение было возможно только по руслам пересохших рек. Перевалы были редкостью, противник упорно их оборонял. Большие трудности испытывала радиосвязь — горы мешали прохождению радиоволн, искажалось качество передач. Подъем разведчиков на большие высоты, прокладка телефонного кабеля были сопряжены с большими нагрузками. Дошло до того, что командир 72-й гвардейской стрелковой дивизии генерал А. Лосев выделил мне ... коня. На нем я добирался до наблюдательного пункта.

Но и в этих условиях мы воевали и побеждали. Видимо, не зря нас награждали и выдвигали. Мы быстро приспособились к горным условиям; трудно было нам, но и противник терпел затруднения.

Важно было перебороть его, лишить возможности отхода без потерь, непрерывно оказывать на него огневое воздействие.

...В 1944 году перед самым выходом на Венгерскую равнину при преодолении очередной горной гряды противник, уступая одну позицию за другой, отчаянно сопротивлялся в опорном пункте. Каменные строения, инженерные сооружения, минированные подступы к населенному пункту, огневое взаимодействие с другими пунктами, наличие дорог с западной равнинной стороны создали для нашей пехоты серьезные трудности. Стрелковые дивизии не имели необходимых средств для поражения противника — пушкам с настильной траекторией снарядов задачи были не под силу. У минометов не хватало дальности. Авиация не могла действовать из-за плохих погодных условий и из-за опасности поразить свои войска. В наличии был 390-й гвардейский дивизион. Меня вызвал командующий артиллерией армии генерал С. Петров. Поставил задачу на нанесение огневого удара по опорному пункту. Я доложил генералу, что при дальности стрельбы 8470 метров дивизиону необходимо занять огневые позиции в самом лучшем варианте на высоте с отметкой 652,0. Генерал доложил командующему армией. М. С. Шумилов приказал мне во что бы то ни стало выдвинуть, точнее, поднять дивизион на эту высоту и на рассвете доложить о готовности. «Иначе...» — добавил Шумилов и не окончил фразы. Всю ночь без дороги, по козым тропам, на канатах, веревках, вагах всем дивизионом (почти 200 человек) на руках вытягивали боевые машины под небеса. В 3 часа ночи я доложил командующему о готовности дивизиона к открытию огня. К этому времени были уточнены все данные разведки, взаимодействие с пехотой, проверена связь. Наступили томительные минуты ожидания команды старшего начальника.

...Волнение перешло в уверенность, в гордость за своих людей, за их труд и подвиг. С особым душевным настроем я подал команду: «Дивизион, залпом, огонь». За 6-7 секунд 192 ракеты огненными факелами взмыли в небо, обогнули гору и с огромной скоростью накрыли опорный пункт. Грохот разрывов был хорошо слышен в горах. Когда стрелковые части доложили о захвате опорного пункта, командующий армией М. С. Шумилов пригласил меня в свой «виллис»: «Поедем смотреть, что сделали твои гвардейцы». Посмотреть было на что. Эффективность залпа была наглядной.

По приказу командующего дивизион был построен на огневой позиции на высоте 652,0. Он лично вручил ордена и медали офице-

рам, огневикам, разведчикам, водителям. Порадовался, что у многих на груди уже было по 2-3 ордена. «А Вы, — обращаясь ко мне, сказал М. С. Шумилов, — орден Красного Знамени получите в Кремле».

Передо мной копия присланного из архива наградного листа с представлением меня к ордену Красного Знамени.

«Наградной лист.

Фамилия, имя, отчество — Уткин Борис Павлович.

Звание — гвардии капитан.

Должность и часть — Командир 3-го дивизиона 97 Гвардейского минометного Кировоградского Краснознаменного ордена Богдана Хмельницкого и Суворова полка.

Представляется к ордену Красное Знамя.

Год рождения — 1923 г. Национальность — русский.

Партийность — член ВКП(б).

Участие в гражданской войне и в последующих боевых действиях по защите СССР, где и когда — участвует в Отечественной войне с мая 1942 по июль 43 г. — Воронежский фронт, с июля 43 г. по август 43 г. — Степной фронт, с августа 43 г. — по настоящее время 2 Укр. фронт, оборона Москвы — июнь-декабрь 1941 г.

Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — контузий три.

С какого времени в Красной Армии — с июня 1941 г.

Каким РВК призван — Раменским РВК Московской области.

Чем ранее награжден, за какие отличия — орден «Красная Звезда» приказом Войскам 7 ГА № 010/Н от 24.8.43 г.

Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и его семьи: Московская обл., Раменский р-н, с.Петровское — мать Уткина Александра Ивановна.

Краткое изложение личного боевого подвига или заслуг.

В боях за Молдавию т. Уткин отличной организацией и личным примером героизма добился отличного выполнения дивизионом боевых задач. 23 августа части 303-го СД встретили упорное сопротивление полка в районе Болдурешти. Тов. Уткин вывел дивизион на прямую наводку и несколькими залпами расстрелял обороняющегося пр-ка. Залпами было уничтожено 300 солдат и офицеров, сожжено 12 автомашин, разбито 12 орудий и 21 повозка с боеприпасами.

7.10.44 г. части 38 СД атаковали сильно укрепленный узел обороны п-ка — выс. 768. Под командой Уткина, не взирая на сильный арт. обстрел, личный состав дивизиона на себе вытащил боевые ма-

шины на выс. 652, откуда тремя залпами по р-ну выс. 768 и 652 подавил огонь 2 мин. батарей, 2 арт. бат. И уничтожил до роты гитлеровцев, в результате залпов наша пехота овладела выс. 768.

8.10 противник вел интенсивный огонь из р-на выс. 568. По команде тов. Уткина дивизион дал залп по выс. 568, в результате залпа подавлен огонь мин. батареи, уничтожено 20 чел. пехоты, 2 пулеметных точки, сожжены 3 автомашины с боеприпасами.

За отличную стрельбу командир 51-го СК объявил благодарность 3/97 ГМП.

Достоин Правительственной награды ордена Красное Знамя.

Командир 97 ГВ МКК ОБХП Гвардии полковник Чумак. 25.10.44 г.»

Лестная для молодого командира характеристика. Мой командир М. М. Чумак, описывая боевую работу дивизиона и эффективность огневых задач, упоминает столь много высот на нашем пути в Карпатах, что невольно вспоминается стихотворение поэта-фронтовика Михаила Львова «Высоты»:

Комбату приказали в этот день
Взять высоту и к сопкам пристреляться.
Он может умереть на высоте,
Но прежде должен на нее подняться.
И помнят уцелевшие солдаты,
Что высота была взята.
И что у каждого есть в жизни высота,
Которую он должен взять когда-то.
А если по дороге мы умрем,
Своею грудью разрывая доты,
То пусть нас похоронят на высотах,
Которые мы все-таки берем.

Хорошо, верно сказано. Так воевали и в Карпатах, и в других местах: война — сплошные высоты: на местности и в разуме человека. Командующий армией М.С. Шумилов пригласил меня в свой «Виллис»: «Поедем смотреть, что сделали гвардейцы». Посмотреть было на что. Эффективность залпа была наглядной.

В скупых строчках воспоминаний о боях мне хотелось рассказать о том, как мы приближали победу, как добивались боевых результатов, без которых никакого успеха, никакой победы достичь невозможно.

Для артиллерии результат всегда плод коллективного труда. Пуск ракет производит командир боевой машины вращением рукояти прибора управления огнем. Но перед этим наводчик доложил ему о том, что орудие наведено. Данные для наводки скоординировал старший офицер батареи, а ему команду командира батареи или дивизиона передал радист (телефонист). Исходные данные подготовил стреляющий командир, но координаты целей ему доложили разведчики, вариант исходных данных рассчитали вычислители. Боеприпасы подвезли и подготовили командир взвода подвоза и оружейные мастера. Боевые машины вывели на позиции классные водители. Контроль осуществляет штаб. Огромную работу по мотивации воинского труда, воспитанию моральной и психологической стойкости проводит политсостав. Всем есть дело. И во главе его стоит командир.

Результат в боевой работе всех офицеров, сержантов и солдат достигается в конкретной обстановке войны. К сожалению, о жизни человека на войне, в условиях службы во фронтовой обстановке авторы мемуаров, как правило, не пишут. Не создано и обобщающего труда «Человек на войне». Подчеркну лишь несколько факторов, непосредственно влияющих на человека, проходящего службу в мелких, тактических подразделениях (рота, батальон, батарея, дивизион) и непосредственно участвующих в выполнении боевых задач.

Сильнее всего при переходе от мирной жизни к военной, от службы в тылу к работе на фронте фактор смертельной угрозы человеку. Обстановка риска, воздействие поражающих средств противника (ружейный, пулеметный, минометный артиллерийский огонь, минно-взрывные заграждения, бомбардировки авиации, психологическое и идеологическое воздействия) становятся величиной постоянной, непрерывной. В силу этого возникает столь же непрерывное сопротивление чувств самосознания и самосохранения. В разуме идет постоянная сшибка этих двух взаимоисключающих установок: одна властно требует выполнения долга с оружием в руках, другая может привести к трусости, панике, выживанию любой ценой вплоть до предательства и плена. Меняется ценностная характеристика меры труда. Труд производительный уступает место труду ратному, использованию оружия с целью уничтожения противника. Лозунги Великой Отечественной войны — «Смерть фашистским оккупантам», «Убей немца, иначе он убьет тебя, твою семью».

Человек на фронте живет в обстановке жесткого ограничения многих духовных, интеллектуальных и физиологических потребностей.

тей. Законы военного времени лишают его гражданских прав и свобод. До предела ограничена информация. Газет мало, приходят с опозданием. Радиоприемников нет. Письма подвергаются просмотру военной цензурой. Общение с товарищами из других подразделений затруднено. Мужской коллектив, отсутствие женщин накладывает большой отпечаток на формирование нравов, отношений в роте, батарее. В артиллерийских полках нет автоклубов, кинопередвижек. За период войны мне довелось послушать одну лекцию (1942 г.), посмотреть один кинофильм (1942 г.), побывать однажды на концерте (1943 г.) и на представлении цирка (1944 г.).

Суров военный быт. Жилище — землянка, убежище. Одежда — «всепогодная», однообразная. Экипировка — необходимая, не тяжелая по весу. Питание — по калорийности самое богатое в мире — 3600 калорий. Но однообразное. Преобладает хлеб, сухари, мучные изделия, консервы. Баня и санитарная обработка — эпизодические. Контроль состояния здоровья — постоянный, действенный. Больных, как правило, нет. Досуг скрашивают игры — шашки, домино. На батарею — одна гармошка. Счастье, если в батарее служат учителя, артисты, музыканты — можно организовать самодеятельность. Время военных заполнено от подъема до отбоя тяжелыми физическими работами, в основном, земляными, по усовершенствованию позиций. Много времени уходит на обслуживание машин, техники. Занятия по боевой и политической подготовке регулярны (в обороне) и обязательны.

Став командиром дивизиона, я, сам переживающий вместе с другими тяготы и невзгоды фронтовой жизни, серьезно задумался о своей ответственности за судьбы людей, за максимально возможное исключение из жизни отрицательных факторов фронтовых условий, о том, что в моих силах сделать для улучшения этих условий в интересах подчиненных мне людей. Многое удалось.

При выборе расположения дивизиона в новом районе дислокации были исключены варианты размещения личного состава в населенных пунктах. Балка, овраг, различные урочища требуют большого труда для оборудования позиций. Но они надежно укрывают от ударов авиации и артиллерии. Был усилен контроль за боевой работой орудийных расчетов, за обращением с боеприпасами. К нашему счастью, в дивизионе не было потерь в личном составе. Под контролем начальника штаба был разрешен прием радиопередач из Москвы на боевых радиостанциях. На короткое время радиостанция переходила на прием, производилась запись последних известий. Затем они распростра-

нялись в батареях. Удалось улучшить питание личного состава, в том числе и офицеров (мы питались из батарейных кухонь, кроме того, офицерам полагался дополнительный паек — масло, печенье, табак), за счет трофейных продуктов. Трофеи тщательно учитывались, оприходывались, вводились в рацион в наиболее сложной обстановке. Устранены несправедливости в выдаче водки. Как правило, солдаты и офицеры просили заменить ее махоркой, сухарями, сахаром. Трудно представить себе нетрезвого человека у ракетной установки или за рулем боевой машины.

Наладили в батареях ремонт часов, сапог, обмундирования. Изготовили бочки для нагревания воды при помывке, устройства для прожарки одежды. Умельцы внесли предложение поставить на боевых машинах дополнительные баки и таким образом к заправке «Студебеккера» — 150 литров — добавить бак со сбитого самолета емкостью 300 литров. Отпала необходимость в боевой обстановке вести в колонне машины с горючим.

Руководство дивизиона — заместитель по политчасти П. Шестаков, начальник штаба А. Евдокимов и я по достоинству оценивали труд воинов, не скупилась на награды и отличия. Мы активно добились отпуска для особо нуждающихся и отличившихся сержантов и солдат. В 1944 г. ряд товарищей съездили с фронта из Румынии в отпуск на Родину. Ввели в обиход поздравления воинов с днем рождения. Писали письма на Родину солдат и сержантов с просьбами к властям о помощи семьям фронтовиков. Об удовлетворении таких просьб сообщали личному составу.

Должность командира отдельного ракетного дивизиона открыла для меня ранее неведомую сферу общения в интересах ведения боевых действий с военачальниками большого ранга, различных родов войск (пехота, танки, кавалерия, авиация, артиллерия и т.д.). Раньше все это входило в обязанности моего командира, я узнавал об этом трудном деле из его рассказов. Мне казалось верхом удовлетворения общение с командиром, комиссаром и начальником штаба полка, офицерами штаба и политотдела. Конечно, бывал я в штабах дивизий, штабах артиллерии дивизий и корпусов. Но это был уровень майора — подполковника. Теперь положение изменилось. Большим счастьем в своей жизни считаю общение с командующим вторым Украинским фронтом И. С. Коневым, командующим 7-й гвардейской армией М. С. Шумиловым, командующим 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко, командирами корпусов Г. Б. Сафиуллиным, С. К. Теренть-

евым, А. Г. Журавлевым, И. А. Плиевым, С. В. Соколовым. Незабываемы встречи с командирами дивизий А. Лосевым, А. Морозовым, С. Козаком и многими другими. Культура, такт, обаяние личности, уважение к молодому командиру, всемерная поддержка вызывали чувство уверенности, осознания сопричастности к большому делу, вызывали желание выполнить задачу, поставленную таким командиром, с самым лучшим результатом.

Нас держали в строгости, над нами осуществляли постоянный действенный контроль, но уважали за достигнутые результаты, помогали расти. Контролировали работу командир дивизиона так. Приезжает на наблюдательный пункт командующий артиллерией 7-й гвардейской армии генерал С. Петров. Представляюсь, докладываю о том, чем занимается расчет пункта управления. «Ваши ориентиры?». Показываю. «Доложите обстановку». «Уточните начертание переднего края противника». «Покажите его опорные пункты». Наконец, «огонь по району высоты... Время пошло». «Доложите о готовности». «Полетное время снарядов». Через несколько минут: «Спасибо. Так держать!»

В другой раз приезжает командующий армией. «Доложите обстановку. Кто вам доложил, что населенный пункт взят нашей пехотой?» — «Начальник разведки старший лейтенант Шакиров». — «Шакирова ко мне. Идите в деревню и дайте оттуда серию ракет: две красного и две белого дыма». И пошел мой Шакиров... доказывать правоту своего доклада (Шарифьян Харисович Шакиров ныне живет в Уфе. Мы, поздравляя друг друга с праздниками, часто вспоминаем этот эпизод суровой фронтальной действительности. Посылая его в село, я не был полностью уверен, что он вернется живым. Даже сожалел, что не попросился в разведку сам. Но такова военная судьба.)

К сожалению, на фронте встречались и такие военачальники, общение с которыми вызывало разочарование, сожаление о том, что таким людям доверены сотни и тысячи людей. Расскажу лишь о некоторых.

...В самый разгар Корсунь-Шевченковской операции, перешедшей без паузы в Уманьско-Ботошанскую, дивизион поддерживал 62-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Ею командовал Герой Советского Союза, водрузивший знамя на высоте Безымянной во время боев на озере Хасан (1938 г.), полковник И. Мошляк. Меня предупреждал командир дивизионной группы, чтобы я без вызова к комдиву не являлся. Но вот последовал вызов. И. Мошляк встретил меня раздра-

женным, да к тому же нетрезвым. Не выслушав доклада и предложений (мы их обычно вносили в целях наиболее эффективного использования мощного огня дивизиона), он обрушился на меня с грубой бранью, нескончаемым потоком упреков. Здравых мыслей в этот час у комдива не наблюдалось. Он требовал доклада по карте, где находятся полки его дивизии, и как я их поддерживаю. Потом посыпались угрозы. Мой ординарец А. Гимбут передернул затвор «Шмайсера», когда Мошляк потянулся к маузеру.

Было горько и обидно, что прославленный командир не владеет собой, он глубоко несправедлив, унижая капитана, который хотел своим докладом обрадовать старшего начальника. Да, обрадовать. Тем, что нам удалось в обстановке полнейшей распутицы, бездорожья вывести дивизион по шпалам и насыпи железнодорожного полотна на огневые позиции, что мы имеем пять залпов в боевом комплекте, что я готов в любую минуту (рация в машине) открыть огонь по уже разведанным целям. Что касается положения полков, я заранее нанес их районы на свою карту и помогли мне офицеры оперативного отдела дивизии Мошляка. Кстати, они сидели за стенкой блиндажа комдива. Перестав буйствовать, комдив предложил мне выпить. Я отказался. «А я выпью. Ночь не спал». На моих глазах полковник повалился на топчан. Я доложил командиру полка, исполнявшему обязанности начальника оперативной группы ГМЧ армии. Он приказал мне немедленно отправиться на поддержку другой дивизии. Мудрый Чумак добавил: «Мошляка знают давно. Ему нельзя давать в подчинение дивизион ракетного оружия. Проспится, поговорим».

В боях за город Яссы в одном из стрелковых полков 303-й дивизии возникли большие трудности с наступлением, противник угрожал опрокинуть боевые порядки полка и контратакой задержать продвижение всей дивизии. Генерал И. Федоровский попросил меня немедленно выехать в полк и помочь выправить положение.

Через час я доложил о прибытии командиру полка. Этот пожилой полковник со строгим взглядом и недоброй улыбкой отпустил несколько расхожих шуток насчет тех, кто служит во флоте и артиллерии (забыл он только концовку, о тех, кто служит в пехоте). Почему-то он не преминул сделать замечание насчет моей молодости и опрятного внешнего вида (мы старались носить форму одежды по Уставу, выглядели даже щеголевато — затянутые ремнями, со свежими подворотничками и чищеными сапогами). «Посмотрим, что ты знаешь и умеешь», — сказал полковник, обрывая мой доклад о готовно-

сти к открытию огня. «Проведите топографическое ориентирование, — приказал он. — Назовите пункты, находящиеся на переднем крае». Это не составило труда, мои разведчики времени даром не теряли. Полковник с сарказмом произнес: «Даже этого не знаете. Деревня, которую вы назвали, совсем не там, а далеко в стороне». Было стыдно за командира, который на виду у своего штаба глумится над офицером, демонстрирует чванство и безграмотность. И я нашел выход из положения, решил помочь человеку не потерять лицо. «Товарищ полковник, — сказал я, — разрешите открыть огонь по названной мной деревне, там как раз колонна немцев через мост поднималась в гору. Предупредите батальоны». Мгновение длилось оцепенение: «Разрешаю». Через считанные минуты залп накрыл колонну. Полковник был несказанно рад, ему, видимо, не приходилось иметь дело с гвардейцами-ракетчиками. Он забыл о своей ошибке, о своих упреках (я отнес их за счет почтенного возраста). «Пойдем обедать, у меня хороший повар». Я с достоинством ответил: «Генерал Федоровский просил меня помочь Вашему полку. Что еще надо делать?»

И еще один пример чванства и некомпетентности. В октябре 1944 г. дивизии армии вышли к румынскому городу Сату-Маре. С наблюдательного пункта хорошо было видно, как противник по железнодорожному мосту, совмещенному с автомобильным, спешно отводит свои войска на другой берег реки Самот (приток Тисы). Колонны шли сплошным потоком. Завидная цель для дивизиона. Дальности хватает. Эллипс рассеивания накрывает мост под прямым углом. Условия — лучше не надо.

Но командир стрелкового корпуса задачу решает на своем уровне. «Приказываю разрушить железнодорожный мост». Расчетами доказываю, что для этого потребуется несколько десятков прямых попаданий снарядов калибром 152-203 мм (у меня калибр 132 мм) или авиационных бомб. «Разрешите воспретить движение по мосту, двумя-тремя залпами дивизион сделает это быстро и хорошо». — «Нет, нужно разрушение». Странное упорство и непонимание задач артиллерии — воспрещение, изнурение, подавление, разрушение — это качественно разные виды огня. Каждый из них требует своего способа подготовки, выбора боеприпасов и калибра орудий.

Мои доводы, видимо, оказались убедительными. Генерал разрешил действовать по обстановке и по Правилам стрельбы артиллерии. С задачей мы справились. Движение по мосту прекратилось. Вскоре город был взят. Поехали смотреть результаты огня дивизиона. Гене-

рал убедился, что огонь был точен, видел несколько прямых попаданий в мост. Но даже фугасные 132-мм снаряды не смогли пробить покрытие моста. О разрушении больше не вспоминали. Тем более, мост пригодился самим.

Ответственность командира дивизиона за судьбы людей, за выполнение ими боевых задач с необходимостью требовала от меня организации и качественного уровня обучения и воспитания всех категорий военнослужащих. Каждый воин имеет свои обязанности, свои нормативы боевой работы. Почему бы не достичь взаимозаменяемости в расчетах, взводах, батареях, почему бы не добиться перекрытия нормативов по времени и точности результата. Во все машины, орудия, средства связи конструкторами заложены определенные боевые и технические возможности (их называют ТТД — тактико-технические данные). Нельзя ли в процессе длительной работы попытаться превысить эти возможности (например, увеличить пробег автомобилей до капитального ремонта, уменьшить расход горючего на 100 км пробега и т.д.). То же самое и с подготовкой данных для стрельбы. Способов много. Но нельзя ли найти еще более эффективные для повышения точности огня. Каждый на своем посту при таком подходе становился не исполнителем привычной рутинной работы, а человеком ищущим, мыслящим, стремящимся к большему, лучшему, передовому. Добавим сюда знание возможностей тех соединений и частей, с которыми мы взаимодействовали — пехота, танки, артиллерия, кавалерия, авиация, саперные, химические подразделения. И, конечно, нельзя забывать о главном — о противнике, о возможностях противоборства с ним, об использовании наших преимуществ и его недостатков. Даже для офицеров было неожиданностью, когда я сообщил на одном из занятий, что у немцев командир батареи огонь ведет ... с огневой позиции. А наблюдение за разрывами снарядов ведут (и общаются на батарее) унтер-офицеры.

Начинать надо было с себя. Я про себя решил, что не имею права на ошибку. Для этого необходимо освоить до тонкостей обязанности всех участников подготовки огня. Особенно понравилось водителям, что командир имеет права на управление автомобилем, обсуждает с ними технические вопросы, советуется, выделяет им в помощь солдат для обслуживания машины, предоставляет время для сна в самой сложной обстановке.

Самообразование было для меня первейшей обязанностью и необходимостью. Я использовал каждую минуту для этого. Кстати, са-

мообразование приближало меня к заветной мечте: к поступлению в академию. Правда, осуществиться ей довелось спустя несколько лет.

Пришлось строго разграничить обязанности по обучению и воспитанию подчиненных. Моей категорией стали заместители командира дивизиона и командиры батарей. Начальник штаба вел подготовку офицеров разведки, связи, подразделений обеспечения и обслуживания. Взводные командиры — на попечении командиров батарей. Замполит готовил политсостав и актив. Удалось избежать обезличивания: каждый начальник непосредственно отвечал за обучение и воспитание 4-5 человек. Также было строго дифференцировано обучение и воспитание всех боевых специальностей.

Незыблемым законом были занятия и информации по вопросам политического и воинского воспитания. Время на эти цели отводилось по расчету:

Политическое воспитание	— 40%
Воинское	— 30%
Нравственное	— 10%
Патриотическое	— 10%
Правовое	— 5%
Культурное	— 5%

Морально-психологическая закалка комплексовалась с боевой подготовкой.

Огромную роль в сплачивании коллектива играли политработники. Замполитом был П. Шестаков, парторгом И. Перегудов, комсоргом А. Остапенко. В операциях политотдел полка усиливал нас своими работниками, как правило, агитатором или секретарем парткомиссии.

В чем сила фронтовых политработников?

Во-первых — жить в гуще воинов, жить их жизнью, интересами, не требуя для себя ничего больше, чем имеют другие.

Во-вторых — личный пример в бою и в работе, в моральном облике и в жизни.

В-третьих — неизбывный потенциал знаний, усвоенный во время прежней учебы и работы. При отсутствии регулярной информации политработник был способен «ввести в дело» свой интеллектуальный духовный багаж, заинтересованность, увлечь воинов, поднять их настроение.

В-четвертых — главный метод работы — индивидуальный, в системе «человек-человек», человек как предмет познания, влияния, воспитания.

Помню, в январе 1943 г. (я уже был командиром батареи) заходит ко мне парторг старшина Н. Перегудов. Побеседовали. Потом он говорит: «Борис, мы думаем, что тебе пора вступать в партию. Воюешь хорошо. С людьми живешь дружно. Рекомендации тебе могут дать командир дивизиона и замполит. Я тоже могу дать, но лучше, если третьей будет рекомендация комсомольской организации, не будем ее обижать, ведь ты в комсомоле с 1938 года». Так я стал коммунистом. Главное здесь не то, что человек стремится в партию, в расчете, как теперь пишут, на карьеру. Нет, главное — его растят, потом отбирают и оказывают доверие и возлагают новые общественные обязанности.

Откуда на войне находилось время для обучения и воспитания? Но ведь в ходе боевой работы — каждый учится. Но главное — в обороне. На Курской дуге (1943 г.) подготовка к сражению длилась с марта до начала июля. В Яско-Кишиневской операции — с марта по 20 августа. На Дону в 1942 г. — с июля до 16 декабря.

...1944 год близился к концу. Трудной была Дебреценская операция. Ожесточенное сопротивление противника, разливы многочисленных рек и каналов, враждебно настроенное население усложнили ведение боевых действий, но не смогли сдержать мощного наступления 2-го и 3-го Украинских фронтов в общем направлении на Будапешт. Глубокой осенью советские войска, в том числе 7-я гвардейская армия, завязали бои за Будапешт, форсировали Дунай, окружили столицу Венгрии. Противник наотрез отказался выполнить условия ультиматума о капитуляции. Парламентеры были зверски убиты. О характере боев красноречивее всего говорит то, что город трижды переходил из рук в руки. И борьба за Будапешт продолжалась до конца февраля 1945 г.

...В январе 1945 г. делегация полка во главе с командиром полковником М.М. Чумаком была приглашена в Кремль. В составе делегации посчастливилось быть и мне. Сначала О. В. Куусинен — заместитель председатель Президиума Верховного Совета СССР — вручил заслуженные полком ордена Красного Знамени, Суворова II степени и Богдана Хмельницкого I степени. А потом ордена Красного Знамени были вручены М. М. Чумаку и мне. Состоялась беседа О. В. Куусинена с членами делегации. От нашего имени командир заверил Верховный Совет, Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в том, что в оставшиеся до Победы месяцы (мы в этом не сомневались) полк прославит Родину и свое Красное Знамя новыми успехами.

Жизнь устроена так, что человек не может быть счастлив один, ему для полноты счастья нужен другой, самый близкий, самый доро-

гой. 7 января 1945 г. я встретил ту, с кем расстался 15 июня 1941 г. С января 1945 г. с незабвенной Людмилой мы прожили вместе 52 года. И конечно, не раз вспоминали и расставание 1941 г., и долгожданную встречу в 1945 г.

...В 1982 году после того, как я с семьей после войны сменил 23 гарнизона, меня назначили служить в Москву. Мне так захотелось вспомнить военную молодость, 1941 год и другие годы войны. Я побывал в расположении родного артиллерийского училища, съездил на полигон в Алабино, на огневые позиции, с которых курсантский дивизион училища в составе 16-й армии отбивал атаки немцев. Но главным в моих воспоминаниях оставался Центральный Музей Вооруженных Сил СССР, встреча с Красным Знаменем полка. Приехав в музей, я попросил его начальника А. К. Никонова принести из хранилища знамя нашего полка. Меня оставили одного со знаменем. Я читал исторический формуляр. Смотрел на знамя, на украшающие его ордена. И вспоминал, вспоминал... Часть этих воспоминаний предлагается читателю.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Новикова Юлия Павловна**, студентка 1-го курса Московского авиационного института

Хлопин Герман Прокопьевич

НА ЧЕТЫРЁХ ФРОНТАХ

Родился 17 сентября 1922г. в городе Архангельске.

В декабре 1941г. окончил Лепельское военно-пехотное училище в г. Череповце. С января 1942г.- в действующей армии Ленинградского фронта, командир стрелкового взвода 1-й отд. горнострелковой бригады.

13 февраля 1942г. тяжело ранен, сквозное пулевое ранение черепа с повреждением вестибулярного аппарата. До начала мая 42г. проходил лечение в госпиталях г. Череповца и г. Глазова (Удмуртия).

С середины мая 1942г. вновь в действующей армии — заместитель командира стрелковой роты 119-й стрелковой дивизии 5-й танковой армии. Участвовал в операциях 5-й танковой армии по перехвату коммуникаций танковой группировки противника под Ельцом, Тулой, Орлом, Воронежем.

В грозный период первого этапа Сталинградской битвы с 6-24 июля 1942г. 5-я танковая армия отвлекла на себя значительные силы врага, что позволило другим войскам Брянского фронта выиграть время на организацию обороны Воронежа.

24 июля 1942г. командарм 5-й танковой армии Герой Советского Союза генерал-майор А.И. Люзипов, получивший это высокое звание в начальном периоде Великой Отечественной Войны, погиб в жарком сражении.

Молниеносные маневры 5-й танковой армии по перехвату тыловых коммуникаций танковой группировки противника вызывали по-

стоянную передислокацию 119-й стрелковой дивизии, единственного общевойскового соединения этой армии. В одном из таких боевых маршей от воздействия авиации противника я был контужен и, потеряв сознание, вновь оказался на госпитальной койке в полевом госпитале.

В этот же период 9 сентября 1942г. мне было присвоено очередное воинское звание лейтенант. В соответствии с директивой О.К. 5-й ТА №0174/о.к. от 6.10.42г. 18 октября был направлен на курсы «Выстрел». С октября 1942г. — слушатель курсов усовершенствования офицерского состава Брянского фронта. После их окончания командир офицерского взвода командиров рот ОКУОС Брянского фронта, затем командир курсантской роты курсов младших лейтенантов Брянского фронта.

В конце 1943г. — вновь в действующей армии в должности командира стрелковой роты 312-й Смоленской СД 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта. Участвовал в боях по освобождению города Пустошка, открывшему путь в Прибалтику.

С конца марта 1943г. 312-я Смоленская стрелковая дивизия по решению ставки ВГК передислоцировалась в район юго-восточнее города Ковель, где готовилась операция по завершению освобождения территории нашей страны и начала освобождения Польши.

В составе этой же дивизии 69-й армии 1-го Белорусского фронта в апреле-мае 1944 участвовал в оборонительных боях на рубеже Турья под Задыбами и Турийском, в прорыве оборонительного рубежа немецко-фашистских войск севернее Дольска, завершившемся беспримерным в истории ВОВ глубоким рейдом стрелковой дивизии по тылам вражеского армейского корпуса через сплошной в 20-25км, труднодоступный для пехоты и не проходимый для танков лесной массив, и прорывом к государственной границе Советского Союза по западному Бугу с Польшей, форсированию реки Западный Буг, овладению господствующей над Бугом высотой 179.4 — первым крупным населенным пунктом на польской земле Дорохуском (теперь город) и первым на территории Польши г. Холмом — 21.07.44г.

Свершилось то, чего с нетерпением ожидала вся страна: 312-я Смоленская стрелковая дивизия вышла на государственную границу Советского Союза по Западному Бугу с Польшей (пограничный знак №376), на ту черту, с которой немецко-фашистские войска вероломно вторглись на территорию нашей страны 22 июня 1941г.

Командуя усиленной стрелковой ротой в 1081-м стрелковом полку 312-й Смоленской СД в конце июля — начале августа 1944г., участво-

вал в форсировании реки Висла и овладении крепостью Яновец, в захвате и расширении Пуловского плацдарма. В январе 1945 г. войска 69-й армии, на острие главного удара которой действовала 312-я Смоленская стрелковая дивизия, нанесут удар в направлении на Радом, Лодзь, Познань и выйдут на Одер в 60 километрах от Берлина. Участвовал в оборонительных боях по удержанию Пуловского плацдарма.

В январе 1945г. в составе ударного эшелона 312-й Смоленской стрелковой дивизии участвовал в прорыве Вислинского оборонительного рубежа с Пуловского плацдарма, в Радом-Лодзинской операции с освобождением городов Радома и Лодзи, в месячных штурмовых боях за город крепость Познань, в форсировании реки Одер и удержании плацдарма восточнее города Франкфурта в районе города Лебус.

В наградном листе к приказу войскам 69-й армии № 103/н от 28.03.45г. капитан Герман Хлопин награжден орденом Красного Знамени. По военному коротко описано событие, понятное только военным, хорошо знающим Радом-Лодзинскую операцию по документам ЦАМО и военно-историческому труду Данилова (полковник по званию, кандидат военных наук) «Радом-Лодзинская операция 69-й армии». Поскольку широкому читателю не раскрывается значимость события, считаю необходимым подробнее рассказать о самой операции, и о подвиге.

* * *

... В начавшемся 14.01.45г. наступлении войск 69-й армии 1-го Белорусского фронта с Пуловского плацдарма на стратегическом Радом-Лодзинском направлении, выводящем к крупным промышленным центрам Польши: Радому, Лодзи, Познани, а также к важнейшим административно-политическим центрам фашистской Германии: Берлину, Бреслау, Лейпцигу, 312-я Смоленская стрелковая дивизия, действуя на открытом фланге ударной группировки (9/ск) и нанося удар по более прочному участку обороны 17-й ПД в направлении городов Зволень, Радом, в течение первого же дня прорыва выполнила задачу дня и продвинулась на 12 километров. Вплотную подошла ко 2-й оборонительной полосе противника на фронте Горбатко — Летинско, Полична, Зволень, Светликова Воля — крупным опорным пунктам, прикрытым противотанковым рвом. Опорные пункты Полична и Светликова Воля являлись главными на второй полосе обороны, и для противника было важно удержать их, так как с падением их рушилась вся система обороны и для дивизии и танков открывался выход на оперативный простор. Подтянув из города Радома части 19-й тан-

ковой дивизии, противник в ночь на 15 января 1945г. перешел к яростным контратакам на всем фронте прорыва 312-й стрелковой дивизии. Особенно яростно контратаковал из опорных пунктов Полична и Светликова Воля. (Архив М.О. ф.528 от.83351, д.14, л.132).

Обстановка в ночь на 15.01.45г. неожиданно осложнилась еще и тем, что через полосу 312-й Смоленской стрелковой дивизии начался поспешный отход в леса Радом-Лодзинского направления разбитых подвижными соединениями фронта частей противника, обороняющихся на Пулевском плацдарме против 8-й Гвардейской армии.

Командуя в этот момент 4-й стрелковой ротой 1081-го стрелкового полка, усиленной артиллерийской батареей 76-мм орудий 859-го артиллерийского полка дивизии под командованием капитана Николая Гиренко, противотанковой батареей 57-мм, орудий 2-го стрелкового батальона под командованием капитана Мельникова и минометами (82-мм и 122-мм капитанов Николая Шляхтина и Евгения Алешина — 1081-го СП), и действуя на открытом фланге 312-й Смоленской стрелковой дивизии, фронтом перед опорным пунктом противника Светликова Воля, неожиданно оказался в полосе движения плотных колонн в боевом порядке пехоты, артиллерии, обозов противника, одна из которых, сделав поворот, двинулась прямо по заснеженной равнине в сторону открытого фланга роты, за которым сразу начинался опорный пункт Вильча Воля в сплошном лесном массиве.

Вывинув артиллерию на прямую наводку и осветив равнину ракетами, мы встретили колонну залповым огнем. В колонне возникла паника, все смешалось: артиллерийские упряжки, конные повозки, пехота. Кони рвали построения и с диким ржанием уносились в направлении опорного пункта, подрывались на минном поле. По метавшейся в панике пехоте минометные батареи и пулеметы открыли беглый огонь. В скоротечном ночном бою колонна была разгромлена.

Стихший на этот момент артиллерийско-минометный огонь из опорного пункта Светликова Воля диктовал решение искать подходы на атаку этого опорного пункта.

Отделению разведки роты под командованием старшего сержанта Григория Глушко удалось выполнить моё задание, проникнуть через примыкающую к опорному пункту рошу в тыл противника и обнаружить там огневые позиции артиллерийской батареи и миномётов.

Принимаю решение взводом опытного офицера старшего лейтенанта Юрия Казакова маршрутом отделения разведки выйти в тыл опорного пункта и по сигналу ракетой одновременно с основными силами роты атаковать противника в опорном пункте с тыла.

Выскакивающие из домов солдаты под командованием офицеров бежали к боевым позициям, пытаясь занять оборону, но их уже встретили огнем автоматчики взвода старшего лейтенанта Василия Масловенного и остальная часть взвода Александра Копылова. Вслед за десантом на упряжке противотанковой батареи противника в опорный пункт ворвалась и батарея капитана Николая Шляхтина, открыв огонь внутри опорного пункта.

Бой в опорном пункте длился более часа, и окончательное сопротивление противника было подавлено огнем капитана Гиренко, который по радиации вышел на связь с командиром дивизиона майором Борзым и огнем дивизиона подавили артиллерийские позиции в лесу за Светликовой Волей.

С взятием соседним 1079-м стрелковым полком опорного пункта Полична, дивизия, закрепившись, стала готовиться к наступлению с рассветом 15.01.45г.

Однако противник упредил нас, и в 8 час. 30 мин, за час до наступления, перешел из леса возле опорного пункта Светликова Воля в контратаку, пытаясь окружить и уничтожить 1079-й стрелковый полк в Полична и выбить нас из опорного пункта Светликова Воля, вновь упрочнить оборону 2-й полосы.

К тому моменту, успев закрепиться, 1081-й стрелковый полк встретил контратаку противника огнем артиллерийской группы и танков. Потеряв до 400 убитыми и 42 пленных, противник отступил (Архив М.О. ф.426, от. 97685, д.52, л.9).

В наградном листе к приказу войскам 69-й армии №0118/н от 02.04.45г. записано, что капитан Хлопин успешно организовал и руководил штурмовыми группами по захвату сильно укрепленных зданий и фортов. После лично проведенной разведки и установления скрытых подступов, с незначительными потерями личного состава, быстро форсировал уже тронувшуюся реку Варта и штурмом ворвался в расположенный на восточном берегу завод Тукал, где было уничтожено более 15 солдат и офицеров противника, захвачены большие трофеи. А 14.02.45г. штурмом овладел сильно укрепленным фортом «Раух» в районе железнодорожной станции Староленка — фортом «Раух» в городе-крепости Познань.

Раскрываю эти скупые строки.

Познань — один из крупнейших городов Польши, превращенный в сильно укрепленную крепость с 18 фортами внутреннего оборонительного обвода и главной крепостью «Цитадела», с гарнизоном до 60-ти тысяч человек. Оставаясь далеко в тылу наших войск, вышед-

ших на Одер в 60 километрах от центра Берлина, срывал прямое железнодорожное сообщение наших войск с Одерским плацдармом, приковал к себе около 2-х общевойсковых армий, так необходимых для удержания Одерского плацдарма. Разделенный рекой Вартой, оказался естественно защищенным от продвижения наших штурмовых отрядов к центру города, к главной крепости «Цитадела».

1081-й стрелковый полк 312-й Смоленской стрелковой дивизии, действующей в боях в Познани, находился в оперативном подчинении 8-й гвардейской армии и 29.01.45г. получил приказ форсировать реку Варта и овладеть станцией Староленка.

Созданная усиленная штурмовая группа с батареей 57-мм орудий, противотанковой батареей, батареей 82-мм минометов капитана Н. Шляхтина, пулеметным взводом пульроты, взводом ПТР и взводом саперов вошла в первый эшелон форсирования реки Варты и захвата плацдарма на её восточном берегу в районе оборонного завода Ту-кан, прикрытого наземно-подземными сооружениями из железобетона и стали с мортирами и крупнокалиберными пулеметами. Ограниченность светового дня и тронувшийся в этот момент лед на реке Варта на этом участке ставили выполнение задачи под угрозу. Для командиров первого эшелона нужна была особая воля, быстрота и необычайная дерзость, граничащая с риском для жизни, чтобы начать форсирование реки под непрекращающимся артиллерийско-минометным обстрелом зеркала реки и подходов к объекту атаки, под ураганным обстрелом из крупнокалиберных пулеметов.

Я принял решение форсировать Варту одним эшелоном используя все, что может держаться на воде. Маневрируя между громоздящимися друг на друга льдинами и отыскивая разводы, с ходу приступили к выполнению задачи. Штурмовая группа имела ранее опыт тренировки по форсированию водной преграды на подручных средствах на крупном озере под Турийском, а затем при форсировании реки Западный Буг и восстановлении государственной границы Советского Союза с Польшей, форсировании реки Вислы и захвате плацдарма у крепости Яновец. Однако форсирование под огнем полноводной и широкой реки с начавшимся ледоходом — это было впервые. И здесь от каждого требовалась не только особая осмотрительность и инициатива, но и необычайная ловкость, решительность.

Я родился и вырос на реке Северная Двина, у Белого Моря, и мне неоднократно приходилось мериться силами с таким грозным явлением природы, как ледоход. Об этом знали, улавливали мой маневр идущего впереди и, главное, верили в успех операции.

Искусно маневрируя, с небольшими потерями, штурмовой отряд высадился в сгущавшихся сумерках на восточный берег реки Варты и без паузы атаковал укрепления перед заводом Ту-кан и, забрасывая с ходу гранатами огневые точки, ворвался на территорию завода.

Находившийся там малочисленный гарнизон не ожидал нашего внезапного появления и не смог оказать серьёзного сопротивления — частично был уничтожен, захвачен в плен. Остальные в панике бежали в центральную часть города. Захватив плацдарм, штурмовой отряд обеспечил форсирование реки полком, а затем и дивизией, овладев не только железнодорожной станцией Староленка, но в дальнейшем и юго-восточной частью города Познань, открыл выход дивизии в тыл юго-восточных фортов города.

... К середине февраля 1945г. бои в Познани достигли наивысшего накала, а в руках противника оставалась главная крепость «Цитадела» с 25-тысячным гарнизоном и последний из 18 фортов — форт «Раух», прикрывающий взорванный железнодорожный мост через Варту, препятствуя восстановлению прямого железнодорожного сообщения с Одерским плацдармом (в город с востока подходило три шоссе и две железных дороги, на запад в Германию уходило три железных и четыре шоссе). И все проходили через этот мост.

Форт «Раух» представлял собой мощное наземно-подземное сооружение тяжелого типа до 150м глубинного залегания со стенами из кирпича в 3-3,5м толщиной, с многочисленными бойницами, бронированными колпаками на крыше, стальными по обе стороны затворами, запирающими вход и выход с железнодорожного моста, с разветвленным лабиринтом подземелий и общим тоннелем, соединяющим форт с главной крепостью «Цитадела». С гарнизоном до 300 человек, запасом продовольствия, воды и автономной энергосистемой.

Штурм форта был возложен на 1081-й стрелковый полк дивизии, в котором была сформирована специальная усиленная штурмовая группа. Командование было поручено мне.

Эта группа включала в себя три усиленных подгруппы под командованием опытных командиров старших лейтенантов Ю. Казакова, А. Копылова, В. Масловского.

Днем и ночью за фортом проводилось непрерывное наблюдение, и в одну из ночей разведка обнаружила, что бронеколпаки имеют в верхней части на крыше открывающиеся люки, через которые гарнизон совершает вылазки, осуществляет вентиляцию.

Было принято решение начать штурм форта ночью с крыши, овладев охранением у люков.

Разведывательные группы под командованием старших сержантов Г. Глушко, Д. Долженко, И. Горбунова глубокой ночью скрытно вышли к бронированным колпакам на крыше, и как только открылись люки и появилось охранение возле них, группы напали на охрану и уничтожили ее мгновенно.

Сразу в люки спустились штурмовые группы Ю. Казакова и А. Копылова вместе с проводниками-поляками, ранее работавшими на подземном военном заводе форта, где выпускалось новейшее оружие — фаустпатроны и компоненты ракет «Фау-2».

Застигнутый врасплох гарнизон верхнего яруса не сумел организовать сильного сопротивления, и я ввел с верхнего яруса остальные силы штурмовой группы, нацелив их на проникновение в центральную часть форта, где завязался тяжелый ближний бой. Гарнизон отключил освещение в захваченных нами казематах, и бой продолжался в полной темноте.

Одновременно форт через подорванные проемы у основания стальных ворот атаковали штурмовые группы под командованием капитана Виталия Князева. Гарнизон отчаянно сопротивлялся, бой шёл до рассвета и закончился нашей полной победой.

Среди раненых немецких солдат и ополченцев в лазарете центральной части форта находился сапер, который участвовал в закладке фугасов в толще подземелий форта на случай его падения.

С инженерами полка и дивизии мы спустились в глубины форта. Путь в сложном лабиринте подземелий показывал раненный сапер, которого несли на носилках.

Когда саперы вынули взрыватели, до взрыва оставались минуты. Форт и военный завод в нем были сохранены. В течение нескольких дней я исполнял обязанности коменданта крепости и знакомил прибывающих из инженерных войск армий и фронта с системой сооружения, живучести и обороноспособности форта при осаде и штурме, так как впереди были бои за Берлин, в котором сооружены подобные форты.

Все участники штурма получили личную благодарность командующего фронтом.

О штурме форта рассказано в моей статье в военно-историческом журнале №6 за 1988г.

В конце февраля — начале марта 1945г. в составе 312-й Смоленской стрелковой дивизии участвовал в форсировании реки Одер в районе города Лебус в 3-4 километрах восточнее Франкфурта — города крепости, остававшегося до начала Берлинской операции в руках

противника, в расширении и удержании плацдарма, за спиной которого был только широкий, полноводный Одер.

Командуя усиленной стрелковой ротой ударного эшелона 312-й Смоленской стрелковой дивизии, участвовал в прорыве Одерского оборонительного рубежа на открытом левом фланге 1-го Белорусского фронта вдоль магистрали Франкфурт-Берлин в наступлении на юго-западную окраину Берлина и овладении городом Фюрстенвальде у автострады Берлинер-Ринг, уничтожении окруженной группировки фашистов юго-восточнее Берлина.

В начавшемся прорыве 312-й Смоленской стрелковой дивизии к Эльбе на соединение с союзными войсками антигитлеровской коалиции командовал подвижным отрядом дивизии на открытом её фланге вдоль магистрали Ост-Вест с захватом межозерного дефиле и блокированием прорыва на эту магистраль из лесов западнее Бранденбурга разбитых частей вермахта, пытавшихся деблокировать Берлин.

В течение 4-х дней в глубоком отрыве, без соседей и без права оставить дефиле, воины подвижного отряда стойко отразили все попытки прорыва на магистраль Ост-Вест.

Переброшенный автотранспортом дивизии на рассвете 5 мая 1945 г. принял последний бой в 3-х километрах от Эльбы у Фриденсад, где 312-я Смоленская стрелковая дивизия встретилась со 120-м пехотным полком 30-й пехотной дивизии американской армии.

С первых же послевоенных дней вступил в командование отдельной учебной ротой 312-й Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. По приказу командования 69-й армии готовил парадную роту 69-й армии на парад Победы в Москве.

Позднее через эту же часть дивизии проходили демобилизацию, обеспечение и специальные подразделения 69-й армии: снайперы, зенитчики, прожектористы, связисты.

После расформирования дивизии в начале июня 1945г. получил назначение в 18-ю механизированную дивизию на должность начальника штата центрального батальона. Дивизия дислоцировалась в пригороде Берлина, на Эльбе.

13 февраля 1947г. по состоянию здоровья (последствия тяжелого ранения) уволился в запас. В дальнейшем был на кадровой работе, учился на историко-филологическом факультете пединститута.

В 1971г. на большой встрече ветеранов 312-й Смоленской стрелковой дивизии был избран заместителем председателя Совета ветеранов этой дивизии и 25 лет старался оправдать это доверие ветеранов, организуя и направляя военно-патриотическую деятельность, участие

в многочисленных встречах по местам боев 312-й Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, ведение военно-патриотической работы в школах Смоленска, Алтая, Москвы, Турийска, участие в «Круглых столах АПН» и многое другое.

За активную многолетнюю ветеранскую деятельность награжден СКВВ почетным знаком СКВВ, почетным знаком к юбилею победы, нагрудным знаком СКВВ, почетной грамотой комитета.

Почетный и юбилейный знаки СКВВ вручил председатель СКВВ генерал армии П.И. Батов.

В трагический момент, когда мир находился на грани атомной войны, выступал на Всесоюзном радио с призывом прекратить угрозу войны. Выступление транслировалось в США и Канаду, на университеты и общественные организации. Пленка с выступлением хранится в моем архиве.

Являюсь членом Клуба кавалеров орденов Александра Невского и Михаила Кутузова. Участвовал в торжествах по случаю 250-летия со дня рождения великого русского полководца генерал — фельдмаршала М.И. Кутузова 12-14 сентября 1955г.

26 августа 2002г. принял участие в собрании клуба кавалеров орденов Александра Невского и Михаила Кутузова с участием широкой ветеранской общественности в Культурном Центре Вооруженных Сил России по случаю 60-летия учреждения полководческих орденов, а также в связи с приближающимися большими датами Сталинградской и Курской битвы.

По случаю 80-летия со дня рождения получил приветственный адрес от клуба кавалеров орденов Александра Невского и Михаила Кутузова, подписанный президентом культурного центра Вооруженных сил России, с уверенением, что ветеран великой Отечественной — в строю и продолжает крепить Вооруженные силы духом своих выступлений и всеми доступными средствами.

Награжден 2 орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Михаила Кутузова 3-й степени, Отечественной войны 1 степени, Красной Звезды. Участник парада Победы союзных армий в Берлине у Бранденбургских ворот 8 сентября 1945г.

Завершил работу по подготовке к публикации книги по истории боевого пути 312-й Смоленской стрелковой дивизии.

Опубликованы следующие материалы, где я был автором либо соавтором:

«Бойцы вспоминают Минувшие дни» — брошюра. «Круглый стол» АПН с участием посольства ПНР в Москве, Войска Польского

и Совета ветеранов войны 312-й Смоленской стрелковой дивизии по случаю восстановления государственной границы Советского Союза по Западному Бугу с Польшей и освобождению первого польского города Хелма. — 30 летний юбилей. Москва, АПН 21-22 июль 1975г.;

журнал АПН «Край Рад» на польском языке — 28-29.07.1975г. «Бойцы вспоминают о былом» стр. 25-29; «Круглый стол» в АПН, посвященный 30-летию восстановления государственной границы Советского Союза по Западному Бугу с Польшей и освобождению первого на территории Польши города Хелма;

«Экспресс Познаньский» — Агентство новости «dla»EP». Варшава — Познань 21-23.02.75. «Штурм Цитадели»;

журнал АПН «Край Рад» №29. Москва, 1978г. стр. 22. «Дорогой освобождения»;

журнал АПН «Край Рад» №29. Москва, 1979г. стр.23. «Дорогой вызволения».

журнал «Советская литература» на польском языке №10. Москва, 1986г. Зоя Воробьева. «Память» (беседа с Г. Хлопиным);

журнал «Советская литература» на польском языке. №5. Москва, 1987г. Стр. 171. Письмо в редакцию польской учительницы из Дорохуска — Польша об освобождении Дорохуска и память о погибших в боях за Бугом. 20-21 июль 1944г. — Отклик на статью З. Воробьевой в журнале «Советская литература» №10. 1986г.;

«Военный вестник». М.О. Москва. №6, 1988г. «Прорыв к Госгранице» (пограничный знак №376);

«Солдат свободы». Ц.О. Войска Польского. Войдев Сколиновки. «Освобождение Познани». По главе из книги «Боевой путь 312-й Смоленской стрелковой дивизии» Г. Хлопина — «Дорогой освобождения» и «Память сердца»;

журнал М.О. «Военный вестник». Статья «Штурм Цитадели»; журнал МО «Военный вестник» №5. 1987г. «У ворот Берлина»; «Красный Воин». Газета МВО. Статья «По дороге на Берлин»; «Герои огненных лет». Изд. «Московский рабочий» (очерки о Героях Советского Союза, москвичах). 1984г.;

А. Ракицкий. «Через бои и сражения». О форсировании реки Западный Буг передовыми отрядами 312-й Смоленской стрелковой дивизии капитанов А. Хлусова, Г. Хлопина. Стр.497;

Ф. Попенко. «И личным примером» (стр.460). Упоминание о штурме Светликовой-Воли автоматчиками Г. Хлопина (стр.465). Радом-Лодзинская операция;

газета МВО «Красный воин». «Кавалер золотой звезды»;

газета МВО «Красный воин». «Первый Герой»;
 газета МВО «Красный воин» 17.01.2001г. Статья «Семеро смелых»;
 газета МВО «Красный воин» 17.02.2002г. Статья «Штурм форта Раух»;
 газета МВО «Красный воин». Март 2001г. «Светили, сгорая». Очерк о зенитчицах-прожектористках в Берлинской операции «Прорыв»;
 журнал ДОСААФ. К 40-летию Победы. Очерк о Дмитрие Долженко — ветеране 312-й Смоленской стрелковой дивизии;
 «Московская правда». 9 мая 2001г. 3. Шляхтина «Счастье не быть убитым» о Г. Хлопине;
 газета «Радянське життя». 19.06.88г. «Бои за Кордоном» — о 312-й Смоленской стрелковой дивизии, упоминание о Г. Хлопине — участнике боев на Западном Буге;
 газета «Правда». Статья «Время не властно». О союзническом долге и награждении орденами Советского Союза командования и сержантского состава 30 пехотной дивизии американской армии. Соавтор Г. Хлопин;
 газета МВО «Красный воин». 5.12.2001г. №86 «Наш командир», о командире 312-й Смоленской стрелковой дивизии генерал-майоре А.Г. Моисеевском (Московская битва);
 журнал РКВВ и ВС «Ветеран войны». №5 Публикация о восстановлении госграницы Советского Союза с Польшей по Западному Бугу 20-21.07.44г.;
 газета МВО «Красный воин». Публикация: «Герой Советского Союза В. Лихотворин».

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Чмыхов Михаил Александрович**, студент 4-го курса Московского инженерно-физического института

Черкасов Николай Павлович

СМОГ ВЫРВАТЬ ЗАПАЛЫ РАНЬШЕ

Родился 10 августа 1923 года в селе Мало-Камала Рыбинского района Красноярского края. С 1928 года проживал в городе Кемерово до августа 1941 года (до призыва на воинскую службу). Национальность — русский. Атеист. Член КПСС с 1943 года по 1991г. В настоящее время беспартийный, по сознанию — коммунист.

До войны окончил:

1938г. — 7 классов (школа № 30 г. Кемерово);

1939г. — Новосибирский областной учебный комбинат по специальности физкультурный работник, закончил на отлично;

1943г., апрель — Черниговское Военно-инженерное училище (в г. Иркутске), закончил на отлично.

После войны окончил:

1954г. — 10 классов вечерней школы при Горьковском доме офицеров;

1961г. — командно-инженерный факультет Военно-Инженерной академии имени В.В.Куйбышева.

Узнал о войне 22 июня 1941г. на центральной площади, в городе Кемерово, на митинге трудящихся. Слушал выступление В.М.Моло-

това по радио, в то время работал инструктором физкультуры в ДСО «Спартак» города Кемерово.

Участвовал в боях по окончании Военно-инженерного училища с июля 1943 года — с Курской битвы.

Прибыл и до конца войны (до 9 мая 1945 года) находился в составе 121-го отд. гв. саперного батальона (с августа 1943 года — гвардейского, до этого, с 1939 года — 135-го отд. инженерно-саперного батальона) в должности командира саперного взвода 1-й саперной роты — командир роты капитан Данилин.

С июля 1943 года — командир инженерно-минного взвода инженерно-минной роты (командир роты — капитан Ларин Иван Иванович), воинское звание — младший лейтенант.

С апреля 1944 года — командир взвода инженерной разведки, лейтенант. Командир батальона — Романов Виктор Иванович (капитан; с 1944 года — майор 7-го гвардейского танкового корпуса).

Командиры корпуса: генерал-майор Рудкин Ф.Н, с августа 1943г. — генерал-майор Сулайков К.Ф., с декабря 1943 г. — генерал-майор Иванов С.А., с июля 1944 г. — генерал-майор — Митрофанов В.А., с февраля 1945 г. и до конца войны — генерал-майор Новиков В.В. в составе 3-й гв. танковой армии с начала и до конца войны. Командующий — генерал-лейтенант бронетанковых войск Рыбалко Павел Семенович.

121-й отд. гв. саперный батальон (до августа 1943 года 135-й отд. инженерно-саперный батальон) сформирован в 1939 году, формирование происходило в городе Чугуеве Харьковской области. Далее находился в Забайкальском военном округе, где выполнял инженерные задачи по укреплению государственной границы и строил оборонные объекты в Монголии.

В 1943 г. в мае был на формировании в Тамбовской области, в Трегуляевских лесах. В состав 7-го гв. танкового корпуса (до конца августа 1943г.- 15-й танковый корпус) вошел в Тульской области в районе совхоза « Диктатура».

В боевых действиях в составе 121-го отд. гв. саперного батальона 7-го гв. ТК, 3-й гв. ТА участвовал с июля 1943 г. по 9 мая 1945 г. и продолжал службу до мая 1950 г.

Принимал участие:

- в Орловской наступательной операции (14 июля — 14 августа 1943 г.);

- в боевых действиях по овладению и расширению плацдарма на Правобережной Украине (сентябрь 1943 г. — январь 1944 г.);

- в Проскурово-Житомирской наступательной операции (март — апрель 1944 г.);

- в Львовско-Сандомирской наступательной операции (июль — сентябрь 1944 г.);

- Сандомирско-Силезской и Нижне-Силезской наступательной операции (12 января — 15 марта 1945 г.);

- в Берлинской наступательной операции (16 апреля — 3 мая 1945 г.);

- в Пражской наступательной операции (6 мая — 9 мая 1945 г.).

Боевой путь проходил через: г. Орел (05.08.43 г.), г. Кромы (10.08.43 г.), Переяслав-Хмельницкий (09.43 г.), г. Киев (06.11.43 г.), Фастов (11.43 г.), Житомир (12.43 г.), Тернополь (апрель 1944 г.), Львов (лето 1944 г.), Баранув (лето 1944 г.), Енджеюв (январь 1945 г.), Ченстохова (17.01.45 г.), Бунцлау (10.02, 11.02.45 г.), Лаубан (февраль — 5 марта 1945 г.), Барут, Цосаен (апрель 1945 г.), Берлин (26.04 — 04.05.45 г.), Прага (9 мая).

По окончании войны службу проходил на должностях зам.командира роты 121-го отд. гв. саперного батальона и исполнял обязанности командира отдельных рот специального назначения, полкового инженера танкового полка. По окончании военно-инженерной академии имени В.В.Куйбышева — командир отдельного батальона (впоследствии полка) по обеспечению учебного процесса академии), начальник курса и заместитель начальника факультета (по учебной и научной работе академии. Уволен в связи с реорганизацией и по состоянию здоровья. Служба в ВС в календарном исчислении — 35 лет, в льготном исчислении — 42 года. Уволен из ВС 30 мая 1976 года.

Награды (орденская книжка — А — 444052, выдана 11.02.1947 г.):

- орден Красной Звезды №396734, вручал начальник политотдела 7-го гв. танкового корпуса полковник Новиков В. за подорванные два фашистских танка (тяжелый и средний) на минах в деревне Фастовец 11-го ноября 1943 года;

- орден Отечественной войны 2-й степени № 124125 за разведанные системы обороны фашистов и захват двух «языков» — летом 1944 г. на Сандомирском плацдарме. Вручал командир 121-го отд. гв. саперного батальона;

- орден Красного Знамени №207861 за разминирование в период боя через р.Лаубан в городе Лаубан автомобильного железобетонно-

го моста. С группой разведчиков уничтожили боевое охранение фашистов, захватили 4-х «языков», на 16 и 23 февраля 1945 года выходил к основным силам корпуса за оперативной картой, в ночь на 5 марта 1945 года провел разведку маршрута и на 6 марта, на бронетранспортере с командиром 7-го гв. ТК генерал-майором Новиковым В.В., в голове колонны вышли из окружения. Награждал в марте 1945 года генерал-майор Новиков В.В.;

- медаль «За боевые заслуги» б/н — за безупречную службу. Награждал заместитель начальника факультета военно-инженерной академии полковник Попов;

- орден Красной Звезды №2527442 за безупречную службу и образцовое выполнение заданий командования, декабрь 1956 года. Вручал заместитель начальника военно-инженерной академии им. В.В.Куйбышева генерал-майор Метелкин;

- орден Отечественной войны 1-й степени в ознаменование 40-летия Победы, вручал военный комиссар Первомайского района г. Москвы полковник Астафьев;

- «Чехословацкий военный крест» — высшая военная награда Чехословакии. Выход к чехословацким партизанам разведки путей через Рудные горы на город Тейплиц — Шанов, вручал член Военного Совета армии Мельников С.И.;

- польский «Золотой Знак». Освобождение Катовицкого воеводства. Вручал председатель правительства Польши Мейснер.

Награжден также: 18 отечественными медалями (юбилейные, выслуга лет); Чехословакии — 3; Украины — 1; ГДР — 2.

За переправу через Днепр взвода-разведки 4-го мотоциклетного батальона 7-го гв. ТК передового отряда 23-й гв. мотострелковой бригады 7-го гв. ТК, самоходных установок СУ-76 — 7 единиц, артиллерии, боеприпасов, раненых, других войсковых грузов — переправляли круглые сутки, отдых при обратных рейсах — под постоянными налетами фашистской авиации, артобстрелах личный состав взвода по приказу командующего был представлен к награде. Однако реальное награждение не состоялось, также не состоялось награждение вторым орденом Красного Знамени — за разведанные в городе Лаубан в феврале 1945 г.

Освобождал в должности командира взводов (инженерно-минного и взвода разведки, в звании лейтенант в составе 121-го отд. гв. саперного батальона (командир батальона гв. майор Романов В.И.) 7-го гв. ТК — командир корпуса генерал-майор Новиков В.В. 3-й гв.ТА, командующий армии маршал бронетанковых войск П.С.Ры-

балко) города: Орел (5 августа 1943 г.), Киев (06.11.1943 г.), Фастов, Житомир (декабрь 1943 г.), Проскуров (весна 1944 г.), Львов, Бунцлау (зима-февраль 1945 г.), Катовицы, Котбус, Берлин (2 мая 1945 г.), Прага (9 мая 1945 г.). Все звания и должности — на конец войны.

Ранения:

- первое — осколочное, касательное, легкое, верхняя часть правой ноги. Лечение при батальоне, июнь 1943 года;

- второе, третье — 29 января 1944 г. — пулевое, ранение левого локтевого сустава и левого предплечья. Лечение в госпитале №2665 г. Киева. Вернулся в марте 1944 г.;

- четвертое — легкое, в левую теменную область головы, осколочное, лечение при части (батальоне).

В войне погибли: отец — Черкасов Павел Федорович, 1897 г. рождения. В царской армии служил в Орембоуме. После революции сражался на Восточном фронте. Был тяжело ранен. В 1936 г. окончил Марпасадский техникум. Депутат по 121 избирательному округу города Кемерово. Имел бронь. В 1942 г. добровольцем ушел на защиту Ленинграда. Погиб 14 января 1943 года при первом прорыве блокады Ленинграда. Захоронен на братском кладбище в поселке Синявино — 2 Тоснинского района Ленинградской области.

Среди родственников погибли: двоюродные братья Левочкины: Костя 1921 года рождения и Владимир — 1923 года рождения. Племянники моей матери — Черкасовой Марии Степановны (Левочкиной).

Остались живы: старший брат матери Петр Степанович Левочкин. Потерял руку. С 1944 года успешно председательствовал в колхозе села Мало-Камала Рыбинского района Красноярского края; Александр Степанович Левочкин (младший брат матери), войну закончил в звании капитана, также имел ранения.

Самый дорогой и близкий мне человек — это жена Черкасова (Аторина) Тамара Степановна, старшина медицинской службы. Родилась 3 мая 1923 года в Новосибирской области.

С 7-го сентября 1945 года мы, несмотря на сложнейшие жизненные условия, вместе! Смена армейских гарнизонов, частные квартиры, служба за рубежом без семьи. Дружба наша уходит к довоенным годам, мы жили рядом, наши родители дружили.

Родители Тамары Степановны были старые большевики. Отец — Степан Романович с 1914 года, а мать — Полина Михайловна с 1920 года — члены партии большевиков.

В 1942 году в Новосибирской области формировалась 150-я стрелковая дивизия сибиряков — добровольцев, а один из стрелковых полков формировался в городе Кемерово. Весь выпуск медиков-добровольцев составил медицинскую роту полка. Боевой путь полка в составе 150-й стрелковой дивизии начался на Калининском фронте. За стойкость и героизм сибиряков в начале 1943 года полк был переименован в 57-й гв. Кемеровский стрелковый полк, а дивизия — в 22-ю гв. Сибирскую дивизию.

Тамара Степановна была награждена медалями «За боевые заслуги» и «За отвагу». В августе 1944 года на полях сражений Прибалтики была ранена и контужена, после госпитального лечения отправлена на долечивание в г. Кемерово. Военно-врачебной комиссией была комиссована с определением инвалидности в декабре 1944 года. Работала в центральном РК КПСС, а в мае 1946 года прилетела ко мне в Австрию.

Живыми остались родственники:

Черкасова Валентина Павловна, 1925 года рождения, родная сестра. Овладела военной специальностью шофера. На фронте находилась в автобатальонах, подвозила боеприпасы в войска первого эшелона.

Братья жены: Аторин Александр Степанович, 1919 г. Участвовал в Сталинградской битве, был ранен 20-го ноября 1942 года, после лечения в госпитале был комиссован с определением инвалидности; Аторин Владимир Степанович служил на Дальнем Востоке, участвовал в войне с Японией; Аторин Виктор Степанович, 1925 г.р. С 1943 года — участник боевых действий, в 1944 году легко ранен, вернулся в строй, войну закончил с Победой, служил простым рядовым.

Собственные статьи, опубликованные в журналах:

— «Военные знания». 1972 г. №2. «Дорогой отцов»;

— «Народное образование». 1989 г. №5. «О нашей победе»;

— «Ветераны войны». Издание Советского комитета ветеранов войны (бюллетень):

№1 1980 г. «В 361-й школе Москвы»;

№ 4 1982 г. «На немецкой земле»;

№ 3 1983 г. «Сердечная встреча»;

№ 5 1980 г. «С визитом дружбы»;

№ 4 1981 г. «Комитет борцов антифашистского сопротивления» (КБАС);

№ 1 1984 г. «В Югославии»;

№ 3 1985 г. «40 лет освобождения Югославии»

№ 2 1992 г. «Рушить легко — созидать трудно».

Собственные статьи в периодической печати:

— газета «На боевом посту» ЦК ДОСААФ — 1978 г.;

— газета «Куйбышев» (более 10 очерков и статей);

— газета «Ветеран» — газета социальной защиты, также более 10 статей;

— газета «Московский ветеран» № 10-11 2002 г. «Помнить и чтить»;

— газета «Восточное Измайлово» 2002 г. №4. «Живая связь времен»;

— газета «Восточное Измайлово» 2002 г. №5. «Воспитать патриотов»;

— газета «Куйбышевец» Военно-инженерной академии им. Куйбышева — более 5 статей.

Участвовал в кино-телесъемках:

• декабрь 1941 года г. Иркутск. В Иркутском авиационном училище — объясняю материальную часть самолета — «Устройство самолета ПЕ-2»;

• «Отряд обеспечения движения» при прокладке маршрута движения по сильно заболоченной местности, усиленной минно-взрывными и фортификационными заграждениями с преодолением водной преграды. Организатор и руководитель учения. (Лето 1965 года, киностудия документальных фильмов Министерства Обороны СССР);

• телепередача ЦТ клуб «Победители» — дважды.

Обо мне есть информация:

в книгах:

• Миронов Г.М. «Член военного совета». Издательство «Московский рабочий» — 1975 г. (документальная повесть)

• Миронов Г.М. «У нас заправка до Берлина». Издательство «Московский рабочий» — 1980 г. (документальная повесть)

• Мальцев Н.А. — действительный член академии военных наук. «7-й гвардейский Киевско-Берлинский танковый корпус». Москва, 2001 г.

в журналах:

• «Военные знания» №12 1982 г. Мизиковский Григор (последние страницы)

- «Военные знания» №10 за 1999 г. «В ответе за детей»
- в газете «Ветеран» №25 за 2001 г. Михайлов «Семья фронтовиков».

СУДЬБА ИЛИ СЛУЧАЙНОСТЬ?

По окончании в апреле 1943 года Черниговского военно-инженерного училища в городе Иркутске и недельного резерва в студенческом городке, напротив центрального входа ВДНХ Москвы, мы, младшие лейтенанты, прибыли в город Тамбов.

После проверок, бесед нас, 4-х младших лейтенантов: Чуднова Виктора, Чинарева Николая, Шутова Сергея и меня, Черкасова Николая, направили в 135-й отдельный инженерно-сапёрный батальон.

Прибыв на место, документы на команду сдал начальнику штаба батальона капитану Галину Б.П. Штаб размещался в добротной землянке, оборудованной скамьями для совещаний. Прибывшему военному подали команду «Встать!», «Смирно!». Начальник штаба доложил о нашем прибытии. Это был командир батальона капитан Романов Виктор Иванович.

Комбат тепло с нами поздоровался и по-отцовски начал расспрашивать. В землянку вошла женщина в звании лейтенанта. Она была среднего роста, изящно одета с удивительно красивым лицом: «Товарищ капитан! Военврач батальона лейтенант Чуднова ...» и в это время вскочил вдруг Виктор Чуднов и воскликнул: «Нина!».

Военврач обернулась и минуту спустя бросилась в объятия Виктора. Это была жена Виктора. Все были изумлены. Стояла мертвая тишина, а Нина и Виктор вытирали друг у друга слезы.

Виктор был старше нас, призван в 1939 году, служил в Забайкалье, около 2-х лет — в Монголии, а мы, добровольцы, с августа 1941 года. Нас молодых, 18-тилетних курсантов из Иркутского авиационного училища ротой перевели в инженерное училище, а Виктора и многих других, старше нас на 2-3 года, в училище направляли из войск.

И вот прошло более 50-ти лет, а в памяти Тригуляевский лес, высокие, с густой кроной деревья, чистое небо, ласковое теплое солнце. А под деревом стоят и смотрят друг на друга Виктор и Нина, и не могут насмотреться.

Они были прекрасной парой. Их большая любовь не была препятствием выполнению воинского долга.

Нину все уважали за её скромность, доброту и внимание. Она была требовательна к своим коллегам, строго относилась к соблюде-

нию санитарных норм и правил. Виктор в Курской битве был тяжело ранен и отправлен в госпиталь, а Нина в составе батальона Победу встретила на улицах Праги.

Сергей Шутов был ранен при освобождении Правобережной Украины. Николай Чинарев был ранен, находясь со взводом в танковом десанте, при прорыве фашистской обороны под городом Лаубан. Потерял правую руку, правый глаз, два ребра. Лечение проходил в госпитале во Львове. Там он женился. Родственников Николая Ивановича фашисты расстреляли в Донецке.

Война нас сблизила. В советское время мы имели возможность встречаться и семьями ездили друг к другу. Ныне единственная возможность общения — переписка. Наш 135-й инженерно-сапёрный батальон после Курской битвы стал 121-го отдельным гвардейским сапёрным батальоном 7-го гв. ТК, 3-й гв. ТА. Прошёл с боями и участвовал в Курской битве, освобождении Киева и Житомира, Кракова и Ченстохова, Котбуса и Дрездена, штурмовал Берлин и освобождал Прагу.

Из первого формирования батальона в 530 человек с первых боёв до Победы дошли 24 человека. Из звена командиров взводов и рот до Победы дошёл только я.

Вспоминаю погибших, а их было много, моих боевых друзей и товарищей. У нас не было предателей и изменников. У нас была вера в Победу! И мы победили! Это была закономерность!

БЫЛО И ТАКОЕ

В конце июля 1943 года я принял взвод в инженерно-минной роте. Командир роты старший лейтенант Ларин Иван Иванович, москвич, имел (что было редкостью в то время) высшее образование. Исключительно внимательный, с безупречным внешним видом и интеллигентными манерами. Взвод был укомплектован полностью кадровыми воинами, прослужившими по 4 года и более. Меня перевели, видимо, потому, что я отличался по практическим знаниям минно-взрывного и подрывного дела. Рота, находясь в резерве, выполняла задачи по разминированию местности, оборудованию наблюдательных пунктов, устройству укрытий для штаба корпуса. Потери в роте были незначительные.

Кажется, 3-го августа вызвали меня к штабной машине. Корпусной инженер майор Срапианян вручает мне карту и ставит задачу: имея на трех машинах ЗИС-5 элементы трехпролетного низковоодно-

го моста в районе Кутафино, через речушку Глинка взводом к 6.00 4 августа, то есть к утру завтрашнего дня оборудовать брод для танков и построить мост для артиллерии и колесного транспорта. Все вопросы уточнить на месте выполнения работ.

Погода жаркая, дороги грунтовые, пыльные, чернозем, местность равнинная. Пыль долго не оседает, да и дорога пошла впереди под уклон. В 2-3-х километрах местность поднимается. В бинокль четко просматриваются траншеи, хода сообщений и окопы артиллерии фашистов. Наблюдаются только отдельные разрывы — это с закрытых позиций минометы наши и фашистов ведут дуэльный прицельный огонь. Машины укрыли в яблоневом саду.

Разыскал старшего командира — майора, он показал рукой: «...там, в низине, речушка — мелкая. По скату, обращенному к нам, оборона фашистов. Батальон стрелков с ходу преодолеть речушку не смог. За речушкой — ровный луг метров за 300-500, а далее — местность поднимается. Дорога полевая, только для гужевого транспорта. Должен быть брод. Ищи! За речушкой окопалось человек 20-25 бойцов!», — и указал, как лучше и ближе подтянуть машины. С двумя сопровождающими и своими командирами скрытно вышли к речушке.

С обеих сторон — ровный открытый луг, много воронок. С нашей стороны, в 50-ти метрах — полевые постройки: сараи, скотный двор и небольшая роща, кустарники. К лугу вышли скрытно, а как подойти к реке? В каком месте собирать мост? Где к мосту и от моста обозначить и проложить путь для колесных машин? Как обеспечить безопасность и прикрытие работ?

Это потом, через год, я мог мгновенно анализировать и принимать оптимальные решения, а сейчас? Но у меня все же был некоторый опыт. С 15-ти лет начал трудовую деятельность, а в 16 лет уже работал самостоятельно, а сейчас у меня взвод — это крепкие мужики — семьянины, большинству больше 25 лет, а есть и старше. Да и учеба в Черниговском инженерном училище — это не только основа теоретических знаний, а главное — практическая организация выполнения инженерных работ.

На «малом» совете обсудили до мелочей выполнение поставленной задачи. С наступлением темноты за речушкой командир стрелковой роты выставил охранение из двух стрелковых отделений. Старший сержант по фамилии Работяга, мой заместитель, «подтянул» машины с конструкциями моста ближе к лугу. Командир отделения Белов

со своим отделением — оборудование брода для танков, а мне с двумя отделениями саперов досталась сборка моста и прокладка подходов и выходов с моста.

С наступлением темноты приступили к работе. Мы с командиром отделения Черненко обозначили ось моста, береговые лежни, промежуточные рамные опоры. Работали по пояс в воде. Работа спорилась! Опыт, полученный на строительстве мостов в период формирования перед Курской битвой, приобрел реальное воплощение. Периодически местность освещают ракеты и отдельные взрывы снарядов. Командиры стрелковых рот ускоряют работы — подносят прогоны, настил, колеи. Они получили участки — «исходные позиции» для наступления и до рассвета скрытно должны были выйти, окопаться и подготовиться к атаке за речушкой, а для нас была одна проблема — крепление прогонов к рамам и лежням.

В прогонах отверстия для штырей заблаговременно подготовили, а вот в насадке и лежнях — в них вбивают. В каждом пролете 8 прогонов, а в каждом прогоне — 2 штыря. В 24 прогонах — 48 штырей. Когда начали крепление, с двумя бойцами на удалении 300-400 метров от моста стали взрывать 200-граммовые тротильные шашки, да и минометчики своими выстрелами не только отвлекали фашистских наблюдателей, но и хорошо маскировали забивку штырей.

К рассвету работы в основном были закончены. Стрелковые роты по мосту вышли в исходные районы. Необходимо было проверить брод и мост.

Ночью ко мне трижды подходил младший лейтенант-сапер вместе с красноармейцем. Оба грязные, какие-то несобранные. Лейтенант представился командиром саперного взвода и спросил, есть ли у меня во взводе миноискатель. Я ответил утвердительно: во взводе в каждом отделении — по одному миноискателю ВИМ-625 (кажется, так). Получив ответ, лейтенант ушел. Потом опять пришел: «...а работают ли миноискатели?». Ушел и опять вернулся: «... а есть ли сапер, который умеет пользоваться миноискателем?»

А в это время началась артподготовка. К речушке подтягивались танки — английские, брод — всего 12-15 метров шириной. Комендантская служба — у входа и выхода из брода. Танкисты не ждут окончания артиллерийской подготовки, стремятся быстрее преодолеть брод, а нам хочется опробовать и на выходе оставить танк с тросом. При необходимости, если по какой-то причине танк остановится, его можно вытащить тросом. Танк на малом ходу преодолел брод, за ним

второй, третий. Пройдя вдоль речушки, танки разворачиваются в сторону фронта в линию и на малой скорости начинают движение к боевым порядкам пехоты.

Артподготовка окончилась. По противнику наносится короткий огневой налет (огневой вал), пехота, сопровождаемая танками непосредственной поддержки пехоты с громким «Ура!!!» переходит в атаку.

И вдруг — взрывы под танками. Машины на одной гусенице делают вираж. Один танк подорвался на mine, 4 танка уже остановились. Вызываю с миноискателем ефрейтора Гончарова Ивана Степановича.

Сам оставляю мост, по которому прошло несколько машин с 76-мм пушками и минометами. И снова в 100-150 метрах от нас — взрыв под танком. С сержантом Черненко бегом навстречу танку, перешедшему брод. Руки крестом над головой, и резкая отмашка вниз. Сигнал «Стой!». Пехота, поддерживаемая танками и артиллерией, успешно продвигаются вперед. Небо чистое. Солнце взошло, грохот, гарь, дым, взрывы, мы от брода метрах в 300. А танк уже в 12-15 метрах от нас.

Гончаров — опытный минер, неторопливый, делает все основательно, добротнo. А в это время через мост с охраной проехал и остановился «виллис». Из него вышел генерал-майор, а под танком, шедшим на нас, раздался взрыв. Траки левой гусеницы раскатились, как ток выбило. У люка механика — водителя сидел в танкошлеме майор. Нас обдало горячим воздухом, но никого не поцарапало, лишь немного оглушило.

Оглянувшись, увидел машину, генерала и офицеров, сразу к ним, докладывать генералу. А генерал — офицеру и автоматчикам дает команду «Разоружить! Расстрелять!»

В это время подошел еще один «виллис», из него вышел полковник, подошел к генералу. А я — руку и пилотке, представляюсь и докладываю: «Сегодня ночью мы оборудовали брод и построили мост...», а генерал: «...а еще гвардейцы! Расстрелять!»

Автоматчики сразу сняли автомат у меня и из кобуры вытащили револьвер. Слышим команду: «Десять шагов вперед!» Мы были, видимо, очумевшие, под щелканье затворов пошли в сторону воронок. Прошли 10, 20 — больше 30-ти шагов. Команда «Стой!», «Садись!», — сели на краю воронки.

Иван Степанович достал кисет: «Закурите!» Свернул мне «козью ножку», поджег ее. До этого я не курил, а тут закурил. Сидим, молчим, дымим. Солнце уже высоко, а мы не ужинали и не завтракали.

И вот команда «Встать!», «К генералу!» Подошли. Снова докладываю. А генерал: «Где удостоверение?» Я достал, а генерал продолжает: «расчетную книжку!», у Ивана Степановича взял красноармейскую книжку.

Все документы генерал передал рядом стоящему офицеру и сказал: «...передам военному прокурору и если только по вашей вине подорвались танки, вас будет судить военный трибунал!»

Сели в машины и уехали. Танки перешли брод, по колеям ранее прошедших танков обошли цепи пехоты и уже скрылись из видимости.

Старший сержант Работяга и сержант Черненко рассказали, что когда мы с Гончаровым сидели у воронки, полковник, а это был командир 1-й гв. инженерной бригады Иоффе Михаил Фадеевич, сказал генералу: «этот офицер не виноват, это мы попросили у 3-й гвардейской танковой армии помочь нам оборудовать брод и построить мост — эту работу они выполнили!»

Примерно к полудню привезли обед и сняли нас с этого участка. У шести подорванных танков велся ремонт, а саперы инженерной бригады заканчивали разминирование минного поля, установленного фашистскими саперами.

По окончании академии имени В.В.Куйбышева я был оставлен в академии командиром войсковой части обеспечения учебного процесса академии. Во вновь принявшем кафедру минно-взрывных заграждений генерал-майоре я узнал того самого полковника и при первом удобном случае рассказал Михаилу Фадеевичу о «расстреле» младшего лейтенанта в Курской битве.

Михаил Фадеевич не только хорошо все помнил, но и сказал; что Виктор Кондратьевич Харченко — начальник инженерных войск — сдал в печать книгу о 1-й гвардейской инженерной бригаде, которой тогда командовал Михаил Фадеевич, а Харченко был начальником штаба. И еще — ведь бывает же так: с 1966 года этажом выше в одном доме, одном подъезде со мной живет дочь Михаила Фадеевича — Инна Михайловна.

Михаила Фадеевича давно уже нет. Но память о нем, как исключительно порядочном, принципиальном и справедливом человеке, сохранилась. И видимо, в характере русского человека забывать плохое, а хорошее помнить всегда.

Михаил Фадеевич часто навещал свою дочь, я с ним также имел много встреч. Встречаю Инну Михайловну — всегда вспоминаю ее

замечательного отца. Горжусь, что на моем жизненном пути произошла встреча с таким человеком.

НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

Грозowymi сполохами высвечивает память события далеких и тревожных лет. Фашистские самолеты беспрерывно сбрасывали на наши позиции смертоносные грузы, выполняя планы своего командования — не допустить организованного подхода и форсирования Днепра советскими войсками. Но несмотря ни на что наша армия продолжала преследовать противника. За двое суток мы преодолели расстояние почти в 200 километров и к исходу 21 сентября вышли к Днепру.

За широкой, в большинстве своем заболоченной поймой, густо поросшей тростником и кустарником, несла свои воды могучая река. Бойцы и командиры всматривались в противоположный, правый, берег. Он круто обрывался к узкой пологой береговой полосе, и только в отдельных местах имелись овраги и промоины, по которым можно было подняться от Днепра.

В ночь моему взводу было приказано переправить через Днепр группу разведчиков. На них возлагались большие задачи. Чтобы организовать переправу, требовалась смекалка, умение владеть веслами, ну и, безусловно, недюжинные смелость и находчивость.

Оснастив лодку, я отобрал 4-х наиболее выносливых саперов, поручил им грести, а сам сел за рулевое весло. Разместив разведывательную группу, в полной тишине мы отошли от берега.

Медленно приближался безмолвный, угрожающе неизвестный берег. При вспышках ракет он казался черным, неприступным. Однако саперы-гвардейцы: сержант Работяга, рядовые Меркатан, Чернораенко и Рикаш уверенно работали веслами. Как и я, они выросли на крупных реках, с детства обучены владению веслами; кроме того, были обстреляны в боях и верили в своего командира, как и он в каждого из них. Лодка подошла к берегу, мы распрощались с разведчиками и благополучно вернулись. Через некоторое время саперы снова отправились в рейс, уже с мотострелками.

Сложнее было переправить на правый берег технику. Снова на помощь пришла смекалка, решительность, боевая дерзость наших саперов. Было решено: из имеющихся 15-ти резиновых лодок собрать два паромы для переправы танков, самоходных установок, автотранспорта, артиллерийских систем и других грузов.

Как помогли мне прочные знания и практические навыки, полученные в Черниговском военно-инженерном училище! Лекции преподавателей, занятия по сборке переправочных средств на бурной реке Иркут в сложных условиях, где работа курсантов доводилась до автоматизма, — здесь, в боевой обстановке, приобрели конкретное значение. И хотя подчиненные бойцы до этого момента были незнакомы со сборкой паромы, молодой офицер смог наладить работу так, что она была выполнена досрочно.

За моим взводом закрепили 15-тонный паром. Круглосуточно работали саперы, перевоза на правый берег личный состав, артиллерию, снаряды, обратно — раненых. Отдыхали во время обратных рейсов, когда паром был незагружен. Переправа осуществлялась с помощью каната. Тянуть канат всегда помогали переправляемые. Иногда артиллерийские снаряды противника поднимали вокруг султаны воды. Но все-таки здесь было сравнительно тихо. Уже в 2-х километрах, где армейские саперы под руководством полковника Онучина строили низководный мост, авиация немцев бомбила их непрерывно.

Во время переправы на правый берег оперативной группы, в составе которой был командующий армии; на паром налетели немецкие стервятники. Паром находился на середине Днепра, но саперы не растерялись, продолжали свою нелегкую работу.

Правда, в этот день треволения не кончились. Когда возвращались с правого берега, паром начало сносить течением. Ниже, в 3,5-4-х километрах за поворотом — немецкие позиции. Скомандовал: «К баграм, тралить дно!» и первый приступил к действию. Подбежавшие саперы выбрали зацепившийся за багор канат и благополучно вернулись на левый берег.

Командующий объявил благодарность и приказал за мужественные действия всех саперов взвода представить к награде.

ПОД РОТМИСТРОВКОЙ

Боевые действия нашего корпуса в последние дни января 1944 года носили ожесточенный характер. Обстановка постоянно менялась. Наш 7-й гвардейский танковый корпус несколько раз перебрасывался с одного направления на другое.

Взвод, которым я командовал, был придан 2-му мотострелковому батальону 23-й гвардейской мотострелковой бригады с задачей установить противотанковые мины на танкоопасном направлении, не допустить прохода фашистских танков.

С утра 28 января фашисты после короткой артподготовки на участке батальона перешли в атаку — мотострелки стояли насмерть, проявляя мужество и стойкость. Они подпускали противника на близкие расстояния, забрасывали гранатами, расстреливали пехоту из автоматов. Бой продолжался несколько часов.

Уже смеркалось, когда фашисты предприняли очередную атаку. Командир 23-й гвардейской мотострелковой бригады А.А.Головочев выжидал, раздавались лишь редкие автоматные очереди, наши пулеметы молчали, минометов и артиллерии не было слышно.

Вдруг — сигнал ракеты. Сразу все заработало. Из первой траншеи поднялись автоматчики в атаку, стреляя на ходу. Фашисты не ожидали контратаки, их цепи все редели. Тогда поднялись бойцы из 2-й траншеи и ворвались в расположение фашистов. Враг отступил. Воины остановились и залегли, когда из деревни Ротмистровка раздался сильный пулеметный огонь, и артиллерийско — минометные разрывы накрыли цепи мотострелков.

Минное противотанковое поле перед фронтом оказалось в тылу 2-го мотострелкового батальона. Мины необходимо было обезвредить — вынуть взрыватели, складировать и подвести. Тяга — лошадка и сани.

Ночь, снег. Взвод — всего 12 человек. Командиру отделения сержанту Черненко поручаю отделением обезвредить, снять мины и погрузить на сани. Со своим заместителем иду к командирам батальона и роты в места установки минного поля.

Фашисты работать не мешают, видно, приходят в себя. Мотострелки размещаются в траншеях и окопах, в которых недавно были фашистские солдаты. Подошли к окопу командира взвода, младшего лейтенанта. Обрадовался. Весь какой-то возбужденный, видимо, первую или вторую неделю командует. «Замурзанный», в бушлате, да и все воины были в бушлатах. Спрашиваю, где у твоего взвода первая траншея, чтобы впереди нее установить мины. Он показал рукой вперед, к Ротмистровке: «Там впереди отделение» и сказал, что даст двух «цириков» — так добродушно Головачев, много лет служивший в Монголии, называл своих воинов.

Нас стало четверо. Тишина, небольшой снежок. Идем смело, бодро, впереди — отделение. Вооружены, у меня автомат на ремне, «вальтер» за пазухой, гранаты в кармане, у помкомвзвода вооружение такое же, у автоматчиков — автоматы. Сами они молодые, рослые ребята.

Прошли не более 150-200 метров, как перед нами оказалось три человека с лопатами, дальше видны были люди. Я подошел почти вплотную, сзади меня по сторонам остановились сопровождающие.

Спрашиваю: «Товарищ, вы из какого батальона?» — молчание, соседи прекратили работу. Тогда я повторил вопрос громче: «Какого черта, почему молчите?»

И вдруг один как заорет: «Рус, рус!!!» Мы мгновенно развернулись, и бегом в темноту, залегли. Фашисты опомнились, когда мы были от них метрах в 20-25, и сразу открыли бешеный огонь. И вдруг, снова тишина. Огляделись, стали подниматься. Но что это? Не могу поднять левую руку, да и за ворот теплое что-то течет. Все же добежали до своих.

На руку наложили жгут, голову забинтовали — была царапина. Командир стрелкового взвода спрашивает: «А где мое отделение?». К этому времени на санях стали подвозить мины, установили их перед батальоном. Командир батальона благодарил саперов.

Автоматчики обрадовались, что перед ними мины. Нина Чуднова, батальонный врач, оказала мне первую медпомощь, но вопреки моим желаниям отправила в госпиталь. В личном деле отметили, что я был легко ранен 29 января 1944 года. Ранение пулевое, сквозное левого предплечья, плеча и скользящее по затылочной части головы.

Когда я был в госпитале в г. Киеве, начальник штаба батальона Галин Б.П. в письме сообщил, что мне присвоили воинское звание лейтенант и что на установленных минах перед батальоном и на фланговом минном поле, которое было установлено раньше, подорвалось два фашистских танка.

Многих бойцов взвода представили к награде, а погибшего на минном поле ефрейтора Моисеева 1916 года рождения и меня, убывшего в госпиталь, как отсутствующих не представляли. Мы сражались не за награды, о них не думали, для нас высшей наградой была Победа. Каждый день нас учил, и мы накапливали опыт, главное — быть всегда в боевой готовности.

В ДЕРЕВНЕ ФАСТОВЕЦ

Штаб нашего 7-го гв. танкового корпуса вечером 10 ноября 1943 года, после длительного марша, стал размещаться в уютных украинских хатках деревни Фастовец.

Бригады корпуса, преследуя и уничтожая разрозненные группировки фашистов, стремительно двигались на запад.

Вечер был тихий. Теплый. На улицах царило оживление. Сердца всех были переполнены радостью побед, особенно освобождением древнего города Киева, столицы братской республики Украины.

Я всегда восхищался организацией охраны и обороны штаба, четкой и слаженной работой штабистов.

Мы, два взвода инженерно-минной роты саперного батальона корпуса (одним взводом командовал лейтенант Михеев Дмитрий, вторым — я, младший лейтенант), составляли противотанковый резерв корпуса, непосредственно подчинялись начальнику штаба корпуса и постоянно находились в боевой готовности, имея по 200 противотанковых мин ЯМ-5. После бессонных ночей, уставшие, поужинав обильным угощением гостеприимных жителей Фастовца, освещаемые луной и звездами, под мягкий украинский говор вдыхая аромат ржаной соломы и сена, прижав автоматы и накрывшись плащ-накидками, мы уснули в сарае, рядом с оперативным отделом штаба.

Вдруг меня будит посыльный: «Срочно в штаб!» Начальник штаба корпуса полковник Лазовский поставил задачу: подготовить личный состав и быть готовым к минированию.

Тишина. Не стреляют. Нет разрывов снарядов. Не слышно работающих моторов. Иногда только окрик часового да лай собак нарушали тишину. Кругом тихо, слышно лишь похрапывание крепко спящих 18-летних ребят.

Среди ночи, в 2 часа, получаем задачу и приступаем к ее выполнению. Взвод, а во взводе осталось человек 10-12, минирует картофельное поле. Слева — грунтовая дорога с глубокими кюветами, кювет переходит в крутой откос, который возвышается на 2,5-3метра над картофельным полем и плавно опускается в 50-70 метрах в заболоченную низину. По низине течет ручей, берега поросли кустарником и высокой травой.

Взвод Михеева минирует огороды, примыкающие к картофельному полю, и улицу, на которой жилые и хозяйственные постройки с обеих сторон дороги.

Работу по минированию выполнили и к рассвету, часам к 6.00 сумели отрыть окопы полного профиля по всему фронту впереди на 20-25 метров от минного поля. Наша беда и трагедия заключалась в том, что у нас не было бутылок с горючей смесью, противотанковых и противопехотных гранат.

Где-то впереди нарастал гул танковых моторов. Минеры-друзья уральские парни Уханов и Муралев, находившиеся на левом фланге минного поля в 20-25 метрах от меня, отрыли один окоп на двоих. Пока я руководил установкой мин, отрыл окоп мой ординарец Пятикоп Ваня на скате возвышенности, обращенной к минному полю.

Из окопа полностью просматривалось минное поле, все окопавшиеся минеры. Окоп наш от откоса дороги находился в 1,5-2 метрах. Сзади метрах в 20-25 находился сарай, а в 50-60-ти метрах от него начиналась улица, жилые и хозяйственные строения. Ивана Пятикопа я отправил в штаб.

Внезапно утреннюю тишину прервали взрывы снарядов. По хатам, где был расположен штаб командира корпуса генерал-майора Иванова, начальника штаба корпуса полковника Лазовского, оперативного отдела, начальников служб, был нанесен короткий огневой налет. Покрытые соломой, хаты загорелись, в деревне раздались крики, рев животных, лай собак, стоны раненых, плач детей и женщин. А из утреннего тумана, стреляя на ходу из пушек и пулеметов, зловеще вышли фашистские танки.

Первым был ранен младший сержант Абитаев — командир отделения, который шел проверять минеров в окопах. Он сумел доползти до кювета и по кювету отползти в тыл. Проползая мимо меня, передал, что была дана команда «отступать!», но нам уже некуда было отходить: наши позиции находились на открытой местности, они не только отлично просматривались, но и простреливались.

Первый фашистский танк проскочил минное поле, в котором было два ряда мин, установленных друг от друга на расстоянии 4-х метров по фронту. Второй танк подорвался в 20-25 метрах от меня. Автотранспорт штаба и тыла корпуса полностью вышел из деревни по полевой дороге, проходящей по ложине.

Из башни подорванного танка по пояс выглянул фашистский танкист, я очередью из автомата сразил его. Фашисты тело повисшего на башне танкиста затащили в танк, развернули башню танка и начали стрелять по мне из пушки и пулемета. Так все время и держали на прицеле, только приподниму пилотку — очередь, выгляну — направлена башня на меня.

Фашисты определили, что минеры впереди минного поля, и начали «утюжить» окопы минеров. Остановились у окопа старшего сержанта Дробины, предлагали: «Рус, сдавайсь!» Дробинин ответил: «Русские не сдаются!» Его расстреляли. А на окопе Уханова и Муралева фашистский танк развернулся несколько раз. И через меня прошел танк Т-4, остановился, но, не развернувшись, опасаясь перевернуться, ушел медленно задним ходом. Я держал автомат наготове — если вдруг танк остановится надо мной и откроют нижний люк, то дам очередь. А подорванный танк с направленной на меня башней все стоял.

День был пасмурный, часов не было, спросить время не у кого. Несколько раз засыпал, а автомат держал крепко: патрон в патроннике, затвор на боевом взводе.

Вдруг очнулся, вижу, на меня идут два немца — оружие наготове, громко разговаривают. Одно мгновение, автоматная очередь, и оба упали. А сзади них — цепь немецких солдат, видимо, рота.

Даю длинную очередь по цепи — осечка (гильза осталась в автомате), удар ладонью по крышке ствольной коробки, опрокидывание ППШ, выбрасывание стрелянной гильзы, и снова длинная очередь. Выпрыгиваю из окопа — за сарай, к ручью, через ручей и наугад в поле. Уже смеркалось.

Вижу — окапываются, но в сумерках не вижу — кто: А меня давно заметили, следили за мной, и вдруг окрик: «Стой, кто идет?» Подошел, меня окружили, спрашивают, рассмотрел — это огнемечки. Сказали, что уже несколько человек через них прошло, показали куда идти, где деревня.

Это оказалась деревня Великие Снетынки, там же находился штаб батальона 54-й гв. танковой бригады. К ним уже вышло несколько минеров взвода Михеева. Они получили команду на отход и под прикрытием строений вышли из опасной зоны. Меня накормили, просушили, собрали всех минеров, а из моего взвода не было никого. Сказали, что Абиатаев и Свиринов, который был ближе к взводу Михеева, оказался раненым, и их обоих отправили в тыл. Но на этом мои испытания не закончились.

Уже было темно, когда вызвали к командиру и поставили задачу со своими (Михеева) саперами провести разведку в деревне Фастовец.

Группой из 5-ти человек по знакомому маршруту двинулись в Фастовец. Ребята показали жердевой переход через ручей. Чуть правее стояли автомашины, без охраны, полностью загруженные обмундированием и продовольствием. Скрытно подошли. Мертвая тишина, даже собаки не лают. Зашли в несколько хат, нам рассказали, что из танка, подорванного на mine, эвакуировался экипаж в подошедший немецкий танк. И показали еще один танк, который также подорвался на mine. Это был тяжелый фашистский танк.

Обошли окопы всех воинов. Забрали у всех документы и награды. Когда проверяли один из окопов, то обнаружили живого и невредимого минера Шлема из Нижнего Новгорода (проходя службу в городе Горьком, в 1953 году я встретил его у Горьковского Дома офицеров, он заканчивал мед. институт), нашли и Уханова с Мурале-

вым. Они, раздавленные танком, лежали голова к голове; были и другие погибшие. Вернувшись, доложил, сдал все документы погибших и там же уснул.

Не прошло и часа — поднимают и говорят, что я мол не был в Фастовце, так как вернулись корпусные разведчики, которые напоролась на немцев в Фастовце, один погиб, один ранен. Дают мне четырех мотострелков 54-й гв. танковой бригады, и я с ними, соблюдая все правила разведки, скрытно подошел к деревне Фастовец. Услышали гортанную немецкую речь, идущий по дороге транспорт, установили, что немцы в деревне все-таки есть. Вернулись, доложили. На этом фастовецкая эпопея закончилась.

Из взвода Михеева парни, которые ходили со мной на разведку, попросили командование перевести во взвод ко мне, их перевели.

Дробина захоронен на станции Боровая. Все погибшие из взвода минеры захоронены на братском кладбище в деревне Фастовец.

В ТЫЛУ У ФАШИСТОВ

Память сохранила события 2-й половины июля 1944 года, когда 3-я гв. танковая армия была введена в прорыв на Львовском направлении. Стояла невероятная жара, шли проливные дожди, из-за чего дороги были раскисшие.

Упорное сопротивление фашистских войск, знаменитый Калтовский «коридор», шириной 4-6 км, глубиной 16-18 км, стремительное движение корпуса в сплошной колонне над непрерывными бомбежками, фланговым прицельным пулеметным и артиллерийским обстрелам — все это надолго осталось в памяти.

Спасала лесистая местность, зенитное наземное прикрытие и господство нашей авиации в воздухе, полезная партийно-политическая работа перед операцией. Безусловно, решающее значение имели материально-техническое обеспечение и стремление быстрее изгнать фашистов с нашей советской территории. Саперные роты батальона были приданы танковым бригадам корпуса, а я — командир взвода инженерной разведки — находился при штабе батальона. Штаб батальона всегда был при штабе корпуса.

На вторые или третьи сутки днем меня вызвали в штаб батальона, в штабе, кроме командования батальона, находился корпусной инженер-подполковник Фастов, а также офицеры штаба корпуса, армии, офицер из штаба фронта.

Я получил задачу с группой саперов-разведчиков взвода, имея ВВ (тротил), готовые зажигательные трубки вечером под прикрытием войти в тыл фашистов и подорвать два моста: один — через небольшую речку, а другой — железнодорожный, севернее Львова (40—45 км).

Со мной задачу получал мой помощник, старшина первой статьи Ковалев Валентин 1918 года рождения — тихоокеанский моряк. Был он выше среднего возраста, недюжинной силы, мгновенной реакции и безупречной исполнительности. По карте нам поставили задачу и проверили её усвоение. Указали возможные позиции фашистов, своё основное решение и другие варианты.

Мы сдали документы, получили 50 кг тротила и 20 зажигательных трубок, патроны, гранаты и немного продуктов. По прямой мосты находились от нас в 42 км, ну а если обходить — то двигаться нужно со скоростью 2,5 — 3 км/ч. Всё просчитали, определили места и время отдыха.

Вечером в боевых порядках находились роты 23-й гвардейской мотострелковой бригады. Короткий артралёт по обороне фашистов, и впереди, в 500 — 600 метрах, загорелись крытые соломой сараи. Мотострелки поднялись в атаку, вслед за ними скрытно начали движение и мы. Нас проводил корпусной инженер и начальник разведки корпуса. Нас было 7 человек, все в маскировочных халатах: я (командир группы), старшина Ковалёв Валентин — мой заместитель, Кульбачный Степан (в конце войны был награждён орденом Красного Знамени), Кривонос Фёдор, Тищенко, сержант Григорьев, Грижимайло. Все имели боевой опыт саперов-разведчиков.

Мы двигались скрытно, в 500-600 м от мотострелков, оторвались вправо — в ложину, кустарники, лес. Боевой порядок был отработан так: впереди — Кривонос и Тищенко, замыкали Григорьев и Грижимайло, ядро — я, Ковалёв и Степан Кульбачный. У всех (кроме меня и Ковалёва) было по 10 кг взрывчатки, у нас — зажигательные трубки. Двигались на расстоянии видимости с остановками, связь осуществляли только при помощи условных сигналов.

Несколько раз меняли направления и обходили огневые позиции фашистов. Так скрытно прошли дороги, населённые пункты, обходить которые приходилось только после тщательного наблюдения за ними. На контакт с населением не выходили — здесь можно было встретиться с бандеровцами — союзниками Германии.

Ночью остановились на 3 часа отдохнуть, с рассветом продолжили движение. Я верил своим разведчикам, а они верили в меня. Я в совершенстве ориентировался на местности в любое время. При со-

вершении маршей, особенно в ночное время, всегда был с картой в головной машине колонны и точно в назначенный пункт выводил колону.

При пересечении некоторых шоссе дорог приходилось долго наблюдать и пропускать колонны фашистов — артиллерию на конной тяге. Для нас это было неожиданностью, так как мы всегда считали, что у немцев были только моторы, а, оказывается, у них была и кавалерия. Таким образом, мы сделали вывод, что это были власовцы.

Вошло солнце, мы смогли обсушиться. Слышны были взрывы, рев танковых моторов. Мы были вынуждены ждать темноты, а это мучительно. Показываться нельзя — много хуторов, местность в основном равнинная, хорошо просматриваемая. Наступил вечер, и мы снова двинулись в путь. Нам приходилось долго ждать, пока проедет даже маленькая повозка. С наступлением темноты мы были в 2-3 км от первого моста. Решение подорвать его приняли на рассвете, а железнодорожный мост находился в 2-2,5 км от этого моста.

Только обозначился рассвет — мы у моста. Но когда внимательней осмотрели мост, то приняли решение не взрывать — по нему телега не проедет, настолько он был шаткий, да и дороги к нему не было, машина на лугу застрянет. Таким образом, мы спасли взрывчатку на железнодорожный мост, к тому же не обнаружили себя взрывом.

Ускорив движение, устремились по тропинке к железнодорожному мосту, но были остановлены сигналом головного дозора. Перед нами оказался мост: 15-20 метров пролет, с бетонными опорами, в насыпи высотой 4-5 метров. У моста маячили две фигуры; с нашей стороны в метрах 50-60 от моста стояла будка, Кривонос и Кульбачный двинулись к ней, а Ковалев и Тищенко — к мосту, прикрывают Григорьев и Грижимайло, остальные же пошли со мной.

Уже светало, вдруг одна из фигур двинулась к будке, а за будкой Кривонос и Кульбачный уже расправились с немцем, второго постигла та же участь — это была охрана моста. Мы быстро поднялись на насыпь, а там — пять ящиков взрывчатки, в каждом по 25 кг. Всю взрывчатку: свою 50 кг и 125 кг немецкой — в один заряд. В щель по обе стороны моста — по 200 г заряда.

По команде зажгли сначала длинные, а потом короткие зажигательные трубки и бегом стали отходить. Противоположный берег был высокий, железная дорога проходит в выемке. По скатам, видимо, проходила оборона. Когда мы на мосту укладывали взрывчатку, кто-то кричал в нашу сторону, а от него до моста было 100-150 метров, не более.

Мы были уже метрах в 300-500, когда раздался мощный 175-килограммовый взрыв тротила, но самое страшное ждало нас впереди. Мы двигались на восток, разрывы между наступающими были большие. Видимо, и в других местах действовали диверсионные группы, и немцы в тылу своих войск организовали патрулирование.

Мы искали леса, но в западных областях были в основном огромные площади, засеянные зерновыми. Нас засекли, когда мы стремились к лесу через поле. Валентин Ковалёв решил остаться для прикрытия, Грижимайло и сержант Григорьев остались с ним.

Мы ушли в лошину, по ложине к кустарнику и через лес на следующий день вышли к своему батальону. Вечером вызвали в хатку, там находились командир батальона капитан Романов В.Н., заместитель командира корпуса полковник Кузнецов, корпусной инженер подполковник Фастов и начальник контрразведки корпуса. Я им докладывал несколько вечеров, а корпусной инженер: «Почему не подорвали деревянный мост?» Я ему пытался доказать, что это было бесполезно, но он всё настаивал на своём: я не выполнил приказ.

Всех, кто был со мной, тоже спрашивали и всегда делали упор на то, где находились Ковалёв, Григорьев и Грижимайло. Меня ни куда не посылали, а недели через две в батальон прибыли Григорьев и Грижимайло и рассказали, как погиб Ковалёв Валентин. Они попали к партизанам Медведева. Я был знаком с Марией Александровной Фортус — она у Медведева была в отряде начальником разведки, у неё изумительная память, она помнила сапёров-подрывников и обещала посмотреть в архив. С Марией Александровной несколько встреч было в Москве и в 1979 году — в г. Львове.

Память возвращает в суровые, огненные годы, когда день превращался в ночь, а ночь становилась днем. Встает образ мужественного тихоокеанского моряка, старшины 1-й статьи Валентина Ковалева. Он погиб, прикрывая нас. А за ним — старшина Михед, мой первый заместитель — секретарь парторганизации 1-й саперной роты. На батальонном собрании перед Курской битвой обратился он с просьбой принять его в члены партии, и его просьба была удовлетворена. В Курской битве погиб и командир 1-й саперной роты капитан Данилов, кадровый военный.

Мы в долгу перед всеми павшими. Мы остались живы, они нас защитили, они защитили наше Отечество.

Во время нашего наступления на город Лаубан, объявленный Гитлером крепостью и потому особенно упорно защищаемый фаши-

стами, мой взвод, как обычно, действовал с танкодесантниками из 23-й мотострелковой бригады полковника Головачева А.А.

Враг сопротивлялся с отчаянием обреченного, но смелых атак наших автоматчиков не выдерживал и отходил. Фаустники один за другим подожгли 2 танка, атаковали мост, который соединял две части города. Поперек моста вражеские саперы уложили, подожгли заряд ВВ и побежали в укрытие, к пушке.

Я рванулся к мосту. Ожидавшие взрыва немцы спрятались, а я смог вырвать запалы раньше, чем по мне был открыт шквальный огонь из всех видов пехотного оружия. На мост понеслись наши «тридцатьчетверки», за ними бросились мотострелки и мои саперы.

Когда врагу удалось на какое-то время отрезать корпус от основных сил армии, я со своим взводом вместе с мотострелками полковника Головачева участвовал в напряженных уличных боях, где порой один этаж здания оказывался в наших руках, другой — в руках фашистов.

Командир корпуса генерал-майор Новиков Василий Васильевич с группой офицеров штаба 7-го ТК все время находился в отрезанном от основных сил корпуса городе Лаубан.

Взвод инженерной разведки находился постоянно при командире корпуса и выполнял его задания по разведке позиций фашистов. Было доставлено несколько «языков». Возвращаясь из ночного поиска, группа разведчиков вышла на боевое охранение фашистов и полностью его уничтожила. Оружие привели в негодность, только как трофей взяли пулемет.

С 15 на 16 и с 22 на 23 февраля группой в пять человек выходили в штаб корпуса за картой оперативной обстановки. С 4 на 5 марта группой провели разведку маршрута, по которому с 5 на 6 марта на бронетранспортере с командиром корпуса во главе колонны выходили из города Лаубан. Наш взвод побывал в самых невероятных ситуациях. Все задачи выполнял, поэтому наверное, командир корпуса взял нас под свое непосредственное подчинение. Мы друг друга понимали с полуслова, а главное — стали исключительно дружным единым коллективом.

Так же было и в Берлинской операции, и самом Берлине.

ПРАГА ЖДЕТ

Успешный марш из Берлина на Прагу, ожесточённые бои за Дрезден, разгром фашистов у Рудных гор и остановка разведывательных

групп бригад и корпуса на перевалах гор — эти события один за другим сменяли друг друга. Фашисты успели подорвать мосты, а дороги проходят в каньонах: слева — отвесные скалы от 150 и более метров, справа — каньон глубиной до 50 метров. Через боковой каньон слева был мост, но своими силами восстановить или построить его оказалось невозможным.

Отряды по обеспечению движения инженерной части ещё к этому времени не подошли. Перед нами стояла задача выйти на Тейплиц-Шанов. Еловые леса, покрывавшие горы, были чистые, ухоженные, но для транспортировки спиленного леса должны быть дороги. Мы решили начать движение по откосу в западном направлении в поисках таких дорог.

Несколькими часами ранее на подходе к Рудным горам был бой, у фашистов, кроме стрелков-фаустников, были пушки и танки. Мы двигались вслед за передовым отрядом и оказали первую помощь двум экипажам подбитых танков.

День 8 мая был солнечный, сухой. Дозорные Кривонос Фёдор и Кульбачный Степан, идущие впереди, остановились, направились к нам с вооружённым мужчиной. Я спрашиваю: «Кто это?» А подошедший пальцем тычет в себя и говорит: «Майор! Чех, партизан! Командир!», открыто смотрит в лицо, а сам радостный, волнуется.

В группе был красноармеец Лигаминов, свободно говорил по — немецки, и этот майор немного говорил и понимал по — немецки. Он сообщил, что Чехословацкая Армия после разгрома вынуждена была уйти в Рудные горы и перешла на партизанскую войну с фашистами. Мы поинтересовались, есть ли переход через Рудные горы? Майор ответил утвердительно. Так же сообщил, что жители Праги ждут Руде Армаду, Красную Армию! Он сказал, что есть переходы через горы, что по этим дорогам транспортируют лес тросами небольшими тракторами и что они нам помогут.

По сигналам майора подошли к нам человек 20, эта встреча братьев по оружию была тёплая, радостная. С помощью чехословацких партизан — рослых крепких парней в старой, потрепанной чехословацкой военной форме — начали движение по указанной чехами лесной дороге.

Подошёл наш «Додж — 3/4». Это была одна из лучших машин для армии, у неё обе ведущие оси, высокая проходимость, низкий кузов, на откосе машина устойчива. Радиус поворота дороги был большой, что обеспечивало транспортировку деревьев длиной 15 и более метров.

Подошли три студебеккера нашей первой сапёрной роты, командиром которой был капитан Заостровцев Григорий Васильевич, прибывший в батальон после Днепра из госпиталя. 1-я сапёрная рота составляла отряд обеспечения движения корпуса.

Григорий Васильевич был старше меня лет на 8-10, он участвовал в Финской войне, исключительно опытный сапёр и авторитетный. Мы продвинулись к гребню. За многие тысячелетия скаты гор были покрыты почвой, и чем выше мы поднимались к гребню, тем тоньше становился слой почвы, а гребень был настолько крут, что машина не могла вытянуть орудие через него. Эту задачу решили саперы, подрывая гребень. Работа длилась несколько часов. После перевала уклон скатов был ещё больше, а в некоторых местах даже дух захватывало, но для нас препятствий не было.

Вслед за нами перешли ещё несколько разведывательных групп и сразу начали движение на Прагу. Григорий Васильевич стал обозначать переход корпусными указками и начал готовить места подрыва на гребне. Для сапёров эта работа профессиональная, но она требует исключительных мер безопасности, поэтому было выставлено оцепление.

А майор всё со мной следовал, я понял, что ему надо в Прагу. У меня 14 человек, мест нет, а он говорит, что он один, а свой отряд потом в Праге встретит и показывает на планшет, что штаб у них в Праге. Да и разведчики взвода стали просить, чтоб я его взял — уж очень он им понравился. Во взводе у меня были русские, украинцы, татарин, мариец, а теперь и чех — это уже интернационал.

Уже темнело, когда мы вышли на основную магистраль к Праге. 2 — 2,5 часами ранее через перевал прошло несколько бронетранспортеров, перетавивших несколько мотоциклов. Это, видимо, были разведывательные группы бригад и корпуса.

Но впереди нас никого не было, не было и населённых пунктов. На карте обозначена река. Подъезжаем, метров за сто вперёд двинулся дозор, я и чех со мной — к мосту. Посветили фонариком — чисто, никого нет, но вдруг кто-то осветил под мостом: там были два фашистских солдата, руки подняли, головы опустили, согнулись. Мы решили дальше не ехать, проверили дом на другом берегу — он оказался пустой, всё было оставлено, мы выставили охрану, нашли каморку, посадили туда немцев, перекусили и уснули.

Начало светать, с гор доносился шум танковых моторов — это была наша 54-я гв. танковая бригада. В этом домике впоследствии ос-

танавливался штаб нашего 121-го отд. гв. сапёрного батальона, снял охрану моста во главе с разведчиком Барминым. А мы с передовым отрядом корпуса уже входили и с ходу вступили в бой. На танках десантом въезжали оставленные в Рудных горах чехи. Командир чешского отряда и его воины были среди нас. Они показывали, где засели эсесовцы. Бои были скоротечны, погода теплая. Здания украшались спускавшимися с верхних этажей до асфальта портретами И.В.Сталина на красных полотнищах. Повсюду слышалось: «Наздар! Наздар!» Прага ликовала!

Это было 9-го мая 1945 г. Впоследствии от имени президента Чехословацкой республики мне вручили Чехословацкий военный крест — высшую военную награду и медаль участника Пражского восстания.

ПАМЯТЬ — НАШЕ ОРУЖИЕ

О войне не только говорить и писать, но и вспоминать трудно. Здесь не только месяц, день, но и час пребывания — это подвиг! Война и поныне напоминает о себе. Война — это каждодневный героический ратный труд. Война — это смерть для всего живого.

Мое поколение воспитано было в бескорыстном служении Отечеству. Эти качества мы сохранили. В силу своих возможностей, не думая о себе, и ныне стремимся донести правду до сознания своих внуков и правнуков. Чтобы отстаивать историческую правду, я преследую цель — донести до молодежи смысл и значение подвига старшего поколения, спасшего Отечество, сделавшего все во имя Победы!

Только память хранит события и эпизоды героического прошлого, формировавшего беззаветную преданность к своей Великой Родине, стойкость и веру в Победу.

Личный вклад в Победу.

Уничтожил 10-15 фашистов в деревне Фастовец 11 ноября 1943 г.:

- танкиста подорванного танка;
- двух фашистских солдат в 5-7 метрах от своего окопа;
- нескольких фашистов в цепи от меня в 50-70 метрах двумя очередями.

На Сандомирском плацдарме летом 1944 г.:

- фашистского солдата-наблюдателя из немецкой винтовки.

В городе Лаубан в феврале 1945 г.:

- в ночном поиске красноармеец Дундин, в двух шагах от меня, наступил, в окоп, где был фашист. Я выстрелил из пистолета, и фашист осел в окопе;

- в уличных боях не менее 7-10 при контратаках фашистов.
- Разминировал:
- мост в городе Лаубан — февраль 1945 г., через р. Лаубан (в период боя);
 - лично разминировал фашистские противотанковые мины в Курской битве (июль 1943 года), на территориях Украины и Польши (лето 1944 г.);
 - обезвреживал, вставлял взрыватели в свои мины ЯМ-5.
- В составе взвода:
- проделывал проходы в минных полях в период Курской битвы — 6 проходов;
 - проводил сплошное разминирование;
 - вел разведку минных полей на территории Польши;
 - строительство мостов, оборудование брода и пропуск через брод танков — август 1943 г.;
 - оборудование наблюдательных пунктов:
 - для командира корпуса в Курской битве на территории Польши (Сандомирский плацдарм);
 - для командующего армии (генерала Рыбалко П.С.) на правом берегу Днепра;
 - оборудование переправы через Днепр и переправа 76—77 единиц (702 легко-самоходный артполк), а также СУ артиллерии личного состава.
 - постоянное ведение разведки маршрутов;
 - личным составом взвода на территории Германии пленили группу немецких солдат.

Январь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь **Бородина Ольга Владимировна**, студентка 2-го курса Московского авиационного института

Чуриков Павел Владимирович

НАУТРО ВСТУПИЛИ В БОЙ

Родился 9 января 1915 в деревне Колонтаево Ногинского района (Богородский уезд до революции) Московской области.

До войны окончил 7 классов. После школы поступил в Ногинский педагогический техникум, но из-за плохого материального положения в семье пошел работать.

В 1938 г. был призван в армию, служил в Белоруссии на польской границе, потом, в 1939 г., часть, где я служил, отправили в Монголию (Япония нарушила границу дружественной Монголии, и мы поехали на помощь, дать отпор японским империалистам).

Когда доехали до Томска, сообщили, что японцев уже разбили. Нас разгрузили и оставили по месту разгрузки на реке Иртыш. Там мы разбили палаточный лагерь.

Оттуда я поехал учиться в танковое училище, но после окончания первого курса обучения роту, в составе которой был я, перевели в Свердловское военное пехотное училище. Это был приказ Сталина. Нам объяснили это следующим образом: во время войны с Финляндией были потери со стороны среднего офицерского состава, и теперь в армии взводами командуют сержанты, поэтому танкистов еще хватает, а пехотинцев нет.

Свердловское военное училище я закончил в 1940 г. После войны из Московского округа приезжали ко мне и спрашивали: «Кто ты есть?

танкист или пехотинец? Хоть ты и окончил пехотное училище, а числишься танкистом. Мы приехали разобраться, кем ты себя считаешь». Я ответил, что танкистом. Они сказали: «Ну, тогда будем считать тебя танкистом». В 1941г. командующий Свердловским военным округом собрал офицеров-танкистов на трехмесячное обучение управлению бронетанковыми войсками.

В это время началась Великая Отечественная война. После обучения меня направили на оборону Москвы в 6-ю армию под командованием генерала Лелюшенко Д.Д..

От Москвы до противника было 8-10 км. С фронта меня послали в Челябинск, в центральное управление бронетанковых войск. Там, на заводе, мы смотрели, как собирают тяжелые танки КВ, через два месяца я получил роту тяжелых танков и был отправлен в расположение своей армии.

С танками в Москву прибыл 30 ноября 1941 г. Моя рота была направлена в 45-й танковый батальон, который готовился к наступлению. 1 января 1942 г. мы пошли в атаку. За зиму мы отогнали немцев от Москвы более чем на 200 км; после разгрома немцев под Москвой меня направили в офицерскую школу ленинградских танкистов в Магнитогорск. По окончании трехмесячного обучения я был назначен в Уральский добровольческий танковый корпус на должность начальника штаба батальона.

ФОРМИРОВАНИЕ 10-ГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

В начале войны Свердловская, Челябинская, Пермская области обратились с просьбой к Сталину разрешить создание Уральского добровольческого танкового корпуса, состоящего только из добровольцев. В этот корпус области просили дать только часть военных офицеров, а танки, машины, оружие обещали сделать сверхурочно. В составе корпуса все, кроме офицеров, назначенных из армии, были добровольцами.

Товарищ Сталин дал добро на формирование этого корпуса, было дано три месяца на его организацию. К нам начали прибывать солдаты-добровольцы. Но брали только тех, которые могли себе найти замену в трудовой деятельности. Так, если приходил рабочий с завода, спрашивали, есть ли у него замена, если есть (сын, жена или другие родственники), то он должен был их обучить в короткий срок, а его брали в ряды корпуса; если замены не было, то ему отказывали.

Наша Челябинская добровольческая танковая бригада находилась в Магнитогорске на обкомовских дачах. Было дано задание в течение 3-х месяцев подготовить личный состав танковой бригады к ведению войны. За эти три месяца мы провели тактические занятия с подразделениями по ведению боя в составе взвода и роты; много времени уделялось обучению специальности танкиста: заряжающих, наводчиков, радистов. Учеба длилась без выходных, добровольцы очень старались.

На митинге 9 мая 1943 г. секретари обкомов Свердловской, Челябинской, Пермской областей напутствовали добровольцев не щадить немецко-фашистских захватчиков.

После Первомайского праздника 1943 г. нас с танками начали отправлять в распоряжение фронта. В мае мы сосредоточились в районе Подмосковья. В это время стоял вопрос о нашем непосредственном участии в разгроме немцев на Орловско-Курской дуге. Нас перевели в Орловскую область.

Ночью танки заняли позиции в небольшом лесочке. Рано утром вышли на исходную позицию, до Орла оставалось еще 100 км. Часа в 4 нам дали команду: в атаку. Местность была пересечена оврагами, небольшими речушками. Где-то сзади была деревенька. На крыше одного из домов командир бригады наблюдал, как танки пошли в атаку. Недалеко от исходных позиций танков находился штаб бригады. Мы доложили, как танки пошли в атаку, что все хорошо.

Вдруг меня вызывает начальник штаба: «Где ваш батальон?» — Я: «Пошел в атаку». Командир бригады звонит с вышки и говорит, что не видит 1-го танкового батальона. Я звоню командиру батальона и членам экипажей — никто не отвечает. Начальник штаба передал ему мой ответ. Командир бригады говорит: «Пусть Чирков узнает, где батальон и что с ним». Я: «Я всех вызываю, никто не отвечает». Начальник штаба передал командиру бригады, что танки пошли и теперь 1-й танковый батальон не отвечает. Командир бригады приказал начальнику штаба бригады: пусть Чирков идет и ищет свой батальон. Мы с помощником взяли автомат и пошли искать, где батальон.

У переднего края противника была посеяна рожь. Мы стали по следам смятой ржи танки искать. Метров 200 прошли, немцы начали нас обстреливать. Я: «Ложись, ползти будем. Бери автомат. Я поползу по следу, а ты ползи сзади». Проползли метров 200, и я увидел овраг шириной 5-6 метров и глубиной метра 4. Я заглянул туда — там наши танки.

Танки как шли строем, так в этот овраг и упали. Берега были очень крутые. Некоторые машины воткнулись стволами орудий в противоположный берег. Второй ряд, шедший за первым, ударился о танки, о чем я доложил начальнику штаба бригады, он — командиру бригады. Командир бригады приказал: «Чирков командует батальоном вместо командира батальона».

Я доложил, что танки надо вытаскивать и только после осмотра можно пускать в бой. Начал искать аварийно-спасательные бригады. Бульдозерами вытаскивали танки. Чистили пушки, потому что у некоторых танков стволы были наполовину в земле. Командир бригады приказал к исходу дня привести машины в порядок и готовиться к наступлению. Командовать батальоном поручил мне.

Всю ночь мы правили танки. Наутро вступили в бой. Так несколько дней мы воевали с противником, понемногу продвигаясь все ближе и ближе к Орлу. Эта немецкая группировка была отрезана от своих войск, немцы старались выйти навстречу нам, к Орлу, и от Орла перейти к своим. Нам пришлось 2 дня вести бои, чтобы удержать их в окружении. Многие немецкие танки были подбиты, многие брошены. Когда ближе подошли к Орлу, танков у нас оставалось мало. Несколько танков передали в другие части, а сами заняли бывший немецкий лагерь между Орлом и Брянском и там ожидали подхода новых танков для дальнейшего наступления.

В это время с Урала приехала делегация к своим родственникам-добровольцам. Без горя не обошлось. У нас в запасе были люди, мы пополнили ряды личного состава и начали готовиться к дальнейшему наступлению на Орловско-Курской дуге.

В этих боях многие солдаты и офицеры были награждены правительственными наградами, а нашему танковому корпусу было присвоено звание гвардейский, и все три бригады также стали гвардейскими.

Нас направили на освобождение города Львова. Я командовал тогда первым танковым батальоном Челябинской танковой бригады. Пришлось мне идти с батальоном в передовом отряде. Немцы упорно оборонялись на этом участке, и прошло много дней прежде чем мы добрались до Львова. Каждый день мы вели бои, но нашей задачей было сохранить силы для нанесения удара по Львову.

В июне мой батальон был поставлен впереди бригады, для того чтобы ворваться в город. Рано утром, еще не взошло солнце, я первым был направлен на штурм города. До него оставалось примерно 5-6 км. Когда рассвело, я с батальоном двинулся на город. При подъезде к окраинам города немцы обстреливали нас и подбили два танка. Мы

вышли на центральную улицу — Зеленую, на домах было написано по-немецки «der Gruhne Straße».

По двум центральным улицам — Зеленой и Каховской — я стал продвигаться вперед. Фашисты с чердаков, верхних этажей обстреливали мои танки, нас бомбили самолеты, но я шел вперед. Часам к 14-15 дошли до центра города — площади Мицкевича. Ко мне подошла моя Челябинская бригада. Мы организовали группы для дальнейшего наступления.

Но на другой день меня ранило — из пулемета прострелило ногу. Меня подобрала, положили на танк и вывезли на Зеленую улицу, там нашли отбитое у противника помещение на втором этаже (здание вроде банка). Через несколько часов из моего танка сюда же привезли заряжающего, он рассказал, что танк наш подбит, механик ранен, командир убит.

На другой день его отправили лечиться. Меня положили в приехавший во Львов госпиталь. Через несколько дней приехал заместитель, и я уехал из города, в котором наши части продолжали наступление. За Львовом, юго-западнее, недалеко от польской границы было место, где можно добывать нефть. Там немцы держались долго, чтобы снабжать себя нефтью, но наши танки выгнали их. Красная Армия перешла границу с Польшей, завязались бои на польской территории. Мы форсировали реку Вислу и заняли большую территорию на противоположном берегу для дальнейшего наступления на Берлин.

В 1945 году после Нового года нам прислали новые танки с Урала. Мы пошли дальше по территории Польши на разгром немецких войск. В течение этой весны мы вышли на реку Одер к немецкой границе (между Польшей и Германией). Форсировали Одер и завязали бои на немецкой земле. Прошли по верхней и нижней Селезии, все ближе подходя к Берлину.

В апреле мы пошли на Берлин. Бои были очень тяжелые. Нужно было форсировать каналы. Задачей нашей (4-й) и 3-й танковой армий было окружить Берлин, никого не выпускать и не впускать в город.

После окружения Берлина наши войска начали вести уличные бои в самом Берлине. Там я получил уже третье по счету тяжелое ранение — в руку. В это время фашисты находились и в Праге. Чехословацкий народ, конечно, не хотел терпеть захватчиков. Но немцы поставили ультиматум — если вы будете оказывать сопротивление, то мы взорвем Прагу, и начали минировать здания и предприятия. Чехословацкое правительство обратилось к советскому правительству за помощью, и советское правительство откликнулось.

И вот в то время, когда в Берлине шли уличные бои, нашу и 3-ю танковые армии отправили своим ходом в Прагу. Целую неделю мы вели бои с немцами, стараясь быстрее дойти до Праги. 8 мая мы вошли в Прагу и начали громить фашистов.

Когда утром жители Праги увидели советские танки, нас забросали букетами. Все кричали: «Да здравствуют русские». Мужчины садились на наши танки, брали оружие и стреляли по немцам. Весь день мы вели бои и к обеду 8-го мая освободили Прагу. Все гитлеровцы были арестованы и отправлены в Германию. Нам передали по радио, что война окончена, фашисты сдались.

9 мая вышли из Праги, вошли в Венгрию, там и расположились; некоторые части попали в Австрию. Мы же погрузили танки, по железной дороге отправили их в Берлин — Потсдам. А сами поехали туда же на машинах.

После окончания войны Берлин был разделен на зоны: английскую, американскую, нашу. В 1958 году я был здесь заместителем командира танковой бригады. Из Орловского танкового училища приехали и заменили меня.

Потом три года я прослужил в Орловском танковом училище (оно во время войны было эвакуировано в город Ульяновск), оттуда меня направили в Белорусский военный округ, а через три года из Белоруссии меня опять направляют в Германию. Там я заболел, и признали меня негодным к службе в армии.

В том же году я получил отставку и приехал в Старую Купавну. В 1960 г. устроился работать заместителем директора в Химреактив-комплект. Потом предложили должность на базе изотопов, где проработал до 1986 года. В 1986 году заболел, и меня признали нетрудоспособным. С 1986 года я нахожусь в Старой Купавне и нигде не работаю.

Награды:

— орден Красного Знамени — получен за участие в боях на Курской дуге;

— орден Александра Невского — получен за взятие Львова;

— орден Отечественной войны — получен за разгром немцев под Москвой;

— орден Отечественной войны — получен за взятие Берлина;

— орден Отечественной войны — получен в честь 40-летия победы над Германией;

— медали: «За освобождение Праги», «Битва за Москву», «Ветеран труда», «Москва 850», «Ветеран 4-й гвардейской танковой ар-

мии», «Уральский добровольческий танковый корпус», «60 лет битвы за Москву», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Ранения: в ногу — при взятии Львова; осколочное в плечо — при освобождении города Дарницы; тяжелое ранение в руку — при окружении Берлина.

Имею публикации:

- книга «Освобождение города Львова»;
- статья в газете «Правда», посвященной освобождению города Львова;
- публикации об Уральском добровольческом корпусе.

Ноябрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Малявкин Юрий Васильевич**, студент 3-го курса Московского авиационного института

Шатохин Анатолий Федорович

СОБРАЛ ЛУЧШИХ ИЗ ТЕХ, КТО УМЕЛ ОБРАЩАТЬСЯ С ОРУЖИЕМ

Родился 1 мая 1917 года в деревне Комаровка Кыштовского района Западносибирского края. Русский, христианин, бывший член компартии.

До войны окончил в 1936 году Павловскую среднюю школу в Алтайском крае. В 1936 году добровольно вступил в ряды Красной Армии — курсаном Калининского военно-химического училища. В 1938 году его окончил в звании лейтенанта (1 разряд, приказ №006 НКО от 10.01.1939г.). Решением командования был оставлен служить командиром курсантского взвода, там же и узнал о начале войны в 1941 году, имел звание лейтенант.

По приказу начальника ГВХУ (Главное Военно-Химическое Управление) №08 от 6.10.1941г. назначен командиром 35-й отдельной огнеметной роты Московского военного округа (Западный Фронт). Проходил ускоренное формирование роты под посёлком Малаховка Московской области, где и получил приказ начальника ГВХУ об отбытии на Западный участок фронта. К сожалению, кроме приказа о назначении командиром 35-й отдельной огнеметной роты, приказа об отправке на фронт нет.

7.10.1941 года рота под моим командованием выступила на фронт железнодорожным эшелоном с Белорусского вокзала с выгрузкой в Малоярославце, где приказом зам. командующего армией я был на-

правлен в распоряжение Подольского пехотного училища, отходящего с боями к Малоярославцу. Встреча состоялась 7.10.41г., получил приказ от начальника училища занять оборону (позиции) под фугасные огнёмёты на Можайской линии обороны — Ильинский участок у Варшавского шоссе, который впоследствии, к 12.10.41г., занял 2-й батальон Подольского училища.

14.10.1941г. была замечена разведывательная группа немцев, проникшая в противотанковый ров. Выбить фашистов было поручено мне, так как у курсантов были большие потери в личном составе, они занимали только отдельные участки окопов. Личный состав моей роты, из-за нехватки времени, был плохо подготовлен в ближнем бою.

Я собрал лучших, кто умел обращаться с оружием, радистов и т.д. С трудом противник был выбит с обороняемого участка, с потерями 7 человек во рву, а отступавшие немцы попали под огонь курсантов, занимавших оборону в окопах. В итоге вся разведывательная группа была уничтожена. В этом бою я получил ранение 14.10.1941 года, лёгкое сквозное ранение левой руки, был отправлен медицинским санитарным батальоном в полевой походный госпиталь, в город Родники Ивановской области, а затем в эвакогоспиталь 3782, в город Молотов (Пермь) на Урале 15 октября 1941 года. Закончив лечение, был направлен в распоряжение УрВО (Уральский военный округ), приказ №066 от 28.01.1942г. и назначен заместителем командира миномётного батальона 544-го стрелкового полка 152-й стрелковой дивизии. Мне было присвоено воинское звание — старший лейтенант (приказ № 0153 58 армии от 16.03.1942г.), затем очередное воинское звание — капитан (приказ № 0635 Карельского фронта).

25.11.1942г. В этой же, 152-й, СД проходил службу помощником начальника штаба артиллерии ЮЗФ (Юго-Западный фронт, приказ 14 армии № 01 от 6.01.1943 г.). Впоследствии переведён в 480-й стрелковый полк 152-й СД, начальником артиллерии полка с мая 1943 года по июль 1943 года. Боевые действия полка велись в обороне на правом берегу реки Северский Донец, противостояли немцам, пытавшимся форсировать реку.

Был назначен помощником начальника штаба артиллерии 34-го стрелкового корпуса 3-го Украинского фронта (приказ № 0134 от 29.02.1943 года). По ноябрь 1943 года находился на этой должности. Затем заместителем командира 462-го армейского миномётного полка, 46-й армии, 3-го Украинского фронта по январь 1945 года, где 8 июня 1944 года получил воинское звание майора (приказ № 0389 3-го Украинского фронта).

С января 1945 года по июнь 1945 года находился на должности заместителя командира 107-го миномётного полка 7-й артиллерийской дивизии прорыва 3-го Украинского фронта (приказ №0214 от 20.01.1945 г.). Наш полк вёл ожесточённые бои с отступавшим противником.

9 мая 1945 года все услышали долгожданные слова об окончании войны. Это событие застало меня в горном районе Восточной Австрии, где сосредоточились власовцы, полицейские, старосты и иные изменники родины, которые не подчинились приказу о прекращении войны. Они заняли три горные высоты, где и вели оборонительные бои. Мы несколько раз пытались взять высоты, но, как только они замечали, что мы к ним лезем, сразу же скидывали камни. Сначала на нас летело 10 камней, через 100 метров уже 200, а через 200 метров — 500 камней, потом обвал.

Мы запросили помощь и Главное командование. Спустя некоторое время нам дали три роты истребителей, каждой роте — по высоте. Когда авиация сделала своё дело, мы без труда поднялись в горы. Там — все было разбито, а оставшиеся в живых либо потеряли рассудок, либо...

Итак, война для меня закончилась 12 мая 1945 года.

Был я тогда заместителем командира 107-го миномётного полка 7-й артиллерийской дивизии в звании майора (командир дивизии генерал-майор Бобровникова). После окончания войны дивизия осталась на короткое время в Австрии. В июне 1945 года 7-я артиллерийская Запорожская Краснознамённая орденов Суворова и Кутузова дивизия РВГК (резерва Верховного главного командования) возвращается к временному месту дислокации в Молдавию, в село Тарутино.

К концу лета 1945 года дивизия передислоцировалась на Украину со штабом дивизии в селе Гайсин, бригадами в Гайсинском и Тульчинском районах. Дивизия и бригады занимались боевой подготовкой, осуществляли переформирование. Полки дивизии расформировываются вместо 107-го миномётного полка, в состав дивизии пришла 47-я тяжёлая миномётная бригада (приказ ОДВО №011 от 7.01.1947г.).

Дивизия была скадрирована, т.е. в ней и бригадах остались кадры офицерского состава. В период 1947-49 гг. я проходил службу даже командиром батареи, имея воинское звание подполковника (приказ №0757 КАВС от 22.06.1949г.). В ноябре 1950 года восстановлен на должность командира дивизиона 47-й тяжёлой миномётной бригады 7-й арт. дивизии прорыва РВГК Прикарпатского военного округа (приказ ПрикВО №080 от 12.03.1949г.).

Дальнейшая служба проходила в 7-й артиллерийской дивизии. В 1950-51 гг. — я слушатель Высших курсов командиров дивизионов в Ленинграде; в 1954-55 гг. — в распоряжении 10-го управления Генштаба на должности военного советника командира миномётного полка (Венгерская народная армия, приказ №0065 от 28.04.1954 г.). В 1955-56 гг. службу заместителем командира 47-й тяжелой минометной бригады 7-й арт. дивизии (приказ ПрикВО №0322 от 24.09.1955 г.), в 1956-58 гг. — начальник штаба 47-й тмбр. (приказ ПрикВО №0125 от 28.03.1956 г.). С 06.11.1959 г. командир 47-й тмбр. 7-й артиллерийской дивизии (приказ ПрикВО №0635 от 06.11.1959 г.).

В соответствии с решением 4-й сессии Верховного Совета СССР от 1960 г. «О сокращении вооружённых сил», директивой командующего войсками ПрикВО № ОМУ/2/00558 от 28.04.1960 г. 7-я АДПРВГК расформируется.

Часть бригад, в том числе и 47-я тмбр. переформируется в войсковую часть 54145 — ракетный полк стратегического назначения, коим доверено командовать мне (приказ ГКРВ №0430 от 18.07.1960 г.) и в котором я служил до увольнения (12.03.1963 года) с полной выслугой лет (32 года, ст. 59 пункт «А» МО СССР №0338 от 12.03.1963 г.) в звании полковника (приказ МО СССР №0279-1 от 3.61 года.).

Имею награды: орден Красной Звезды (приказ №087/Н 30.10.43 г.), орден Отечественной войны II степени (за боевые отличия, 03.04.44 г. приказ №051/Н), медаль «За взятие Будапешта» (9.06.45 г.), медаль «За победу над Германией» (9.05.45 г.), медаль «За оборону Заполярья» (5.12.44 г.), орден Красной Звезды Венгерской народной армии, орден Красной Звезды (за выслугу, 5.11.44 года), орден Красного Знамени (за выслугу, 30.12.56 г.), медаль «За боевые заслуги» (30.04.47 г.) и другие юбилейные медали.

Все родственники: отец, мать находились в глубоком тылу — в Алтайском крае, в городе Бийске. Отец член КПСС с 20-го года, участник гражданской войны, командир партизанского отряда. Награждён орденом Ленина, почётный гражданин г. Бийск, во время ВОВ был райвоенкомом.

После ухода в запас я фактически остался на службе в 7-й АДПРВГК на должности начальника музея дивизии и 13 лет был председателем совета ветеранов дивизии. Собирал материалы, воспоминания, личные вещи периода войны и другое от ветеранов дивизии.

На основании богатого материала (8 комнат музея) мною, по рекомендации собрания ветеранов, была написана книга «От Сталинграда до Восточной Австрии». Книга написана совместно с офицером

запаса Казенковым Петром Васильевичем и с великим трудом, при отсутствии средств для издания, в 1994 году издана Хмельницкой городской типографией в количестве 2000 экз. Путём самораспространения среди ветеранов дивизии, школьных музеев, было распространено 1000 экз., ещё 1000 экз. хранится в библиотеке 19-й ракетной дивизии (бывшая 7-я АДПРВГК) г. Хмельницкий, Украина.

После демобилизации работал на военном радиотехническом заводе в г. Хмельницкий начальником штаба ГО и диспетчером.

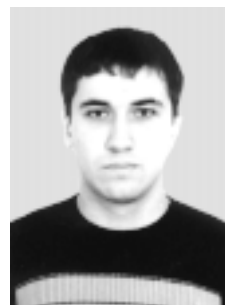
БОИ ЗА БУДАПЕШТ

Фашисты были окружены в Будапеште в конце 1944 года — начале 1945 года. Более 3-х месяцев мы их держали в окружении голодными, грязными, обовшивевшими. И противник решил выйти из окружения, прорвав наши позиции. Наш армейский полк 46-й армии участвовал в боях по окружению противника на Северо-западном участке.

Именно в этом направлении и начали выход немцы. Шли строем в колоннах. Их били, расстреливала пехота. Немцы перестраивались, теряя многих, но продолжали движение на северо-запад. В результате вышли на наши огневые позиции. С нашей стороны боевые расчёты организовали прикрытие позиций, а когда фашисты на них вышли, в ход пошли автоматы, карабины, армейские ножи...

В результате этой жаркой схватки много гитлеровцев было уничтожено, однако часть из них, изменив направление, продолжила движение, побросав своих раненых. Северо-западнее наших позиций подошедшие резервы пленили остатки выходящих из прорыва.

Май 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Мигулев Артем Геворкович*, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Шелемотов Александр Сергеевич

ВНАЧАЛЕ ПОДУМАЛ, ЧТО ЭТО НАША ПЕРВАЯ РОТА

Я родился 24 ноября 1918 г. в многодетной рабочей семье в городе Переславль-Залесский Ярославской области. По окончании неполной средней школы поступил в ФЗУ при фабрике №5 «Фотокинопланка» и до призыва в ряды Красной Армии работал на этой фабрике родного города.

20 сентября 1938г. был призван в армию. Служил в 51-м Кяхтинском кавалерийском пограничном отряде в Забайкальском военном округе до начала Великой Отечественной войны. 8 июля 1941г. был направлен во 2-е Горьковское танковое училище, которое окончил 25 апреля 1943г. с присвоением воинского звания лейтенант.

Несмотря на желание начальника училища оставить меня в училище для использования на офицерских должностях, я рвался на фронт, отомстить фашистам за смерть двух братьев. Мою просьбу удовлетворили. Я был направлен в штаб бронетанковых и механизированных войск Брянского фронта, откуда получил назначение в 243-ю Пермскую танковую бригаду 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса.

Горжусь тем, что в составе 62-й (243) гвардейской танковой Пермско-Келецкой Краснознаменной орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады 10-го (30) гвардейского танкового Ураль-

ско-Львовского добровольческого корпуса 4-й танковой армии я прошел весь ее боевой путь, несмотря на ранение и контузии, ни на один день не покидая бригаду.

Участвовал в освобождении городов, сел, населенных пунктов на территории России, Украины, Польши, во взятии многих городов Германии, в форсировании рек Вислы, Одера, Нейсе, в завершении окружения Берлина и разгроме Берлинской группировки, в освобождении Праги. Участвовал в освобождении президентского дворца в Праге, был парламентаром и принимал капитуляцию немецких офицеров и солдат городка СС (более 850 человек). Спасал Карлов мост, переправив через него три танка и сорвав попытку фашистов взорвать Прагу.

Придя командиром танкового взвода в 62-ю (243) танковую бригаду в июне 1943г., когда 10-й (30) танковый корпус заканчивал свое формирование в Подмосковье, в районе Кубинки, перед началом боев на Орловско-Курском направлении я прошел командные ступени: адъютанта, адъютанта старшего, начальника штаба танкового батальона и помощника начальника штаба бригады. В марте 1950г. с должности помощника начальника штаба бригады по оперативной работе был направлен в распоряжение штаба бронетанковых и механизированных войск Таврического военного округа.

Прошло почти шесть десятилетий, как отгремели последние выстрелы танковых пушек, залпы орудий, разрывы бомб, снарядов, мин и очереди стрелкового оружия, но до сих пор во сне и наяву перед глазами встают картины боев, лица людей, с которыми случилось вместе пройти по дорогам войны.

Память об однополчанах сохранится у меня на всю оставшуюся жизнь. Одни, захороненные в братских могилах по обочинам дорог, так и останутся в памяти молодыми. Ценою своей жизни они приближали победу.

С другими, кто, проявляя мужество и героизм, дошел до победы, кто «мечен» войной ранениями и контузиями, мы не раз встречались, отмечая годовщину Победы, юбилейные даты формирования армии, корпуса.

И всегда на этих встречах вспоминали каждого из тех, кто, проявляя великий патриотизм, в полной мере выполнил свой долг защитника Отечества.

Весной 1943 года трудящиеся Пермской области, формируя 243-ю танковую бригаду, дали воинам-добровольцам свой наказ:

«Сыны Урала, сегодня трудящиеся нашей области провожают вас в решающий бой за честь и независимость нашей Родины.

Наши деды и прадеды, наши отцы не раз выходили на грозный бой с иноземными захватчиками и вместе со всем русским народом всегда разбивали врага и со славой возвращались в родные дома.

В дни Великой Отечественной войны наш родной Урал стал становым хребтом обороны. Еще вчера мы вместе с вами ковали оружие для фронта, варили металл, добывали уголь и нефть, сплавляли лес, засекали поля во имя победы над немецкими полчищами. Сегодня мы посылаем на фронт лучших сынов Урала.

Быть бойцом, командиром Красной Армии — великая честь. Вы ее заслужили своим героическим трудом. Вы ее оправдаете мужеством и геройством в решающих схватках с ненавистным врагом.

Пройдет немного дней, и вы на бранном поле откроете счет великой мести за все злодеяния гитлеровцев, за все беды, которые они принесли на нашу землю.

Всегда и всюду помните, дорогие товарищи, что на вас мы возлагаем большие надежды. Мы не жалели средств, чтобы в короткий срок вооружить вас самой совершенной боевой техникой и снабдить всем необходимым. Святая любовь к Родине, желание приблизить час победы руководили нами в этом напряженном труде.

Сыны Урала, запомните наше напутственное слово: упорно и настойчиво овладевайте искусством ведения боя, изучайте и берегите вверенную вам военную технику, овладевайте военным искусством, современной тактикой маневренного боя, умело организуйте взаимодействие различных родов войск, будьте всегда верны долгу воинской чести.

Трудящиеся нашей области твердо верят, что вы оправдаете наши надежды и на полях решающих сражений еще раз увенчаете бессмертной славой наш могучий Урал, нашу любимую Родину — мать.

Вперед, боевые товарищи. Вперед на врага, сыны Урала! г. Пермь, май 1943 г.»

Наказ обсуждался на митингах и собраниях и подписывался лучшими представителями трудовых коллективов.

На партийных, комсомольских собраниях части и подразделений обсуждались слова клятвы воинов на верность землякам и отчизне:

«Родные наши уральцы, нам сынам своим, поручаете вы защиту советской Родины, свободы и независимости Отечества. Столетиями ковалась воинская слава Урала. Наши предки участвовали в Полтав-

ской битве, переходили с Суворовым неприступные Альпы. Знамена Екатеринбургского и Пермского полков развевались на полях битв с Наполеоном. Не жалея крови и жизни своей, отцы наши отстаивали молодую Советскую власть. Вы доверили нам повести на немецко-фашистских захватчиков грозные боевые машины. Мы оправдаем ваше доверие и клянемся быть образцом воинской дисциплины. Свято соблюдать порядок и организованность. В совершенстве овладеть боевой техникой. Мы не дрогнем в боях за русскую землю. Не пожалеем крови и самой жизни ради свободы и счастья нашего народа, ради полного освобождения родной земли от немецких захватчиков.

Клянемся отомстить врагу за разрушенные города и села, за пытки и слезы стариков и детей, сестер и матерей. Мы ничего не забудем, ничего не простим немецким варварам.

Клянемся в решающих боях с ненавистным врагом быть в первых рядах защитников Родины. Мы не опозорим вековую славу уральцев. Мы выполним ваш наказ и вернемся на родной Урал только с победой!

Сегодня, произнося слова нашей клятвы, мы верим, что вы и впредь будете своим самоотверженным трудом приближать час победы.

Смерть немецким захватчикам!

Да живет и здравствует наша любимая Родина, ее свобода и независимость!

Май 1943г.»

1-го июня 1943 года в Перми, на площади Окулова, где ныне раскинулся сквер Уральских добровольцев, первый секретарь Пермского обкома компартии Гусаров Н.И. зачитал Наказ и от имени воинов-добровольцев, командир бригады подполковник Приходько В.И., преклонив колено, дал торжественную клятву вернуться на родной Урал только с победой. Воины 243-й танковой бригады с честью выполнили эту клятву, вписав не одну славную страницу в летопись боевых подвигов своей части.

Начав свой боевой путь в орловских боях в составе Брянского фронта 27 июля 1943 года, бригада получила приказ: действуя на правом фланге корпуса, наступать в направлении Лунево-Коноплянка-Рылово, форсировать реку Орс и развивать наступление на Руднево-Скородумка и после форсирования реки Нугрь наступать в направлении на Злынь. Боевые действия бригады поддерживались 356-м самоходно-артиллерийским полком.

Там начался боевой путь бригады, свершение первых боевых подвигов и первые потери друзей и товарищей на полях сражений.

По окончании операции, 8-го сентября 1943 года на общем построении бригады были вручены ордена и медали воинам, отличившимся в этих боях. Среди них были: В. К. Лапчук, М. И. Елкин, П. И. Осипов, М. И. Бастрыкин, П. Н. Цапко, Г. И. Мотырев, И. Я. Никонов, В. А. Даллакян, М. Н. Бойко, В. Марков.

После завершения боев в ходе Орловской операции бригада, как и весь корпус, была выведена в резерв ставки Верховного Главнокомандующего. Совершив 120-километровый марш, 13-го сентября она сосредоточилась в лесу, недалеко от станции Судимир, а к исходу 4-го октября 1943 года в большом лесном массиве в 1,5-2 км от железнодорожной станции Белые берега, юго-западнее Брянска. Подводились итоги боев, готовились к новым боям и ждали для этого пополнения личного состава, боевой техники и оружия.

26 октября личный состав бригады выстроился на поляне Брянского леса, где в торжественной обстановке был зачитан приказ Народного комиссара обороны СССР о преобразовании корпуса и бригад в гвардейские. Корпус получил наименование 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового, а наша бригада — 62-й гвардейской Пермской танковой.

Офицерам, сержантам и солдатам бригады были вручены знаки «Гвардия».

1-го февраля 1944 года части корпуса разгрузились с железнодорожных эшелонов и сосредоточились в районе Васильково-2 Киевской области. Бригада сосредоточилась в большом украинском селе Лип — Скиток, а к середине февраля туда прибыли с Урала маршевые роты с танками.

Приказом Верховного Главнокомандующего 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус из резерва вводился в состав 4-й танковой армии и передавался в подчинение командующему 1-м Украинским фронтом, в составе которого части корпуса и наша бригада прошли весь оставшийся боевой путь.

28-го февраля бригада была переброшена по железной дороге и сосредоточилась в районе деревни Сураж, в 8-12 км от передовой, а 5-го марта после получасовой обработки переднего края обороны противника огнем артиллерии и танков части 60-й армии прорвали оборону немцев. Танки бригады, обойдя с востока город Ямполь, вошли в прорыв, имея задачу вести наступление в направлении Волочиска,

оседлать железную и шоссейную дороги Проскуров-Тернополь и отрезать, таким образом, пути отхода войск Проскуровской группировки на запад, не дать противнику возможность подбрасывать подкрепления и резервы по этим коммуникациям. Весеннее солнце разбудило спавшую землю, поэтому большому количеству танков двигаться по грунтовым дорогам было очень трудно. Первые два-три танка еще проходили по одной колее, следующие своими днищами «пахали» землю.

Особенно трудно было двигаться в низинах. Приходилось искать объезды. Иногда 3-5 километров такого пути с трудом преодолевали за несколько часов. Маневренность танков снижалась еще из-за того, что на каждом из них горой возвышалось по 16 ящиков со снарядами, а на бортах крепилось по 2 бочки с горючим (газойлем).

Преследуя отходящего противника, 8-го марта бригада вышла к городу Антонины и стремительной атакой овладела им.

В 6.00 9 марта после короткой разведки подступов к городу Красилон и получения предварительных сведений о противнике бригада, по сигналу серии ракет, атаковала город. Первой в город ворвалась рота гв. ст. лейтенанта Н.Г. Аристова. Взвод гв. лейтенанта Н.Н. Барышева наступал на правом фланге вдоль дороги, уступом влево наступали два других: мой — на левом фланге и взвод А.И. Бондаренко — в центре.

Первый танк взвода Н.Н. Барышева подорвался на фугасе. Взрывной волной башню танка отбросило на несколько метров.

Открыв интенсивный огонь, немцы рассчитывали задержать нас на окраине города, но наша стремительная атака сорвала их планы. Овладев домами на западной окраине, мы получили возможность полнее использовать огневую мощь наших «тридцатьчетверок». Наше продвижение к центру вынудило противника вывести свои танки и самоходки из ранее подготовленных укрытий. Этим воспользовались командиры танков: гв. младший лейтенант В.С. Лихолитов подбил немецкий танк, а гв. лейтенант Г.А. Белов уничтожил самоходку.

Противник активизировал свои действия на левом фланге. Его противотанковые орудия держали под обстрелом всю местность вдоль дороги. Вот уже задымился наш танк из взвода гв. л-та А.И. Бондаренко.

После наблюдения удалось засечь место, откуда вело огонь одно вражеское орудие. После двух моих выстрелов оно замолчало. В результате точного попадания одного из экипажей 3-го танкового ба-

тальяна взлетели вверх остатки другого орудия. Наши танки, наступавшие на правом фланге, прорвались к центру города. После уничтожения орудий противника продвинулись вперед и подразделения левого фланга.

Немцы сосредоточили все свои средства на этом рубеже. Укрыв танки и самоходки за домами вдоль дороги, а противотанковые средства — на левом фланге, они пытались задержать нас здесь, но, пожалуй, ничто уже не могло остановить боевого порыва танкистов-добровольцев. Немецкие танки и самоходки, отстреливаясь, начали отходить к восточной окраине города, но и тут их настигают наши снаряды: загораются два танка и самоходки противника. Центр города уже в наших руках. Однако накал боя не ослабевает. «Тридцатьчетверки» лавиной обрушиваются на противника, но он не сдается.

В смертельной агонии враг пытается изменить ход боя. Комбриг гв. подполковник Денисов усиливает натиск, вводя в бой свой резерв. Противник отходит по дороге в направлении села Западницы.

К 10.00 утра город Красилово был полностью очищен от фашистов.

Умело и грамотно руководили действиями своих подразделений командиры танковых батальонов: гв. майор Б.К. Андреев, гв. майор Г.А. Красильников, гв. капитан М.Н. Бойко, адъютант старший (начштаба батальона) гв. ст. лейтенант П.И. Осипов, командиры танковых рот: — гв.ст. лейтенант Н.Г. Аристов, гв. ст. лейтенант М.И. Елкин, лейтенант И. И. Быков. Смело и решительно действовали командиры танковых взводов — гв. лейтенант Н.Н. Барышев, гв. лейтенант А.И. Бондаренко, гв. лейтенант И.А. Ельчанинов, гв. лейтенант М.И. Бастрыкин, гв. лейтенант В.Д. Богданов, гв. лейтенант Б.П. Благодарев; командиры танков: гв. мл. лейтенант В.С. Лихолитов, гв. мл. лейтенант Г.В. Быстревич, гв. мл. лейтенант М.И. Виноградов, гв. мл. лейтенант А.А. Постольник, гв. мл. лейтенант Н.С. Толстенко и их экипажи — командир роты автоматчиков гв. ст. лейтенант Острецов, ком. взвода автоматчиков гв. лейтенант Н.Н. Богданов, командир взвода гв. ст. сержант В.А. Даллакян, автоматчик гв. рядовой А.А. Мелехин и многие другие. После пополнения боекомплекта и дозаправки баков горючим бригада получила приказ: овладеть селом Западницы, перерезать Проскуровское шоссе и не дать противнику возможность использовать его для переброски в Проскуров живой силы, боевой техники и боеприпасов.

Выслав боевой разведывательный дозор, в 20 часов 9 марта 1944г. бригада устремилась вперед. К полуночи бой завязался на подступах к селу Западницы. Немцы встретили нас интенсивным огнем танков,

самоходок и противотанковой артиллерии. Овладеть селом с ходу, как рассчитывали, не удалось. С боем зацепились за отдельные дома окраины села. Три дня вели бой за каждый дом, чтобы выйти к противоположной окраине села и перекрыть шоссе артерию, но противник подбрасывал к селу все новые и новые подкрепления, стремясь отбросить нас с занимаемого рубежа — половины занятого села. Только на четвертый день нам на помощь подошел батальон 23-й мотострелковой бригады, и совместной атакой бригада выбила немцев из села, с десантом на броне выскочила на Проскуровское шоссе и «оседлала» его.

Большой ценой была куплена эта победа: в ходе трехдневных боев бригада потеряла 7 танков и более 50-ти солдат и офицеров.

Благодарные жители села помнят о своих освободителях. В центре села установлен памятник: на пьедестале стоит коленапреклоненный солдат с автоматом и каской в руках, а перед ним две мраморные надгробные плиты, на которых высечены 129 фамилий солдат и офицеров нашей бригады и 23-й мотострелковой. Среди них фамилии гв. майора Г.А. Красильникова (командира нашего танкового батальона), командира танка моего взвода гв. мл. лейтенанта В.С. Лихолитова и девяти бойцов из экипажей моего взвода.

В селе оборудован музей боевой славы 62-й гвардейской танковой бригады, в котором хранятся личные вещи многих ее воинов. Ежегодно в село до сих пор приезжают родственники захороненных в братской могиле воинов.

Следопыты клуба «поиск» при средней школе села разыскали более 75 семей родственников погибших и более 260 ветеранов нашей бригады и корпуса.

За заслуги при освобождении села, активную помощь в проведении военно-патриотической работы и организации музея боевой славы решением сельского совета народных депутатов командиры танковых взводов гв. лейтенант И.А. Ельчанинов и гв. лейтенант А.С. Шелемотов избраны почетными гражданами села Западницы.

Решением городской рады города Красилова 5 мая 1995г. командир танкового взвода А.С. Шелемотов и механик-водитель танка П.Г. Лященко избраны почетными гражданами города Красилова.

Курс гвардейцев на Львов

В ночь с 16 на 17 июля 1944 года 62-я гвардейская танковая бригада передислоцировалась ближе к фронту и сосредоточилась в лесу

у населенного пункта Нуше. Рано утром 17 июля, действуя в авангарде главных сил корпуса, вошла в прорыв, сделанный общевойсковыми соединениями. Так началась, для нас, Львовско — Сандомирская операция. Ширина так называемого Колтувского коридора достигала всего 4-6 км, а в некоторых местах суживалась до 2-3 км. Части и соединения, вошедшие в прорыв, обстреливались не только артиллерийским и минометным огнем, но в некоторых местах насквозь прошивались пулеметными очередями.

Действия наших подразделений были затруднены еще и тем, что корпус двигался за частями 3-й гвардейской танковой армии генерала П.С. Рыбалко (при входе в прорыв), а шедший ночью дождь размыл и размесил все дороги. Приходилось искать объездные пути, прокладывать новые маршруты.

Наступая за передовым отрядом — 61-й гвардейской танковой бригадой, 17 июля пермяки вошли в Золочев. Преследуя отходящего противника, 62-я гвардейская танковая бригада (без 2-го танкового батальона) перерезает железную дорогу Львов — Тернополь и совместными усилиями с 63-й танковой бригадой 18 июля овладевает населенными пунктами Лацке, Великая Ольшаница.

Подошедшими резервами немцы предпринимают ряд контратак, трижды врываются в Великую Ольшаницу, но каждый раз гвардейцы вышвыривают их оттуда. Развивая наступление, бригада освобождает населенные пункты на подступах к Львову и рано утром 22 июля во взаимодействии с 63-й гвардейской танковой бригадой, 29-й гвардейской мотострелковой бригадой и 72-м гв. отдельным танковым полком начинает штурм г. Львов.

Окруженная в районе г. Броды немецкая группировка войск в составе восьми дивизий под ударами наших войск стала отходить на юг, пытаясь вырваться из кольца окружения через г. Золочев в лесной массив. Предвидя это, командир корпуса выдвинул к населенному пункту Красное 61-ю гвардейскую танковую бригаду для усиления частей 60-й армии, а наш 2-й танковый батальон, под командованием гв. майора П.П. Шотина, усиленный артиллерийской батареей и ротой автоматчиков, оставил в г. Золочеве для поддержки армейских артиллерийских и минометных частей с задачей не дать противнику прорваться на Золочев и не допустить подхода частей с юга для оказания помощи окруженным немецким войскам.

Заняв оборону на северной и северо-западной окраине города, мы сразу же приступили к организации взаимодействия с артиллерийски-

ми и минометными частями, оставленными на южном крыле и расположенными правее нас, в садах, за шоссе Золочев — Броды.

Батальон с приданными подразделениями приступил к оборудованию основных и запасных укрытий для танков и артиллерии, а автоматчики отрывали себе окопы в садах за домами, к которым почти вплотную подступало пшеничное поле.

К исходу дня 18 июля поступили сведения о том, что немцы подтягивают свои резервы с юга с целью выхода на Золочев и прорыва кольца окружения Бродской группировки войск.

Взвод гв. лейтенанта И.А. Ельчанинова получил задачу вести разведку в южном направлении, войти в соприкосновение с противником, определить его силы, основные районы сосредоточения и вероятные маршруты движения. Получив все эти данные, совместно с артиллеристами и минометчиками начать готовиться к встрече противника.

19 июля передовые отряды, используя лесной массив, подходивший к городу, появились у его южной окраины. Залпами гвардейских минометов, артиллерийских установок и танков был произведен мощный огневой налет по сосредоточившемуся противнику, который намеревался атаковать наши боевые порядки.

Контратакой танков и самоходок мы обратили врага в бегство. Фашисты оставили на поле боя разбитые самоходки, бронетранспортеры, покореженные артиллерийские установки и более сотни трупов.

К вечеру к северной окраине Золочева стали выходить из окружения отдельные солдаты и офицеры. Из допросов их узнали, что окруженные войска, теснимые нашими частями, отходят в южном направлении и будут пытаться прорывать кольцо окружения в районе Золочева.

Оставив небольшое прикрытие на южной окраине города, мы все основные силы ночью сосредоточили на северной и северо-западной окраинах. Туда вплотную подступало поле, засеянное пшеницей. Она стояла сплошной стеной, почти в рост человека. Налившиеся колосья издавали специфический запах, настраивавший на мирный лад. Очень не хотелось, чтобы вражеский солдат топтал наше поле своими сапогами.

Утром 20-го июля к Золочеву стали уже прорываться отдельные группы фашистов. Пробираясь по пшенице, они выходили прямо к садам на окраине города. Ведя автоматный огонь, гитлеровцы пытались прорваться через наши боевые порядки. Пришлось всех офице-

ров, сержантов и солдат штабных и хозяйственных подразделений направить на помощь танкистам. В одной из таких групп удалось взять в плен немецкого генерала, которого тут же отправили в штаб корпуса. Некоторые фашисты, выйдя из пшеницы, бросали оружие и поднимали руки.

Кстати, среди них встречались офицеры и солдаты 14-й дивизии «Галичина» войск Украинской повстанческой армии. Они объясняли, что попали в немецкую армию, будучи ранеными.

Артиллеристы и минометчики, стоявшие в садах и в лесочке за дорогой, также вынуждены были взяться за личное оружие. Немцы, встретив сильный огонь танкистов и автоматчиков, стали по полю отходить к восточной окраине и, перевалив через дорогу, которая проходила в глубоком дефиле, выходили прямо на их огневые позиции... Пришлось срочно перебросить им на помощь два танка, которые, курсируя по дороге, помогали артиллеристам и минометчикам встречать непрошенных гостей.

К полудню немцы, теснимые нашими войсками с севера, уже при поддержке самоходок, бронетранспортеров и артиллерии предприняли несколько попыток прорваться через северную окраину города, но, понеся большие потери, вынуждены были отойти. Ввиду того, что кольцо окружения все более и более сужалось, противник, отказавшись от любых контратак, стал смещаться влево, задумав обойти город и вырваться из окружения по ложине западнее Золочева. Комбат попросил артиллеристов и минометчиков перенести огонь на подходы к ложине и, оставив на северной окраине города несколько танков, остальные сосредоточил ближе к западной окраине. Всю мощь мы обрушили на врага, скопившегося в ложине. Оставив подбитую технику и сотни трупов, немцы откатились к лесочку.

Отвергая предложения о капитуляции, они приложили отчаянные усилия найти брешь для прорыва. Лес в 2-3 км северо-западнее города и ложина западнее его являлись самым подходящим местом. Оценив это, мы договорились с самоходчиками и артиллеристами оставить на северной окраине небольшой подвижной отряд, а все танки, самоходки и артиллерию сосредоточить на северо-западной окраине. Это решение полностью себя оправдало. В течение 20 и 21 июля фашисты проводили одну за другой контратаки, выходя к этой ложине, но каждый раз, оставляя убитых и исковерканную технику, откатывались назад.

Мужество и стойкость проявили в этих боях танкисты, артиллеристы, минометчики и автоматчики.

Особенно следует отметить действие танкистов роты гв. ст. лейтенанта Н.С. Щербаня, уничтоживших в этих боях 6 самоходок, 6 бронетранспортеров, 7 противотанковых пушек, 12 автомашин, 35 повозок, до 300 солдат и офицеров и большое количество стрелкового оружия; танкистов взводов под командованием гв. ст. лейтенанта Н.И. Гараймовича, гв. лейтенанта С.И. Рябинина, гв. лейтенанта М.И. Бастрыкина, гв. лейтенанта И.А. Ельчанинова; экипажи, которыми командовали гвардии мл. лейтенант М.И. Есаулов, гв. мл. лейтенант В.В. Моченый. Большими мастерами танкового огня показали себя командиры орудий Григорий Борисенко и Анатолий Андреев. Погвардейски били пехоту врага начальник связи гв. лейтенант Николай Варфоломеев со своими связистами Николаем Муховиковым и Иваном Мерзляковым. Отважно сражались бойцы взвода обслуживания, ремонтники и хозяйственники. Все это позволило батальону достойно выполнить поставленную командованием задачу.

Командарм Д.Д. Лелюшенко в книге «Москва — Сталинград — Берлин — Прага» дал высокую оценку действиям наших танкистов, артиллеристов и минометчиков по уничтожению Бродской группировки противника: «Вся ложина от Золочева в направлении Львова была покрыта трупами вражеских солдат и офицеров. Это была работа гвардейских минометчиков Героя Советского Союза И.С. Юфы и И.Ф. Ягишина, танкистов С.А. Денисова (наш батальон), Доропея, артиллерийской бригады и отдельных частей армейского подчинения.» И далее: «О напряженности боев свидетельствует тот факт, что с 20 по 21 июля наши танкисты и артиллеристы уничтожили около полусотни вражеских танков, бронетранспортеров, 62 орудия и минометов».

Вперед Одер

12 января 1945 г. войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов начали Висло-Одерскую операцию. Фронтам предстояло окончательно изгнать гитлеровских оккупантов с польской территории.

62-я гвардейская танковая бригада с частями 10-го гвардейского танкового корпуса, стремительно развивая наступление, овладевает населенными пунктами Забвожье, Брудзув, Воля-Моравица. Форсирует реку Чарна-Нида, что дало возможность вбить клин в Кельце-Радомскую группировку противника. Во второй половине дня 15 января бригада овладевает важным узлом коммуникаций, сильным опорным пунктом противника городом Кельце. Приказом Верховного

Главнокомандующего лично составу корпуса объявляется благодарность, а бригада за проявленный героизм получила почетное наименование — Келецкая.

Хотя противник и понес ощутимые потери, отходя, он продолжал оказывать упорное сопротивление. Тем самым стремился дать возможность своим частям подготовиться к активной обороне рубеж по реке Пилица. Необходимо было нанести сокрушительный удар по остаткам Кельце-Радомской группировки, лишить ее возможности ухода за реку Пилицу.

Командиром корпуса бригаде была поставлена задача: не вступая в бой с крупными силами противника, стремительно прорваться вперед, выйти северо-западнее города Коньск и совместными действиями с частями 1-го Белорусского фронта замкнуть кольцо окружения.

По приказу командира бригады я со взводом гв. л-та С. Н. Рябина выехал для встречи с представителем нашего правого соседа. Двигаясь на максимальной скорости, обходя отдельные опорные пункты противника, мы прошли по его тылам более 60-ти километров. И 16 января к полудню прибыли в назначенный район. Через два — три часа к нам также со взводом танков подъехал представитель 1-го Белорусского фронта генерал майор (фамилию, к сожалению, не помню), которого я вскоре и доставил к командиру нашей бригады. Они уточнили все вопросы взаимодействия.

Выход наших танков в глубокий тыл врага был настолько для него неожиданным, что когда бригада окружила Коньск и роты Н.С. Щербаня и С.Сушко ворвались на улицы города, фашисты, почти не сопротивляясь, поспешили сложить оружие. Командир бригады, ознакомившись с обстановкой, поставил на местности конкретную задачу каждому батальону и подразделениям.

Прикрыв северо-западную и северо-восточную окраину первым танковым батальоном, С.А. Денисов все остальные силы бригады сосредоточил на южной и юго-восточной окраинах города. Мы с командиром батальона приступили к осмотру и изучению местности перед юго-восточной окраиной, куда, по нашему предположению, должны были выходить немцы, теснимые частями двух фронтов.

Танкисты приступили к тщательной маскировке своих машин, к подготовке для них основных и запасных позиций. С наступлением сумерек к городу стали подъезжать отдельные повозки. Для встречи их создали специальную команду. Без всяких выстрелов автоматчики встречали повозки у крайних домов, спешивали ездовых и отводили их

в заранее подготовленные подвалы домов, а повозки направляли на другую окраину города. Это были тыловые подразделения противника.

К ночи к городу стали подходить отдельные подразделения. Весь личный состав нашего батальона с обслуживающими и приданными подразделениями мотострелкового батальона, разведчиками и саперами включился в боевые действия по уничтожению фашистов, стремящихся прорваться через город. Сложивших оружие фашистов направляли в глубь города, где их собирали под охраной в подвалах домов. Рано утром до города стали долетать снаряды танков и артиллерии наших частей, преследующих противника. Все яснее стал прослушиваться шум боя. Мы уже чувствовали, что немцы вот-вот должны подойти к окраине города.

Танкисты роты Щербаня зорко наблюдали за складывающейся обстановкой и готовились достойно встретить врага, имея в виду, что противник постарается использовать город как опорный пункт. Так оно и получилось. Едва забрезжил рассвет, орудийная канонада вплотную приблизилась к окраине Коньска.

Первыми показались вражеские артиллеристы, намерившиеся выбрать себе боевые позиции. Не успели их автотягачи отойти от своих орудий, как меткими выстрелами экипажей взводов Сергея Рябина и Николая Семенова их пушки были исковерканы, а расчеты в панике разбежались.

Придя в себя, они попытались оказать сопротивление, но наши автоматчики укротили их пыл. Пока разделялись с артиллеристами, к городу стала подходить пехота, а за ней показались и танки.

Огонь наших «тридцатьчетверок» с тыла на некоторое время ошеломил фашистов и привел в замешательство, но, поняв, что попали между двух огней, они развернули свои орудия на город и устремились вперед. Только наш батальон под командованием И.П. Шотина уничтожил в этих боях более 20 танков, свыше 20 орудий, до 400 солдат и офицеров, захватил 18 автомашин, около 100 повозок, взял в плен свыше 250 фашистов.

Настоящими героями показали себя офицеры: Николай Щербань, Сергей Рябинин, Семен Сушко, Михаил Бастрыкин, Юрий Ахапкин, Михаил Разумовский, Василий Моченый, Иван Ельчанинов, сержанты: Василий Бублик, Григорий Борисенко, Михаил Кузнецов, Анатолий Андреев, Виталий Коростылев, Юрий Ефремов, которые вместе со своими боевыми товарищами меткими выстрелами и гусеницами грозных машин нанесли ощутимый урон технике и живой силе врага.

Шел пятый день непрерывных боев. Чувствовалось, что танкисты, особенно механики-водители, очень устали. И вот ночью 18 января на подходе к городу Парадыз наш батальон, двигавшийся в передовом отряде, неожиданно остановился.

Случались и до этого остановки, но они были кратковременными, когда что-то уточнялось или поступала информация от разведки. А тут заминка затянулась, и комбат приказал мне уточнить ее причину. Пройдя в голову колонны, я обнаружил, что нет 1-й танковой роты, а механик-водитель головного танка 2-й танковой роты уснул за рычагами и остановил свой танк. За ним остановились и другие. Обстановка оказалась запутанной — неизвестно куда ушла 1-я танковая рота.

Пока все это я уточнял и выяснял, по возвращении к комбату увидел серые силуэты танков. Вначале подумал, что это наша первая рота. Но, немного приблизившись к ней, обнаружил, что это не «тридцатьчетверки», а немецкие «звери» всех систем.

Быстро доложил комбату, и без всякого шума собрали командиров взводов, танков, определили каждому цели, по которым они должны сделать первые выстрелы. Через считанные минуты по выстрелу командира взвода гвардии лейтенанта Ельчанинова наши танки открыли прицельный огонь по немецкой колонне.

Сразу же было подожжено восемь вражеских машин. Остальные в полной растерянности рассыпались по ложине и бросились наутек. В ходе преследования были подбиты еще три танка. Мы боялись, что отступающие немцы могут застать врасплох ушедшую вперед нашу танковую роту. Но гвардии старший лейтенант Н.С. Щербань, предупрежденный по радио и услышавший перестрелку, сразу же занял оборону на опушке леса, которого его рота к этому времени достигла. Поэтому, когда уходящие фашистские танки стали подходить туда, рота открыла по ним огонь. После непродолжительного боя на лесной опушке остались дымиться еще семь немецких танков. Большая заслуга в этом была снайперов танкового боя — старших сержантов Григория Борисенко и Анатолия Андреева.

На плечах отступающего противника бригада совместно с частями корпуса овладевает городом Парадыз. А уже во второй половине дня 22 января бригада заменяет в передовом отряде 63-ю гвардейскую танковую бригаду и, развивая ее успех, в ночь на 23 января наносит сильный удар по противнику и овладевает городом Милич.

Пока первый и второй танковые батальоны очищали город от гитлеровцев, батальон М.И. Елкина, не давая противнику возможно-

сти использовать какой-либо выгодный рубеж для организации обороны, продолжал его преследование. В первой половине дня 23 января взвод гвардии лейтенанта Никитченко, действовавший в разведке, при подходе к городу Трахенберг был остановлен огнем танков и артиллерии врага.

С подходом основных сил бригады второй и третий танковые батальоны при поддержке первого танкового батальона, артиллеристов и минометчиков ворвались на его северо-восточную окраину. Командир танка Ю.А. Ахапкин, заменивший раненного Н.И. Гараймовича, со своим взводом, подбив два танка, бронетранспортер и два противотанковых орудия, прорываются к центру города. Поддерживая действия своего товарища, взвод гвардии старшего лейтенанта Н.С. Семенова поджигает 2 бронетранспортера, уничтожает противотанковое орудие, более 50 вражеских солдат и офицеров.

Фашисты попытались открыть по нашим танкам стрельбу из фаустпатронов, однако эта тактика нам была уже знакома. Заранее подготовленные группы из автоматчиков, саперов, связистов и танкистов, оставшихся без матчасти, не оставили без внимания все подозрительные места, откуда они могли вести огонь. Эти действия позволили танкистам действовать увереннее. Нескольким танкам и бронетранспортерам противника удалось выскочить из города.

В преследование командир роты Н.С. Щербань, назначает взвод Ю.А. Ахапкина. Но танкистам удастся подбить только один бронетранспортер. Подразделения бригады еще занимались подавлением отдельных очагов сопротивления, а нашему второму танковому батальону комбриг отдал приказ — развивать наступление и овладеть городом Винциг. Перед самыми сумерками рота Н.С. Щербаня врывается в город. Застигнутый врасплох противник в панике начал разбегаться из города во все стороны.

Выйдя на противоположную сторону города, мы успели только обнаружить два бронетранспортера, уходящих на предельной скорости в сторону леса. Командир орудия Григорий Борисенко один успел подбить, а другой скрылся в лес. С подбитого бронетранспортера удалось задержать нескольких солдат и офицеров. У одного из них оказалась карта с предместными укреплениями перед Одером, которая нам очень пригодилась при выполнении последующей задачи.

Да, немцы не ожидали нашего прихода в Винциг. В большинстве домов уже горел свет, который жители могли включить незадолго до нашего прихода, ибо ворвались мы в город, когда сумерки только наступали: работали радиоприемники, на кухнях готовилась к ужину

пища. Казалось, люди на минутку вышли к своим соседям. Все это подтверждало, что гарнизон города и жители не ожидали, что наши войска так быстро окажутся в 30-ти километрах от их главного оборонительного рубежа — реки Одер, на который они возлагали большие надежды.

Прибывший с основными силами комбриг собрал комбатов с начальниками штабов и, уточнив маршруты и вопросы взаимодействия, поставил каждому батальону конкретную задачу на дальнейшее наступление. Второй танковый батальон, усиленный ротой автоматчиков и взводом саперов, получил приказ наступать в направлении города Штейнау, преодолеть предмостные укрепления и выйти к Одеру. Далее, используя элемент внезапности, захватить мосты через реку и совместно с другими батальонами бригады и частями корпуса овладеть городом Штейнау — важнейшим оперативно-тактическим оборонительным рубежом врага.

Пополнив боекомплект и дозаправив танки горючим, личный состав бригады в ночь на 24 января повел грозные машины на Одер. Впереди с десантом на танках двигался взвод гвардии лейтенанта С.И. Рябинина. Мастерски вел командирскую «тридцатьчетверку» механик-водитель Василий Давыдов.

Первые два десятка километров батальон прошел по шоссе на дороге, а с подходом ближе к Одеру свернул на просёлочную дорогу. В 3-5 километрах от реки продвижение резко замедлилось, так как вся местность была насыщена различными инженерными сооружениями. Вырытые противотанковые рвы делили её на квадраты, как шахматную доску. Единственная полевая дорога в этом лабиринте с обеих сторон была окружена глубокими рвами.

В этих условиях каждый метр пути приходилось преодолевать с большими предосторожностями. Очень помогла карта, захваченная у немецкого офицера, на которой были нанесены предмостные сооружения. Немцы в некоторых местах на многие десятки метров заминировали дорогу. Чтобы не терять время на разминирование, саперы с автоматчиками делали объездные пути, обеспечивая продвижение танков.

Нужно было во что бы то ни стало использовать внезапность и под покровом темноты, пока противник не обнаружил нас, выйти к реке. На рассвете 24 января взвод С.Н. Рябинина, сбив боевое охранение врага, прорвался к отдельным домам на правой стороне Одера и дал возможность батальону сосредоточиться в непосредственной близости от моста. Проведя короткую рекогносцировку, комбат от-

дает приказ командиру 2-й танковой роты овладеть мостом и захватить плацдарм на левом берегу Одера.

По установленному сигналу танки на большой скорости ринулись к мосту. Однако, когда первые машины достигли его, раздался оглушительный взрыв, и первые фермы моста рухнули вниз, а артиллерия противника, имея хороший обзор, с противоположного берега открыла прицельный огонь. Комбат отдает приказ командиру 1-й танковой роты овладеть шоссе мостом, находящимся в нескольких сотнях метров от железнодорожного.

Выход танков к шоссе мосту производили при огневой дуэли. Вражеская артиллерия вела огонь по нашим «тридцатьчетверкам». Наши танкисты в долгу не оставались. Положение резко ухудшилось, когда над нами «зависла» авиация немцев. Их самолёты группами по 6-8 единиц не только подвергали нас бомбардировке, но и, пролетая на бреющем полёте, обстреливали из пулемётов. Вражеская пехота из стрелкового оружия вела интенсивный огонь.

Разведка установила, что мост минирован, его охрана окопалась неподалёку от берега. Значит, все должна решить внезапность действий и скорость. Это и было поставлено в основу готовящейся атаки. Но не успел отдать свой последний приказ комбат гвардии майор Павел Павлович Шотин. Высунувшись из люка башни, он получил смертельное ранение в живот. Подоспевший санинструктор Е.Н. Краснова оказала ему первую помощь и отправила в медсанвзвод бригады, но спасти комбата не удалось.

Приняв на себя командование батальоном, я отдал приказ командиру роты Н.С. Щербаню выдвинуть свои танки как можно ближе к мосту, а 2-й роте поддержать своим огнём атаку 1-й роты и блокировать охрану моста. По сигналу взвод гвардии лейтенанта С.Н. Рябинина на предельной скорости врывается на мост и выскакивает на противоположный берег. За ним проскакивают два танка из взвода Н.С. Семёнова. К месту устремляются другие танки роты.

Но, в это время раздаётся сильный взрыв. В воздух взлетают куски металла и глыбы бетона. Когда всё это улеглось, то оказалось, что разрушен первый пролёт моста. Проскочившие на левый берег пять наших танков во главе с С.Н. Рябининым и небольшая группа автоматчиков под командованием гвардии лейтенанта Волошина повели неравный бой на улицах города. А мы ничем не могли им помочь, не имея никаких средств для переправы.

Сергей Николаевич Рябинин за смелость, отвагу и мужество, проявленные в боях при замыкании кольца окружения Кельце-Радом-

ской группировки и прорыв первым по заминированному мосту на западный берег Одера, командованием бригады был посмертно представлен к высшей правительственной награде — званию Героя Советского Союза. К сожалению, награжден он был только орденом Отечественной войны первой степени. Мы свято чтим память об этом отважном воине.

После взрыва моста комбриг выслал пешую разведку — выбрать место для форсирования Одера автоматчиками на подручных средствах. Выбрали для этого место южнее моста, в 2-х километрах от города. Участок реки здесь был с неразрушенным ледяным покровом и не очень широким. Остаток дня все занимались сбором досок, бревен, жердей и других подручных средств, которые можно использовать при форсировании реки. Вязали фашины из прутьев и хвороста. Вечером подтянули к этому участку танки 2-го танкового батальона.

Позднее офицеры мотострелкового батальона автоматчиков В.К. Фоменко, А.С. Ермилов, Н.П. Сергиенко привели на исходные позиции две роты автоматчиков, истребительно-противотанковую артиллерийскую батарею и минометную роту, которые принесли с собой разные подручные средства для переправы. Лед был тонкий, и ни в коем случае нельзя было допустить даже небольшой скученности людей.

В 24.00 24 января без единого выстрела автоматчики, используя подручные средства, начали продвижение на противоположный берег. Пройдены первые метры. Вот уже отдельные бойцы достигли середины реки. И тут немцы, обнаружив нас, осветили весь этот участок реки ракетами и открыли ружейно-пулеметный, артиллерийский и минометный огонь. Ледяной покров реки был разрушен.

Автоматчики, оказавшись в ледяной воде, потеряли возможность достичь противоположного берега. Большую силу воли и мужество нужно было проявить в этой сложной обстановке, чтобы не поддасться растерянности и панике, которые могли привести к полной гибели батальона. Парторг МБА гвардии капитан А.С. Ермилов, начальник штаба гвардии старший лейтенант В.К. Фоменко, его помощник гвардии старший лейтенант Н.П. Сергиенко и командир роты автоматчиков гв. старший лейтенант Ю.А. Нагорный сделали все возможное для спасения своих бойцов.

Хотя и эта попытка форсировать Одер завершилась не успешно, пермяки в значительной степени способствовали выполнению общей задачи 4-й танковой армии. Своими действиями бригада отвлекла на себя большие силы противника, что позволило 6-му гвардейскому

механизированному корпусу форсировать Одер и захватить плацдарм севернее г. Штейнау у г. Кебен, а 29-й гвардейской Унечской мотострелковой бригаде с приданными средствами сосредоточиться в 20-ти километрах южнее города Штейнау и тоже форсировать Одер.

Героизм, смелость и отвагу проявили в этих боях пермские гвардейцы. Орденами и медалями были награждены сотни солдат, сержантов и офицеров 62-й гвардейской танковой бригады. А командиру орудия гвардии старшине Г.З. Клишину, механику-водителю гвардии старшему сержанту И.А. Кондаурову, командиру танкового взвода гв. младшему лейтенанту Н.А. Козлову, механику водителю гв. старшине Н.А. Бредихину, командиру отделения бронетранспортеров взвода разведки гв. старшине Н.Я. Никонову и командиру пулеметного взвода гв. младшему лейтенанту А.В. Ерофееву за героизм, мужество, отвагу и находчивость, проявленные в боях на Вислинском плацдарме и при форсировании реки Одер, были присвоены звания Героев Советского Союза.

За участие в боях на Вислинском плацдарме, в форсировании реки Одер и взятии г. Зорау я был награжден орденом Красного Знамени.

Кроме того, за успешное выполнение заданий командования в период Великой Отечественной войны я награжден орденами: Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, Чехословацким орденом Военный Крест 1939 года, польской медалью «За Одер, Нейсе и Балтику» и медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги».

Великую Отечественную войну я закончил в Праге 11 мая 1945 года в воинском звании старший лейтенант и в должности начальника штаба танкового батальона 62-й гвардейской танковой бригады.

После окончания войны продолжил службу в Советской Армии. В послевоенный период за успехи в военной службе награжден орденом Красной Звезды и медалями: «За боевые заслуги», «За 20 лет безупречной службы», «Ветеран вооруженных сил СССР». Награжден также орденом Отечественной войны II степени и украинским орденом Богдана Хмельницкого.

Демобилизовался в октябре 1964 года в звании майора с должности помощника начальника штаба мотострелкового полка. Остался жить в г. Евпатория Крымской области. Работал начальником отдела завода «Вымпел» Министерства электронной промышленности СССР.

Принимал активное участие в общественно-политической жизни завода и города. Был председателем совета офицеров в запасе и от-

ставке, председателем группы народного контроля завода. Инспектором городского комитета народного контроля, председателем ревизионной комиссии Евпаторийского городского совета ветеранов войны, труда и военной службы.

В 80-е годы, отдавая дань уважения героическим подвигам своих боевых друзей, я установил связь со своими однополчанами, собрал их воспоминания о войне, более 150 фотографий и написал книгу «Брони горячий след» о боевом пути 62-й гвардейской танковой бригады, о подвигах ее воинов в годы Великой Отечественной войны. Книга была издана в 1989 году Пермским книжным издательством тиражом 10 тысяч экземпляров.

С 1989 года нахожусь на пенсии. В настоящее время проживаю в г. Смоленске. Накануне отъезда из г. Евпатория на новое место жительства Евпаторийский городской совет ветеранов войны, труда и военной службы наградил меня почетной грамотой и выдал свидетельство: «Выдано дважды почетному гражданину мест Украины, подполковнику в отставке Шелемотову Александру Сергеевичу в том, что он за многолетнюю плодотворную деятельность в Совете ветеранов Евпаторийской городской организации ветеранов войны, труда и военной службы занесен в книгу почета организации».

Июнь 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Васильев Алексей Александрович**, студент 2-го курса Профессионального училища №5 г. Москвы

**Шешеро
Владимир
Григорьевич**

ЧЕРЕЗ ВСЮ ВОЙНУ ЗА БАРАНКОЙ АВТОМОБИЛЯ

Я родился 30 июля 1921 года в Москве, по национальности я украинец, по вероисповеданию — христианин (крещен в Дорогомиловской церкви). Окончил 6 классов общеобразовательной школы. Перед войной закончил школу снайперов и курсы водителей.

Я в 40-м году был призван в кадровую армию. Война застала меня в Пскове, в воинской части 5-го мотоциклетного полка. Часть подняли по тревоге в 5 часов утра. 22 числа часть выступила в сторону Ленинграда своим ходом. По штату я был мотоциклистом и имел права шофера, но в этот момент пришлось выступить как солдату. Дошли до Гатчины. Нас направили в Ленинград за техникой. Вместо бронемашин с завода дали полуторки для перевозки солдат, поехали вторично и получили ЗИС-5 без кузова. После этого часть с Гатчины направилась в Псков, где наступал противник на Лужском направлении. Воевал простым бойцом, т.к. техники не было. Мы вели сдерживающие бои, после чего отступали.

Во время боев водитель вышел из строя, и я воевал три боя на бронемашине. Из-за попадания осколка в систему отопления пришлось воевать снова простым бойцом. 19 июля на реке Шелонь, что впадает в Ильмень-озеро, получил сквозное пулевое ранение в правую руку. Была пробита лучевая кость. Я был направлен в госпиталь, где проходил лечение до 10 сентября 1941 года. После выписки был направ-

лен по специальности мотоциклиста-шофера в Москву в 14-й заносной мотоциклетный полк.

16 октября 1941 года враг подходил близко к Москве. В городе было паническое настроение. Все, кто мог, уезжали. Вечером меня направили на московский мотоциклетный завод для получения техники. Это были мотоциклы, изготовленные как образцы немецких Р-12, под маркой М-72 с коляской. На заводе директора не оказалось, но военпред разрешил взять техники сколько надо. За ночь взяли 110 мотоциклов. Лично я вынес три мотоцикла.

17 октября 14-й учебный мотоциклетный полк выделил мотоциклетный батальон, который поступил в распоряжение Московской зоны обороны. Он был направлен в район Подольска, в сторону Нары, где мы приняли бой и сдерживали врага. Бои вели в течение 7 дней, после чего нас отозвали в Москву.

Наш мотоциклетный батальон назывался Московский отдельный мотоциклетный батальон в ведении Московской зоны обороны. Нами командовал генерал Артемьев, и мы выполняли все задачи только под его руководством. 20 октября в Москве было объявлено осадное положение, и все задачи, которые ставил штаб, мы выполняли беспрекословно. За последнюю половину октября нас подняли по тревоге 44 раза. В то время я возил комиссаров батальона. По присвоении мне звания младший сержант командовал мотоциклетным отделением. За период обороны Москвы пришлось увидеть много трудностей, город находился под светомаскировкой, трамваи ходили без света, в воздух было поднято много аэростатов. В нашу задачу входило держать связь с частями, находящимися на передовой, и с комиссариатом зоны обороны.

За это время произошло несколько памятных случаев, о которых хотелось бы рассказать.

Эпизод 1. Вся Москва и окружающие её воинские части находились под светомаскировкой. Но всё же враг с воздуха приметил свет в расположении одной из частей и сбросил бомбу на наши Хамовнические казармы, где рядом находилось подразделение морской пехоты, а также их техника («катюши»). Так как бомба попала между двумя домами, то ущерба причинено не было, но было двое погибших (в том числе мой комиссар). После этого командование дало приказ: установки «катюш» вывести от казарм и расположить их на таком расстоянии, чтобы при бомбёжке не было массового уничтожения.

Эпизод 2. В январе 1942-го года экипажи установок «катюш» чистили оборудование, и кто-то по неосторожности привёл в действие

механизм пуска ракет. Офицеры немедленно проверили направление, куда ушёл снаряд. Оказалось, это было прямо в расположение казарм в районе посёлка Сокол. В посёлке никто ничего не видел, но один солдат слышал звук взрыва в районе железной дороги. Прибыв на место взрыва, мы увидели, что он произошёл в нескольких метрах от железнодорожного полотна, ничего не повредив.

Так как часто приходилось ездить по Москве, у нас были специальные пропуска, без которых движение по городу не разрешалось. Население Москвы, а также промышленные производства старались вывезти на восток. Многих рабочих и всех, кто могли, посылали на рытьё оборонительных сооружений вокруг Москвы.

5 декабря 1941 года наши войска пошли в наступление в сторону Серпухова и Тарусы. Нашему подразделению часто приходилось принимать участие в боях, которые продолжались до марта. В апреле наш командир батальона получил новое назначение. Меня, как мотоциклиста, водителя и ординарца, он берёт с собой. Мы должны были попасть в сторону Сталинграда, но так как последний самолёт улетел, командиру дали указание, чтобы он находился до нового назначения в расположении части.

Через два дня он получил назначение на Урал, в город Свердловск, где формировался добровольческий танковый корпус, который был создан по почину уральцев: «Создадим уральский добровольческий танковый корпус сверх плана и обеспечим всем, что положено по штату!» Мне поручили командовать комендантским взводом в первых числах мая. Наш 30-й Уральский добровольческий танковый корпус получил приказ на передислокацию в Москву, в район Кубинки, где он готовился к Курской битве. С начала Курской битвы и до ее завершения мы принимали участие в разгроме немецких войск. После окончания Курской битвы наша часть была направлена на Украину, где сосредоточилась в городе Киеве, на станции Светошняя.

За время Курской битвы было много моментов, где пришлось защищать и Родину, и самого себя. Враг, отступая, минировал, сжигал, уничтожал все на своем пути. В районе Курской битвы особенно большие леса (Брянские леса), где враг ставил много мин и растяжек. Мне пришлось не один раз выйти «с того света». Немцы, отступая, оставили землянку, а так как нам нужно было где-то приютиться, мы зашли в нее, но нас остановил сапер — он обнаружил в столе противопехотную мину, которая была на взводе, и обезвредил ее.

Другой случай. В минуты затишья приходилось проводить различные мероприятия. Я в этот момент возил начальника оперативно-

го отдела штаба корпуса по боевой подготовке. Мы выехали к расположению части, к реке Белые берега. Дорога проходила по гати. Когда мы возвращались на второй день, нас остановил командир саперной группы и хорошенько отругал. Оказывается, мы проехали два раза, туда и обратно, где лежала противотанковая мина. Но так как машина (американский «виллис») была легкая, не хватило веса, чтобы устройство было приведено в действие.

Во время боев был убит Барыгин Л.А., а командир корпуса генерал-лейтенант Родин С.Н. попал в госпиталь. Впоследствии меня перевели за Киев, где я был водителем заместителя командира корпуса по вооружению Белова П.Д. и служил до конца войны. За время боевых действий освободили города Каменец-Подольский, Львов, Закарпатье и вышли на Сандомирский плацдарм. 10 января 1945 года армия выступила на разгром немецких войск в Польше, Германии, Чехословакии. Мы штурмовали город Берлин и освобождали Прагу. С освобождением Праги война для меня закончилась.

12 мая 1945 года мы были в Москве, куда я вернулся на трофейном фиате.

Демобилизовался я в 46-м году в звании старшина.

В 1955 году я уехал на Чукотку, где 22 года проработал на добыче золота.

За время службы Родине я получил следующие награды:

- медаль «За боевые заслуги» №501944,
- орден Отечественной войны второй степени №215511,
- орден Красной Звезды №1129383,
- орден Отечественной войны второй степени №545913,
- медали «За взятие Берлина» №349882, «За освобождение Праги» №128070,
- орден Отечественной Войны первой степени №045094,
- орден Трудового Красного Знамени за работу на Крайнем севере №439504 от 20 мая 1966 года.

Во время войны у меня погиб брат Шешеро Н.Г., 1924 года рождения, воинское звание старший лейтенант. Погиб в Западной Украине, в городе Рава-Русская при разрыве снаряда на пункте артиллерийской батареи наведения.

Остались живы: сестра — Шешеро Л.Г., 1915 года рождения, участница войны, младший командир, мастер связи; старший брат — Шешеро М.Г., 1910 года рождения, воинское звание старшина, во время войны был ранен.

Меня упоминают в следующих публикациях:

— Александр Устинов. «С «Лейкой» и блокнотом». «Искусство», 1985 год. 159стр. (На фото в мотоциклетном батальоне на подготовке к параду 7 ноября 1941 года я в третьем ряду четвертый справа);

— «На севере дальнем». Литературно-художественный альманах. Вып. 1, 1972 год. Гл. редактор Л.Н. Стебакова;

- «13 арктических дней». Публикация П. Подбережного в газете «Золотая Чукотка» (типография поселка Билибино Магаданской области).

Декабрь 2002 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Макеев А. А.*, студент 3-го курса Московского авиационного института

Шутов Михаил Ильич

РОТА «КОЧУЮЩИХ ПУЛЕМЕТОВ»

Родился 26 сентября 1923 г. в г. Омутнинск Кировской обл. Как и все мальчишки, играл в войну, сдавал норму на значки «Ворошиловский стрелок», «БГСО», «Готов к ПВХО». Стал инструктором и проводил занятия с учащимися 6-х классов. После окончания 10-го класса был принят в Ленинградский институт, после окончания, которого должен был стать инженером по электрооборудованию подводных лодок. Но жизнь распорядилась по-своему.

3 октября 1941г. был призван в ряды Красной Армии, в военнопехотное училище. Окончил его в 1942г. и стал кадровым военным. На фронт попал в составе прославленной 316-й стрелковой дивизии, впоследствии 8-й гвардейской им. Панфилова. После окончания военного училища я был назначен командиром пулеметного взвода в 1077-й, тоже прославленный, полк этой дивизии.

В августе 1942 года дивизия прибыла под Сталинград, точнее северо-западнее Сталинграда, где тогда были жаркие бои. Это был мой первый бой. Мы наступали на Сталинград вдоль железной дороги от станции Котлубань. Противник оказывал сильное сопротивление. В железнодорожной насыпи оборудовал дзоты, которые затрудняли наше продвижение. На помощь пришли танкисты, они буквально в упор били по немецким огневым точкам из своих танков. На четвертый день жарких боев 21 сентября 1942 года во время очеред-

ной атаки я был тяжело ранен осколком мины в позвоночник и отправлен в госпиталь.

Страшно ли мне было в этом бою? Как сказать. Мы не боялись, когда шли в наступление. Все шли, и я шел. Страшно было, когда мы оказались под сильной бомбежкой вражеской авиации. Мы в это время наступали, находились на открытой, очень ровной и голой местности. Я забился в воронку, но, преодолевая страх, все-таки наблюдал за немецкими самолетами. Видел, как от них отрывались и горохом падали бомбы. Мне повезло. Я тогда остался цел и невредим. Но жуткое ощущение сохранилось, пожалуй, до сих пор.

Памятен бой под Батрацкой Дачей в начале июля 1943г., когда немцы начали наступление под Белгородом, на знаменитой Курской дуге. Воины 15-й гвардейской дивизии грудью встали на пути немецкой армады, стремящейся развить наступление вглубь.

Совхоз с названием Батрацкая Дача в течение 10-го июля несколько раз переходил из рук в руки. Много убитых фашистов осталось лежать в садах и на полях этого совхоза. В этом есть доля и наших пулеметчиков, которые отбивали одну за другой яростные атаки противника. На этом участке гвардейцы 15-й дивизии остановили продвижение немцев. Нелегко досталась нам победа. Был жесточайший бой. Один за другим выходили из строя наши гвардейцы. Вот уже из трех пулеметов был слышен только один. Во время артиллерийско-минометной подготовки очередной атаки немцев я был вторично ранен в обе руки и вынужден покинуть поле боя.

Вернулся я из госпиталя, когда дивизия готовилась к штурму Харькова. Я был в резерве и в боях за Харьков не участвовал. После освобождения г. Мерёфы и гибели под селом Ракитное командира роты капитана Рогаль, мне доверили командовать пулеметной ротой. В это время, прорвав оборону немцев, наши войска перешли в наступление и успешно продвигались вперед, освобождая села и города Харьковщины. Нас радостно встречали жители Старой Водолаги, Знаменки и других населенных пунктов. Сколько тепла было в их объятьях и слез радости в их глазах! Но еще больше горя и боли было в их рассказах.

В одном из боев за населенный пункт Полтавской области я был третий раз ранен осколком снаряда в ногу и надолго выбыл из строя. Я даже не знаю, как называлась эта деревушка, стоящая на пригорке. Помню только белые аккуратные хатенки, утопающие в зелени садов.

После излечения я был направлен в 184-ю стрелковую дивизию, с которой прошел с боями от берегов Дона почти до границы Полтав-

ской области. Участвовал в освобождении городов Валуйки, Уразово, Харьков в январе-феврале 1943 года.

В районе поселка Шляховая дивизия попала в окружение. Разрозненными группами мы прорвали его в районе г. Змиева Харьковской области. Из вышедших из окружения была сформирована рота, которая после оборонительных боев 19 марта 1943г. под г. Волчанском влилась в состав ставшей для меня родной 15-й гвардейской стрелковой дивизии.

После ликвидации окруженной группировки Паулса под Сталинградом дивизия заняла оборону по реке Северский Донец и остановила на ее берегах контрнаступавшие части немцев. В этот период наша пулеметная рота 1-го стрелкового полка, которой командовал в ту пору старший лейтенант Жогаль, стала известна в дивизии применением тактики «кочующих пулеметов».

Чтобы помешать немцам проводить оборонительные работы по берегам реки, не вскрывать нашу систему огня и показать, что у нас не три пулемета, а значительно больше, мы и применили эту тактику. Буквально проползав на животе нашу полосу обороны, точнее передний край, мы наметили огневые позиции, с которых один наш пулемет, кочуя с одной огневой позиции на другую, вел огонь по немцам преимущественно по ночам, когда мы окапывались.

Эти позиции мы тщательно замаскировали и ранним утром, когда солнце било немцам в глаза, пристреляли пулемет и подготовились для стрельбы ночью. Больше недели мы ночами интенсивно обстреливали врага из своего пулемета.

Впоследствии, когда немцы отрыли траншеи полного профиля, наши кочующие пулеметы стали мало эффективными. Но в первые дни они, видимо, сильно беспокоили фашистов. Сначала они отвечали нам из своих пулеметов, затем подключили минометы и артиллерию. Но когда немцы открывали огонь из артиллерии, мы вели огонь уже с другой огневой позиции, а через несколько минут с третьей, четвертой и так далее. Каждую ночь мы меняли порядок смены огневых позиций и время ведения огня.

Эти кочующие пулеметы сыграли и другую положительную роль. Дело в том, что наш батальон занимал оборону по ширине более 3 километров. Сплошных траншей еще не было, а ряды стрелков были сильно разрежены; были большие разрывы и с нашими соседями. Неслучайно наш опыт получил известность и распространение в дивизии.

Однажды в феврале

В феврале 1944г. наши войска освободили от фашистов Правобережную Украину. 15-я гвардейская стрелковая дивизия, в которой я тогда был командиром пулеметного взвода, наступала вдоль железной дороги Верховцево — Кривой Рог.

В середине февраля наш 47-й гвардейский стрелковый полк получил задачу взять станцию Пичугино. 1-й батальон должен был перерезать дорогу Кривой Рог — Пичугино. После короткой артподготовки пехота пошла в атаку.

Сплошной обороны у немцев там не было, поэтому, захватив один из опорных пунктов противника, мы успешно продвигались вперед. Наступали по глубокому снегу, и от пехоты станковые пулеметы отстали. А тут еще повалил густой снег, и мы совсем потеряли стрелков из виду.

Буквально на пузе мы добрались до небольшой деревушки. Пехоты в ней не было. На окраине этой деревушки в яме, в которой месили глину с соломой для строительства нового дома, мы установили свой пулемет.

Вдруг сквозь пелену густого снега мы увидели колонну, которая шла прямо на нас. «Немцы!» — крикнули наблюдатели. «Какие немцы? Ведь там же наша пехота», — подумал я. Но, встав за пулемет, я действительно увидел колонну фашистов, беззаботно шедших по дороге. До них было уже не более 50 метров, и я нажал на спуск. «Максим» не подвел. Стон, крики перекрывали голос пулемета. Я остановился, когда кончилась лента. Стало тихо. Минут через 40 немцы пошли на нас в атаку. Но мы уже были не одни.

Подошел на родной голос второй наш пулемет. Помогли и полковые разведчики, услышав нашу стрельбу. Атака противника была отбита, а на вторую они не решились.

Позже выяснилось, что наша стрелковая рота, которую мы поддерживали, потеряв управление в снежной кромешной круговерти, отошла на исходный рубеж, оставив нас в тылу у немцев.

Около 40 фашистов убитыми насчитали наши разведчики. Поделился враг и трофеями. С пистолетом «Вальтер» я дошел до Германии, авторучкой я долго писал письма домой, пока не кончились в ней чернила.

Вышли из подвалов, погребов и других укрытий жители. Угостили нас жареной картошкой. Разведчики тоже выставили на стол свои, а точнее наши, трофеи.

На следующий день станция Пичугино была взята. За нее был жестокий бой за станцию Долгинцево. 23 февраля 1944 года мы освободили Кривой Рог. За эти бои я был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, а в начале марта я был принят в члены ВКП(б).

Форсирование Днестра

После освобождения города Кривой Рог 23 февраля 1944 года 47-й гвардейский стрелковый полк 15-й гвардейской Харьковской стрелковой дивизии, где я, в то время гвардии лейтенант, командовал пулеметным взводом, с тяжелыми боями двигался на запад, освобождая Украину от немецко-фашистских захватчиков.

В середине апреля 1944 г. дивизия вышла к Днестру, освободив г.Тирасполь. Началась подготовка к форсированию реки в районе села Парканы. В ночь на 17 апреля, установив пулемет «максим» на носу рыбацкой лодки, я занял позицию. Хозяин лодки и сержант Музыка управляли на веслах. Трое пулеметчиков разместились на дне лодки.

По сигналу разведчиков началось форсирование реки. Полк, преодолев реку Днестр под крепостью Бендеры, где немцы меньше всего нас ждали, захватил крошечный плацдарм. Развернулись тяжелые бои за расширение плацдарма, особенно 25 и 26 апреля. Прорвав оборону немцев, полк начал продвигаться вперед.

Немцы предприняли контратаку. Из крепости Бендеры вышла группа танков в сопровождении пехоты. Наши пехотинцы не выдержали и начали отходить.

Я с расчетом находился в окопе, который был в виде буквы «Г», что позволяло нам вести огонь в любом направлении.

При подходе танков мы установили пулемет на бруствер и открыли кинжальный огонь по немецкой пехоте. Вода в пулемете закипела, была израсходована последняя лента. Пришлось отстреливаться из личного оружия.

Пули свистели со всех сторон. Вокруг нас рвались снаряды и мины. Мы оказались между двух огней.

В этот критический момент командир полка, следя за обстановкой со своего наблюдательного пункта, услышав голос нашего «максима», направил свой последний резерв — роту автоматчиков к нам на выручку.

Автоматчики вместе в пехотой ринулись в атаку, фашисты не выдержали и отошли. Стрелковые подразделения и автоматчики за-

няли вражеские окопы. Бой продолжался. От разрывов снарядов и мин расчет погиб, пулемет был разбит, а меня оглушило. Вечером меня доставили в санвзвод.

За форсирование Днестра, захват и удержание плацдарма 10 человек из состава 47-го гвардейского полка были представлены к наградам. Я был удостоен ордена Красного Знамени.

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь *Маркин Тимур Романович*, студент 4-го курса Московского государственного строительного университета

Щеглов Николай Николаевич

САМОВОЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Я родился 29 сентября 1922 года в городе Черемхово Иркутской области...

Обычно так начинаются автобиографии. Впервые я писал автобиографию, когда вступал в комсомол. Она была очень коротенькой, и я все спрашивал, что еще написать.

Моя мама, Щеглова (Гронкевич) Бронислава Осиповна, родилась и жила в Варшаве. Но сложилось все так, что с 1905 по 1917 год она была на каторге в Сибири. Двое ее детей остались в Польше. После каторги мама пыталась вернуться в Польшу, но это ей не удалось.

С моим отцом мама не регистрировала брак, и однажды, узнав о его измене, ушла от него, еще до моего рождения. При рождении мама записала меня русским. Она очень боялась, что, если я буду говорить по-польски, то это помешает мне в жизни, и даже не пыталась учить меня своему родному языку. По вероисповеданию была, вероятно, католичка, но я ни разу не видел, чтобы она молилась или ходила в костел или церковь. Я вырос атеистом и до сих пор не могу считать себя верующим.

В 1933 году мы переехали в Подмоскowie. В 1936 году мама поступила на работу в дом отдыха «Дубки» Звенигородского района. Там, в семилетней школе деревни Собакино, я завершил свое непол-

ное среднее образование, неоднократно прерывавшееся из-за многочисленных наших переездов.

В 1938 году я поступил учиться в 65-ю среднюю школу города Москвы, куда каждый день ездил на поезде по два часа в одну сторону. Уроки учил дома по вечерам или в поезде, забравшись на самую верхнюю полку плацкартного вагона. В 1938 году меня приняли в комсомол.

В 1939 году я поступил учиться еще и в аэроклуб, находившийся недалеко от военной академии им. М.В. Фрунзе, в приспособленной для занятий по изучению авиационных двигателей и самолетов бывшей церковной обители. Занятия проходили по вечерам 3-4 раза в неделю.

Как — то осенью 1940 года меня вдруг вызвали с уроков в кабинет директора школы. В кабинете сидел военный средних лет. Когда мы остались одни, он попросил меня подписать обязательство не разглашать то, о чем пойдет разговор, и предложил уйти из школы и аэроклуба и перейти учиться к ним на полное государственное обеспечение (куда — не сказал). Мне дадут высшее образование (какое — не сказал) и еще какую-нибудь специальность (портной, водитель, ювелир). И все это при условии, что мама письменно согласится видиться со мной только во время каникул, где я буду учиться...

Мама не согласилась. Она все еще надеялась вернуться в Польшу и не хотела уезжать одна.

Начался 1941 год. Приближались выпускные экзамены в школе и тренировочные полеты в аэроклубе.

В июне начались экзамены. Последним был немецкий язык — 19 июня, а 21-го, в субботу, назначили выпускной вечер. Отгуляв, натащавшись, мы — три бывших десятых класса, уже на рассвете 22 июня вышли из школы, и пошли на Красную площадь. Школа была на 2-й Извозной улице, рядом с Дорогомиловским рынком. Пешком, мимо Киевского вокзала, по Бородинскому мосту, по Арбату, через Манежную площадь, счастливые, пришли мы к мавзолею Ленина, к Василию Блаженному, к Минину и князю Пожарскому, к Спасской башне...

Там я впервые осмелился поцеловать любимую мою одноклассницу. И мы обещали, что будем обязательно вместе, когда я стану лётчиком ...

Домой я возвращался на первом поезде. Ехал и пел, лежа на своей верхней полке!..

Утро 22 июня было безоблачным, жарким.... Разве я знал, что там, далеко на Западе, уже идёт война, гибнут наши люди, когда свернулись калачиком, заснул дома, укрывшись лишь одной простынёй...

Мама рано ушла пропалывать какие-то посевы, она работала на огороде подсобного хозяйства...

Когда по радио выступил Молотов, мама прибежала домой и стала меня будить «сынэчка, вставай!» Она так иногда с акцентом называла меня. Я открыл глаза, повернулся к ней. И сразу пропал сон! Я увидел свою маму, сдерживающую рыдания, всю залитую слезами. Крепко прижав мою голову к своей груди, она сказала: «Сынэчка, война...»

Так я от единственного родного в этом мире, самого дорогого мне человека, услышал это страшное слово: «Война!..»

Я вскочил. Что делать?! Куда идти?! И решил, что должен ехать на аэродром. Быстро одевшись, чуть успокоив маму, я побежал на станцию Толстопальцево, чтобы доехать до станции Суково, где был наш аэродром (теперь это станция Солнцево Киевской железной дороги).

На аэродроме уже были некоторые курсанты и инструкторы. По указанию командования мы переоборудовали помещение какой-то артели, находившейся поблизости, в казарму, где и разместились.

С 25 июня уже начались полеты с инструкторами. Чуть светало — мы были около своих «У-2», драили их, готовили к полетам. Тут же зубрили теорию полетов, изучали устройство и работу мотора. Но мысль была только одна: успеть бы сесть самому на боевой самолет, чтобы бить этих немцев. Нам говорили: будем бить врага на его территории, и тройным ударом на его удар. Но шли дни, приходило какое-то отрезвление от сводок Совинформбюро. Почему сдали Минск? Почему немцы не остановлены и так быстро идут по нашей территории? Ответов никто не давал. Да и вопросов таких никто не задавал вслух...

Ровно через месяц после начала войны немцы прилетели бомбить Москву, поэтому командование решило эвакуировать наш аэродром в город Михайлов под Рязанью. Нас разместили в монастыре. Спали на двухэтажных кроватях. Сразу начались полеты, и никакой строевой — только полеты, взлет-посадка, разбор ошибок.

А Совинформбюро все больше и больше вещало плохие новости: наши войска все оставляли города и поселки, железнодорожные узлы и речные переправы. Письма от мамы и любимой не приходили. Да и нам писать было нечего. Настроение было гадкое, хотелось скорее пересест с У-2 на истребитель — и в бой!

Особенно запомнились вечера перед сном. Вдруг кто-то приятным юношеским голосом запевал какую-то совсем не радостную песню...

громадный купол монастыря забирал этот голос, усиливал его и опускал к нам оттуда, будто с небес. Чудилось, что кто-то приглашает нас — оттуда, сверху — поддержать этот голос. И без всякого дирижера сотни разных звонких и глухих голосов вступали в этот мужской хор. И монастырь плакал вместе с нами в ответ. Лились «Меж крутых бережков затерялся», «Когда я на почте служил ямщиком» или еще что-то сжимающее сердце, напоминающее о доме, о маме, о любимой. Невольно навораживались слезы, и плакать не было стыдно. Каждый думал о своем, и не видел вокруг никого, будто был один в этом рыдающем монастыре. Начальство нам не запрещало петь.

Было начало октября. Наступили экзамены. Мы должны были летать одни — правильно взлететь, выполнить фигуры высшего пилотажа, аккуратно посадить самолет, зарулить на стоянку и сдать задания по теории. Нам уже сказали, кто сдаст на «отлично» — будет направлен в истребительное училище, а кто с грешками — в бомбардировочное. «Посредственно» не ставили, надо было пересдавать. Я сдал все на «отлично» и готовился стать истребителем.

Где-то в середине октября нас привезли в Москву. И первым делом с моим другом Колей Овчинниковым пошли в свой аэроклуб. Боже, что мы там увидели.... Все двери были раскрыты, а некоторые сорваны с петель, моторы разобраны, на полу валялись затоптанные, а где и разорванные личные дела наших курсантов. Что-то мы узнавали: фотографии, автобиографии, какие-то справки. Бумаги разносило сквозняком по двору, по улице.

Наступило 19 октября. Москву объявили на осадном положении. Везде ходили патрули. Был приказ: дезертиров и мародеров расстреливать на месте.

Фрунзенский райвоенкомат выдал нам справки, что мы оставлены в г. Москве до особого распоряжения как кандидаты в авиаучилище. А военком на сборе сказал примерно так: «Вы знаете, что у царя были юнкера. Так вот вы — надежда товарища Сталина, вы советские юнкера!» и мы ездили в военкомат получать пайку хлеба, а редко и еще что-то, но не имели права куда-то уезжать. За Москву шли бои насмерть, я ходил в гражданке и просился послать меня на фронт хоть в пехоту. Мне отвечали, что вы летчики, наша элита, наша надежда и ваше время еще впереди.

Так нас держали, пока не стало ясно, что Москве ничего не угрожает, а 24 февраля 1942 года направили как курсантов в Вольское авиаучилище. Целый месяц был карантин. Меня назначили старшиной учебно-летной роты. Только начались занятия, как в начале мая

всё училище вдруг построили и объявили, что фашисты не дают нам возможности дальше учиться и пришло наше время остановить их. Нас, курсантов училища, вооруженных одной винтовкой на трех-четыре человека, вывезли эшелонами куда-то в степь, а потом пешком направили на фронт. Недалеко от фронта нам объявили: обстановка сложилась так, что придется с ходу встретиться с немцами и оружие добыть в бою.... После этого боя нас осталось очень мало...

Знания у нас были — все окончили среднюю школу, а многие и 1-2 курса института, к тому же все закончили аэроклуб, а воинских званий — никаких. И нас тут же разобрали: кого-то писарями, кого-то заведующими складами, кого-то ординарцами, кого-то на другие должности. И только в конце сентября некоторых направили учиться, но не в летные училища, а на курсы младших лейтенантов 1-й гвардейской армии.

Эти занятия часто были просто потерей времени — для нас курсы мало что давали. Они были рассчитаны на младших командиров, в основном на отличившихся в бою, имеющих начальное или семилетнее образование, чтобы быстро подготовить младших лейтенантов.

Занятия, как правило, вели офицеры после госпиталей, как бы временно отдыхающие или отличившиеся в боях. Тогда младших офицеров готовили в училищах из имеющих семилетнее образование. Иногда бывали просто казусы.

Помню, гвардии старший лейтенант, награжденный орденом Красной Звезды и направленный сюда после госпиталя, пытался нам объяснить, как подготовить данные для артиллерийской стрельбы. Еле выговаривая совсем не понятные для него самого слова, он объяснял примерно так: «Вот если вы умножите на синус (он сделал ударение в этом слове на втором слоге), то получите...». Тут Коля Офицеров, бывший чемпион по боксу среди юношей Москвы, спросил: «Товарищ гвардии старший лейтенант, а что такое синус?»

Совсем неглупый, чуть старше нас старший лейтенант не стал хитрить. Помолчав, сказал: «Ребята, вы же грамотнее меня. Я не знаю, а программу надо выполнять. Так вот, Коля, ты веди занятия. Но чтобы все было тихо. Идите вон в те камыши, а я пойду, тут есть хорошая молодая казачка»...

Выпустили нас в конце декабря. Всем бывшим курсантам летного училища сразу присвоили звания гвардии лейтенантов. Тут-то и пришел конец, нам, летчикам. Всех разбросали по разным частям. Меня направили в 60-ю гвардейскую дивизию. Я попал в 185-й гвар-

дейский полк, позже получивший звание Берлинский, сначала офицером связи потом начальником трофейной команды.

Когда формировали 525-й армейский минометный полк 120-мм минометов, меня направили туда. Командир полка майор Павловец выстроил молодых офицеров и с каждым о чем-то беседовал. Я был в летной фуражке. Он меня вывел из строя и, когда всем разрешил разойтись, подошел ко мне. Первый вопрос был: почему я нарушаю Устав? А я упорно не хотел расставаться с мыслью об авиации и, несмотря на выговоры, твердил, что я летчик и не могу снять фуражку. Разговор затянулся. Видимо я ему чем-то приглянулся. Он спросил, знаю ли я, что в полку есть начальник штаба, а у него, командира полка, есть ординарец? И ординарец чистит ему сапоги, готовит кушать, убирается в землянке, и.... А вот я, он сказал, буду начальником его личного штаба. «Понимаешь?» Я сказал, что не понимаю. Тогда он заявил: «Научу!» И моя служба действительно была учебой. Майор Павловец был кадровым офицером, служил унтер-офицером еще при царе-батюшке, отлично знал артиллерию.

Началось с того, что он давал мне документы, которые приходили в полк, заставлял читать их и спрашивал, что я думаю? Я пытался соображать, что требуют документы, но знаний-то не хватало. Он на что-то говорил «хорошо», «правильно», но чаще называл наизусть страницы Устава, где что надо почитать, что-то объяснял сам.

Около месяца шло формирование полка, и майор постоянно учил меня так артиллерийской науке. Я был постоянно при нем, и все время слышал вопрос: «Как ты думаешь?». И тут же учеба. Сначала мне казалось странным, что он так много тратит на меня времени. Но вскоре все стало понятно. На каждый документ я писал проект приказа по полку или проект ответа, и ему оставалось что-то исправить, дополнить. У командира полка высвобождалось много времени на другие дела, которые, кроме него, никто не мог сделать. За это он меня хвалил или злился, напоминая, какой пункт из Устава я забыл. Было у него слово-паразит «обормот». И от того, в каком тоне он его говорил, было оно или похвалой, или укором.... С подчиненными командир был довольно строг, но справедлив, скуп на похвалу. Я должен был обязательно записать: что, кому он приказывал или советовал, и когда должны были ему доложить о выполнении. А вечером просил напомнить ему, что записано, и приказывал, кому и что от его имени передать или проверить мне самому. Все это было для меня изумительной школой войны прямо на войне.

Разбирая какие-то случаи, он всегда спрашивал: что я думаю, как бы я поступил, почему? До сих пор помню его наставления: «Никогда не думай, что немцы дураки! Они лучше нас готовились к войне, у них большой опыт и, если хочешь их победить, оцени обстановку и представь себя на их месте: как бы ты поступил?». Когда, уже в бою, мы были с пехотой, он, управляя огнем, часто спрашивал меня, где бы я на месте немцев нанес удар, где бы сосредоточил резерв, где бы прятал танки? И тут же объяснял, как он думает и почему. Служба у майора Павловца была для меня огромным счастьем. Его житейская мудрость, отличное знание дела, научили меня многому. Только теперь я по-настоящему понимаю, что именно это, наверное, спасло меня в войне, потому что Павловец научил меня думать и поступать, как он...

Где-то под Житомиром ему присвоили звание подполковника и, к сожалению для меня, взяли в армию начальником артиллерии. Обещал меня взять с собой, но что-то помешало. Новый командир полка приехал со своим адъютантом. Мне предложили идти командиром батареи. Но я решил остаться в разведке. Здесь успех зависит от тебя самого: получил приказ, решай, как выполнить. А в батарее отвечать за каждого заряжающего, часто вести бой и не знать его результата.... И меня перевели в 316-ю стрелковую Темрюкскую дважды Краснознаменную дивизию, в 857-й артиллерийский полк начальником разведки дивизиона.

С этой дивизией я прошел путь до конца войны. Здесь в 1944 году меня приняли в партию, наградили двумя боевыми орденами: Отечественной войны 1 степени и орденом Красного знамени.

Детям и внукам я рассказал, за что мне дали награды. Читатель может обратиться к воспоминаниям «Форсирование Дуная» и «Как мы «брали» гору Шашхедь».

Мне очень дороги первые две медали «За отвагу». Офицерам редко давали такие медали. О них, может, еще когда-нибудь расскажу. Есть у меня еще немало медалей и знаков, как у многих ветеранов. Одна из них тоже очень для меня ценная: «За взятие Будапешта».

Дальше мой путь шел по Украине.

В составе 1-й гвардейской армии в январе 1944 наша дивизия освобождала г. Житомир, в январе-феврале — г. Любар, в марте — апреле — города Проскуров и Черновцы, в мае-июле — города Чортков и Ягельница.

В составе 38-й армии освобождали г. Львов (в июле — августе), вели бои в Польше в августе-сентябре 1944 года.

После доукомплектования под городом Рава Русская, в октябре 1944 года, по железной дороге дивизию передислоцировали в Венгрию в состав 46-й армии, где в декабре 1944 г. форсировали Дунай, взяли Будапешт (13 февраля 1945 года). Нашему 857-му артполку присвоили звание Будапештский. В марте 1945 вели бои у озера Балатон.

В составе 27-й армии в марте-апреле 1945 года мы принимали участие в Венской наступательной операции, освободили г. Залаэгерсег. Дальше преследовали отступавших немцев, вышли на реку Мур и к городу Грац, где встретились на демаркационной линии с английскими войсками 8-10 мая 1945 г.

В июле 1945-го я вернулся в СССР.

В районе г. Могилев-Подольский наш артполк был преобразован в 502-ю артбригаду, расположившуюся в селе Дзыговка. Я был назначен на должность адъютанта старший отдельного учебного артдивизиона бригады.

В авиацию меня по здоровью уже не могли отправить, и я настоял на демобилизации. Приказом Прикарпатского Военного округа № 01084 от 19 августа 1946г. пункт № 258 меня уволили в запас.

Не странно ли, что увольнение в запас из учебного дивизиона как бы предопределило всю мою дальнейшую жизнь на гражданке? Вернувшись домой, я женился и стал работать воспитателем в детском доме «Дубки», там, где мы жили с мамой. Жена, Евгения Леонидовна, работала в пекарне и получала небольшую зарплату.

В сентябре 1947 я поступил учиться в Московский институт пищевой промышленности. Но 24 марта 1948 г. прямо в институте у меня произошло прободение язвы 12-перстной кишки и в институте им. Склифасовского срочно сделали операцию — резекцию желудка. Был молод, выжил. Однако ВТЭК признала меня инвалидом Отечественной войны 2 группы без права работать и даже учиться. Еле-еле со слезами мне удалось убедить комиссию, что я должен хотя бы учиться. Ведь у нас с женой на иждивении были мама-старушка и маленькая дочь Лара (1946г.), а у меня никакой гражданской специальности.

В виде исключения мне разрешили учиться в Московском городском учительском институте, где срок обучения был всего 2 года. Окончив институт в 1950 году, я был назначен директором Зайцевской семилетней школы, где мы жили, и стал я работать учителем физики и математики. В 1958 году заочно окончил Московский областной педагогический институт, где остался на должности заместителя декана. В 1961 году перешел на работу в Московский филиал Киевс-

кого института гражданской авиации, работал в должности старшего преподавателя. С 1967 г. — старший инспектор Министерства просвещения СССР. С 1969 г. — директор школы №805 г. Зеленограда, директор школы №923 в Москве, а с 1980 по 1993 г. — старший методист Отдела учебных заведений Министерства приборостроения. И сейчас я еще работаю учителем физики в школе № 144. В общем, вечный учитель.... Люблю работать с молодежью, она не дает отставать от жизни, а сама работа не дает болеть, надо вставать, идти на уроки, хотя порой болят ноги, столько прошедшие в боях и после...

У меня трое детей (двое из них имеют уже своих внуков), все с высшим образованием; пять внуков и два правнука. И для всех я был не только отцом и дедушкой, но и учителем физики и математики. И сейчас помогаю, кому нужны мои знания. Уже и правнуку Артему помогаю понять математику 2-го класса.

Никто из родственников в войну не погиб — их просто у меня не было (лишь одна мама).

А вот о ранениях говорить нечего. Не было их. Лишь однажды меня засыпало землей от недалеко разорвавшейся авиабомбы в Польше. Мне было как-то неловко, когда на встречах однополчане говорили, сколько они провалялись в госпитале, как еле выкарабкались, чуть ли не с того света.... И однажды, прочитав стихи Александра Твардовского, я понял, что это про меня.

«Я знаю, никакой моей вины,
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе -
Остались там. И не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь —
Речь не о том, но все же, все же...»

Были публикации обо мне в газетах. Впервые в мае 1941 года в газете «Комсомольская правда» № 65, статья «Выпускники». Этот кусок газеты я пронес через всю войну. Сейчас он как реликвия хранится в музее боевой славы 316-й дивизии в школе № 1243 г. Москвы, расположенной по адресу: Среднекисловский переулок, д. 8/12 (директор школы Нина Ивановна Тимонина). Были заметки во фронтовой дивизионной газете «Путь к победе» № 5 за 9 января 1945 г. (Заметка «Привезли «языка» на трофейной машине» капитана М.Олейника) и другие, они тоже в музее.

В октябре 1986 г. в газете «Ленинское знамя» Южной группы войск — статья корреспондента газеты А. Крохмалюка «Вспомним мы пехоту». В тот год мы, ветераны 316-й дивизии, посещали места боев в Венгрии, и я был в гостях у сына — капитана Щеглова Н.Н., который в это время служил в г.Будапеште.

И вот в 2001 году ко Дню Победы как продолжение статьи 1941 года был опубликован большой очерк в «Комсомольской правде»-спецвыпуск к 9 мая № 80-П (22545-П) Юлии Кенигсбергер «Он ходил в разведку с «Комсомолкой».

Я пробовал писать и сам: о войне, о нелегкой жизни мамы, о своей жизни, пытался узнать историю жизни родителей моих и моей жены.

Форсирование Дуная

Когда мой сын, подполковник Российской армии Щеглов Николай Николаевич (1959 г.р.), заканчивал Военную академию им. М.В. Фрунзе, у него по учебному плану было знакомство с работой Центрального архива Министерства обороны в г. Подольске под Москвой. Я попросил, если возможно, посмотреть мое личное дело и прочитать материалы на награждения. (У меня два боевых ордена и две медали «За отвагу».) Он даже выписал все.

Содержание этих материалов меня очень удивило — все было так далеко от фактических обстоятельств, в которых происходило то, за что я награжден. Однако, поразмыслив, я согласился, что по-другому, наверно, и не могло быть. Действительно, кто писал наградной материал? где? Конечно, не командир отделения, взвода, роты, батареи или старший командир, которые могли присутствовать при этом или опросить тут же очевидцев. Писали в штабе батальона, дивизиона, полка. Это или политработник, или просто умеющий гладко писать кадровик, писарь. Что они могли написать, с чьих слов?! Ведь каждая медаль, тем более орден, имеют статус: за что именно можно наградить этой медалью, этим орденом. Поэтому иногда, как мне еще на войне говорили, приходилось что-то просто приписывать, придумывать, чтобы именно этот орден дали. Не секрет, что за проведение какой-то успешной операции часто просто сверху «спускали» разнарядку, сколько можно (да и кому по национальности) в полку, в дивизии, например, дать звание Героя Советского Союза, сколько орденов Ленина, Красного Знамени и т.д.

Вот это и подтолкнуло меня написать, как было на самом деле там, за что меня наградили орденом Отечественной войны I степени.

... После форсирования рукава Дуная Чепель-Дунааг и овладения северо-восточной и южной частями острова Чепель в ноябре 1944 г., наша дивизия готовилась форсировать Дунай в зимних условиях. Готовились и немцы — укрепляли свой высокий берег. У них была задача любой ценой сохранить Венгрию в союзниках, не допустить нас в Будапешт. А он был перед нами на севере, примерно в 10 км. Но главное, что нас останавливало, — был зимний Дунай. Лед на реке не мог выдержать переправу ни техники, ни людей.

Ждали приказа. Артполк готовился форсировать Дунай вместе с батальоном капитана Моженко из 1077-го стрелкового полка. Моженко к тому времени уже был признан бесстрашным, умелым командиром.

... Где-то во второй половине дня 4 декабря 1944 г. меня срочно вызвали в штаб полка и приказали подготовиться к форсированию реки в составе группы из трех человек: радист, разведчик и я. Конечно, предупредили, что об этом никому не говорить. Из радистов я решил взять сержанта Корнеева Сергея, хорошо владеющего рацией. Это был мой земляк, призванный из подмосковной Кубинки, надежный, спокойный. С ним я чувствовал себя уверенно в любой обстановке. И, конечно, мой ординарец-разведчик Козловский Леонид, украинец из-под Винницы — молодой, 1926 г.р., быстрый, находчивый, а главное уже не раз проверенный, как говорят, в деле.

Стало темнеть, когда меня снова вызвали в штаб. Разговор был такой: форсирование будет поддерживать дивизион артиллерии РГК (резерв главного командования). Я с данными расположения батарей, с условными позывными (все это мне дадут в планшете, упакованном так, что он не промокнет) переправляюсь как дублер начальника разведки дивизиона РГК на плацдарм, который должен занять батальон капитана Моженко. Сам начальник переправляется вместе с Моженко.

Задание: форсировать реку на левом фланге. Там будет лодка. Явиться к Моженко. Представиться ему и начальнику разведки. Передать начальнику разведки планшет. Оставаться при нем и выполнять его приказы. Когда переправится мой дивизион, приступить к своим обязанностям в дивизионе.

Если не будет у Моженко начальника разведки, то вскрыть пакет в планшете, и, связавшись с батареями РГК, при необходимости вести огонь. Планшет должны скоро принести. Все ясно? Я повторил задание и, позвонив Корнееву, приказал ждать меня, не отлучаясь. Козловский был со мной. Мне сказали, что начальник разведки нашего полка капитан Гнусин и начальник разведки 3-го дивизиона ст. лей-

тенант Кривошапкин будут форсировать реку вместе с Моженко. У них своя задача.

Мы ждали. Было тихо. Надвигалась темнота. Часто в такие минуты тебя охватывает какая-то непонятная дрожь. Причем она где-то внутри, и ты не в силах с ней справиться. Как долго это было?

...Вдруг по штабу стали быстро ходить, что-то говорить почти шепотом... Потом кто-то сказал вслух: «Форсирование началось!» Я подбежал к начальнику штаба. Он без слов просто развел руками... Планшета нет...

...Вскоре до нас стали доходить звуки, прервавшие гнетущую тишину. Сначала это были одинокие выстрелы... В штабе беспрерывно звонили телефоны, радисты кричали кому-то: «Повтори! Плохо слышу! ...Прием!» Постепенно нарастая, отдельные звуки стали превращаться в гул: выстрелы орудий, разрывы снарядов, пулеметные и автоматные очереди...

... Я ждал планшет... Мне казалось, что время бежит, как стрелки ходиков, у которых сломался анкер, и под тяжестью гири они крутятся по циферблату за какие-то минуты, пробегая часы. За ними бежали и разные мысли: что я совсем опоздаю, все закончится, и уже не нужно будет форсировать, а просто догонять нашу пехоту...

...Все нарастающий гул там, на переправе стал, давил на мозги и, казалось, время остановилось, и я не двигаюсь, оцепенев... Сколько это все длилось?!

Из этого состояния меня вывел радостный в этой обстановке крик начальника штаба: «Щеглов! На переправу!» Я схватил планшет, забежал по дороге за Сергеем, и мы бросились к переправе.

А там творилось что-то невообразимое. Над рекой висели осветительные ракеты на парашютиках. Было светло, будто это какой-то праздник с иллюминацией. На реке были плоты, лодки... и просто барахтающиеся люди в ледяной воде, кричащие о помощи... Рвались шрапнельные снаряды, посылая в реку осколки, которые рождали гирлянды брызг, светящихся как маленькие зеркальца или бриллианты... Снаряды тяжелых орудий летели, казалось по звуку, так медленно, что их можно было увидеть. Почти беззвучно падая в воду, они вдруг поднимали фантастически огромные столбы вместе с плотами, лодками, людьми. А от нашего берега отплывали все новые и новые плоты с орудиями, лодки с солдатами...

... У той переправы, откуда должны были мы отплыть, долго никого не могли найти. Берег был пуст! Наконец, я увидел майора. Ему было далеко за 40, шел он, немного сгорбившись, был небрит. Я

закричал, что нам надо срочно переправиться! Где наша лодка?! Он остановился, как-то жалостно посмотрел на нас и тихо ответил:

«Не на чем, сынки». Я снова кричал, что мы артиллеристы, что надо нам плыть, что пехота без нас пропадет, что... Наверно, я долго что-то кричал. А он смотрел на нас и будто не слышал ничего... И тут я почувствовал, что мой крик впустую. Его спокойствие подействовало на меня отрезвляюще. Помолчав, я уже тихо попросил его: «Нам надо обязательно быть там. Мы от артиллерии РКГ». Майор так же тихо, спокойно, будто не было этого ада на реке, по-отцовски, стал нас уговаривать... Не знаю, как это объяснить, но мы почему-то стояли и слушали его. А он говорил нам: «Где же вы, сынки, раньше были?! Я вашу лодку отдал. Ты посмотри, что творится на реке? На цельнонадувной лодке плыть — это же точная смерть в ледяной воде. Любая дурная пуля, маленький осколочек — и вы на дне. Нет, война еще не кончилась. Вам Берлин еще брать надо. Вон там, в кустах, осталась такая лодка, может она уже и худая, но я вам все равно ее не дам... Это же послать вас на смерть...». Он еще что-то говорил...

Но мы уже бежали к кустам. Обычно лодки были с отдельными отсеками, один прохудился — держат другие. А этой — достаточно единственной дырочки, и она быстро испустит весь воздух, и тогда мы вместе с рацией...

Мы быстро спустились на воду. Я сел на носу, Сергей посередине, бережно прижимая рацию, а Леня взял единственное двойное весло как на байдарке, сел на корме и стал быстро грести. Не знаю, как ребята, а у меня-была одна мысль — скорее к Моженко!

Многое в жизни, особенно на войне, в экстремальных условиях объяснению не поддается: почему так было?! Вокруг творилось неопишное. То спереди, то сзади, то справа... рвались снаряды, свистели пули. Кто-то истошно кричал, проплывая мимо... А мы плыли и плыли к заветному берегу... Сергей решил сменить Леню. Так они попеременно, изо всех сил, не разгибаясь, гребли и гребли.

До берега оставалось меньше 100 м, уже близко были травяные заросли, затянутые льдом, как вдруг с правого бока откуда-то снизу пошли пузыри. Леня пытался рукой достать и закрыть дырку. Но, чтобы дотянуться, надо было окунуться с головой за борт. Так он и делал: набрав воздуха, он окунался и на какие-то секунды зажимал дырку... Вдох- нырок, вдох- нырок...

Воздух выходил, и лодка худела прямо на глазах... И вот как это объяснить?! Не сговариваясь, мы с Леной выпрыгнули из лодки. К

счастью, достали ногами дно. И буквально на руках уже почти испустившую последний воздух лодку мы вынесли на берег вместе с Сергеем и рацией. У нас была цель — рация и планшет на тот берег.

Без труда нашли Моженко. Он, как и раньше бывало, через рупор кричал всяческие нецензурные слова в адрес «фрицев», обещал похоронить всех их здесь, добить оставшихся в Берлине, и еще многое грозился...

Там, около Моженко, был уже тот капитан, которого мне описали. Я доложил о прибытии, отдал планшет. Сергей с рацией остался при нем, а нас послали «просушиться». Кто-то дал нам плащ-палатку, кто-то сухую рубашку, портянки.

А мы очень долго не могли справиться с своими зубами: даже крепко стиснутые, они так стучали, что для нас заглушали треск пулеметных очередей... И вот еще одно необъяснимое чудо войны — мы не заболели!

...Как потом мне рассказал капитан, он переправился с Моженко, а на правом фланге плыл его дублер, командир батареи. Но он так и не появился.

...Несколько дней приходилось отбивать много контратак немцев. Выдержали. Через день я уже был в своем дивизионе.

Так я форсировал Дунай с 4 на 5 декабря 1944 года. Впереди был Будапешт.

Как мы «брали» гору Шашхедь

Говорят, сколько людей, столько и мнений. Я же не раз убеждался в том, что сколько людей были свидетелями одного и того же события, столько и разных воспоминаний о нем.

Нечто подобное было и с моим «взятием» горы Шашхедь в г. Будапеште. Некоторые такое насочиняли, что диву даешься: ведь я сам ходил на эту гору, отлично помню, что и как было, а они утверждают, клянясь чем угодно, что все было совсем не так. И это одна из причин, заставившая меня решиться рассказать о тех далеких днях. Конечно, и Валентин Павлович, неутомимый председатель нашего Совета ветеранов-однополчан «потребовал» самому «виновнику» этого похода на гору оставить воспоминания. Может, кто-то из наших потомков прочтает, как это было.

Итак, первый дивизион 857-го Будапештского артиллерийского полка поддерживал тогда 1073-й полк, который уже несколько раз

предпринимал попытки взять гору, но безуспешно. Они ходили на штурм только ночью. Отлогая у подошвы гора поднималась к вершине градусов под 45! И немцы, навесив осветительных ракет на парашютиках, как только пехота карабкалась на гору, превращали ночь в светлый день и прицельно сверху расстреливали наступающих. Нам, артиллеристам, стрелять было опасно. Ведь немцы сидели в траншеях на самой вершине — в кратере: любой перелет — и снаряды летели по ту сторону горы, а там наши, потому что гора была окружена. В случае недолета — по своим здесь...

Однако, наблюдая днем, наши разведчики, как правило, не видели ни одного фашиста. К тому же, очень хорошо работали наши снайперы. Ночью же были замечены пулеметы, и мы точно определили, где они находятся.

Тогда-то у меня и родилась дерзкая идея: взять гору днем! А почему бы и нет?! Гора длинная, крутая. Значит, никаких быстрых атак мы предпринять не сможем. Это противник понимает. Снайперы неустанно следят за вершиной — высовываться опасно. Поэтому днем лучше сидеть спокойно, ждать какого-либо шума: ведь любое наше движение обязательно будет услышано. И тут же они займут свои траншеи. К тому же наши штурмовики Ил-2 иногда по несколько раз в день прилетали бомбить и расстреливать гору. И если подготовиться и сразу, как только прилетят штурмовики, быстро пойти на гору! Немцы прячутся, не увидят... И еще один, чисто психологический, фактор. Разумные, трезвые немцы думают примерно так: какой дурак полезет на гору днем? Это верная гибель! Значит, они днем просто отдыхают где-то там, в глубине горы (а там показан на карте кратер), и в траншеях может быть всего несколько наблюдателей, которые боятся высовываться — наши снайперы начеку! И они уверены, что днем никто не пойдет! Вот на этом-то и сыграть! Риск? Да. Но... сколько мы теряем людей в ночных безрезультатных штурмах...

Никому не говоря, я приказал всем артиллерийским разведчикам целые сутки непрерывно наблюдать и записывать в журнал все замеченное. Сектора наблюдения распределил так, чтобы каждый участок смотрели двое. Если один прозевает, другой увидит. Когда я собрал данные наблюдений, то еще больше убедился, что мой план можно выполнить! Я считал, что в течение светлого времени никто из немцев не показывался. А в темноте было засечено два пулемета, которые стреляли кинжальным огнем справа и слева. Еще одни сутки наблюдений полностью меня убедили — можно!

Я пошел к командиру дивизиона майору Барышполлю и все рассказал. Грубый, немного пьющий, он обозвал меня идиотом и заявил, что не хочет терять разведчиков! Через некоторое время я снова повел этот разговор. Но, зная его честолюбие, сказал: «Неужели не хочется славы, а может, и ордена? Пехота сколько раз ходила-не взяла гору. А Ваши артиллеристы взяли!!!» Я быстро рассказал о наблюдениях, о штурмовиках, о том, что я уже говорил с командиром батареи, чтобы он взял на прицел пулеметы и в случае чего поддержал нас орудиями своей батареи. Барышполь согласился!

Со мной пошли трое разведчиков: Козловский Леонид и два москвича — Бадамшин Николай, татарин, отлично стреляющий из карабина, не меняющий его на автомат, и недавно прибывший ст. сержант Лукьянов — тоже Николай.

С Барышполем мы условились: как только пойдем на гору, он тут же позвонит командиру пехотного полка, и солдаты быстро пойдут на гору... Будто по заказу где-то около десяти часов утра появились штурмовики и сделали несколько заходов на гору... И мы пошли по направлению между пулеметами. Минут через 10-15 мы увидели небольшой, хорошо замаскированный окопчик. На бруствере лежит автомат и несколько ручных гранат с длинными деревянными ручками. Отодвинув автомат, я заглянул в окопчик. Там, вытянув ноги, сидел немец и играл что-то на губной гармошке. Он удивленно посмотрел на меня. Я сказал по-немецки: «Ауфштейн!» Видимо, не понимая, что происходит, он спросил: «Вас? Вас?» (Что? Что?). Тогда я по-русски сказал: «Вставай!» — немец тут же потянул руки вверх... Поднимаясь, мы так же вытащили из окопчиков еще двух немцев.

Тут-то я понял, почему немцы днем там, наверху, не высовывались. Эти окопчики были боевым охранением! О нашем наступлении они тут же всех предупреждали бы... Как мы, разведчики, могли не обнаружить это боевое охранение?! Наверное, потому, что они менялись только ночью и весь день сидели тихо. Вдруг я подумал, что же мы делаем: трех немцев тащим туда — к своим?! Я спросил ребят: «Кто поведет немцев к нам?» Тут же вызвался Лукьянов и быстро побежал с тремя немцами вниз...

А мы почти бегом бежали на гору. До самого гребня больше никого не встретили. На гребне опять окоп, уже большой, накрытый чем-то. На бруствере винтовка, много ручных гранат, несколько фаустпатронов. Мы увидели сделанные по всем правилам фортификации траншеи в виде коротких, ломаных линий. Глубокие, почти в

полный рост. И тянулись они по всей вершине кратера горы. А там, внизу, в кратере, я увидел какие-то длинные строения наподобие бараков и кое-где спокойно двигавшиеся фигуры в хорошо знакомых по цвету шинелях...

В окопе сидел немец, вытянув ноги, и тоже играл на губной гармошке. Мысли летели стремительно: что делать? Если я подниму этого немца из окопа, вдруг он закричит или бросится бежать туда, к своим? Или кто-то снизу увидит, что дозорный вылез и пошел в нашу сторону. Может, отправить немца к нам с Леной или Колей и остаться здесь вдвоем?! Мысли бежали, надо было принимать решение...

А мы с немцем смотрели друг другу в глаза. О чем он думал, видя перед собой летную русскую фуражку и направленный на него пистолет? Медлить было нельзя. И я впервые в жизни и единственный раз убил человека в упор тремя выстрелами из пистолета.

Мы впрыгнули в траншею. Переведя дух, огляделись, прислушались. Вокруг было так тихо, что стало не по себе. Я помнил, что разведчики засекли пулеметы, один где-то слева от нас, другой справа. Когда наша пехота ходила на штурм, то особенно часто работал правый. Я сказал Бадамшину, чтобы смотрел туда, на правый пулемет.

Немного успокоившись, я вспомнил, что Барышполь приказал дать какой-то знак, что пехота может идти за нами. В окопе, где лежал немец, я увидел яркий коврик. Леня Козловский подцепил его на винтовку немца и свесил в нашу сторону, вроде «флага». Что делать? Я ожидал, что вот сейчас быстро пойдет на гору наша пехота. Но было тихо с нашей стороны, и там, внизу, где бараки, тоже было тихо. Изредка там кто-то проходил по дорожкам, слабо слышались голоса...

Никто не чувствовал беды... Время шло. Мы тихо сидели, наблюдая за траншеями. Фашисты, уверенные, что боевое охранение сразу даст знать, если что-то вдруг будет, оставили в траншеях лишь этого немца, что лежит сейчас там, в окопе и, как вскоре выяснилось, тот правый пулемет... Я видел, что они буквально за несколько минут могут из бараков занять все траншеи.

Мы смотрели: Леня — влево, Коля — направо, а я все смотрел в нашу сторону. Так хотелось увидеть нашу пехоту.

Вдруг Бадамшин вскрикнул: «Немец!». И стал показывать мне: в той стороне, где мы засекли пулемет, ясно виделась фигура, поднимающаяся в траншею. До немца было метров 250-300. Без приказа Бадамшин вскинул свой карабин и выстрелил. Нам было хорошо видно вдоль траншей, как немец, будто подпрыгнув, упал. Одиночный вы-

стрел, казалось, никем не был услышан. Опять наступила тишина. Там, у бараков, также было тихо.

Время шло, а пехоты нашей не было видно. Что мы могли сделать? Я с пистолетом, Леня Козловский с автоматом, Коля Бадамшин с карабином?!

И снова Бадамшин прервал тишину. Там, у пулемета, видимо, было два человека. Тот, что остался живой, опомнившись от испуга, решил бежать к своим — к баракам, не понимая, кто же убил его товарища?! Пригнувшись, он бежал вниз, петляя по извилистой траншее, Коля выстрелил несколько раз, но было далеко, и немец то поднимался, то, наверное, падал в траншею, бежал вниз...

Когда он прибежал к баракам, начались крики, паника! Все бежали туда-сюда, это напомнило виданный в детстве растревоженный муравейник. Прошло какое-то время, и, видимо, кто-то из командиров принял решение. Паника прекратилась. Разбившись на несколько групп, немцы побежали к вершине горы. Нам хорошо было видно, что у них несколько траншей для подъема наверх и по всем направлениям, пригибаясь, почти бегом, немцы «штурмовали» гору со своей стороны...

Я приказал Лене и Коле отойти подальше от меня, чтобы, стреляя, сделать видимость, что нас много. Мы стреляли и бросали гранаты с деревянными ручками, которые были у окопа, где лежал немец. Конечно, фашисты быстро поняли, что нас мало, и определили где мы. Стали стрелять из автоматов и фаустпатронов, Я видел, как там, справа, где пулемет, змейка из немецких шинелей уже почти достигла горы...

И здесь произошло то, о чем потом рассказали мои разведчики. Фаустпатрон, ударившись в скалу, разорвался где-то рядом, и меня камнем ударило по голове. Я потерял сознание, изо рта потекла кровь. Ребята решили, что начальник разведки убит и надо вытащить командира. Бежать с горы со мной было нельзя. Козловский обхватил меня руками, и мы покатались с горы... Где-то на полпути я пришел в сознание, стал что-то кричать, пытаюсь встать... Но мы долго катились, голова кружилась, и я снова потерял сознание. Встал на ноги только внизу.

Наша пехота медленно поднималась в гору. Но немцы уже полностью заняли свои траншеи. Пришлось прекратить так и не начавшийся штурм.

А у нас произошло вот что: командир дивизиона Барышполь позвонил командиру 1073-го стрелкового полка майору Ледневу уже

после того, когда мы подняли на горе «флаг». Разговор был примерно такой (конечно, с матом): «Вот смотри, мои разведчики взяли гору! Ты сколько раз ходил и не мог взять! Посылай своих солдат, получай гору от меня!» Конечно, Леднев принял этот разговор за пьяную похвальбу. Еще бы, вдруг днем кто-то занял гору!

Сообщил Барышполь и в дивизию, что его разведчики взяли гору. А она, гора, Шашхедь, была бельмом в глазу у всех. Наши войска были где-то у озера Балатон, а тут, в центре Буды, еще сидели немцы...

Весть о взятии горы дошла до армии. И только когда Ледневу свыше приказали закрепить взятие горы, он срочно решил что-то предпринять... Но в каком-то батальоне устроили банный день. Пехота слишком опоздала...

Гора Шашхедь еще долго оставалась «занозой» во взятом нашими войсками Будапеште.

7 февраля 1945 года в оперативной сводке Совинформбюро сообщалось: «В Будапеште наши войска продолжали бои по ликвидации окруженной группировки противника. Упорная битва произошла за гору Шашхедь, господствующую над всей оставшейся в руках немцев частью города. Противник превратил Шашхедь в мощный узел обороны. Опираясь на укрепления, гитлеровцы оказывали ожесточенное сопротивление.

Сегодня наши войска разгромили крупный немецкий гарнизон и овладели горой Шашхедь. В этих боях отличился 1073-й стрелковый полк».

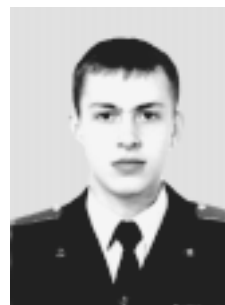
За эту самовольную операцию меня наградили орденом Красного Знамени.

О судьбе ст. сержанта Лукьянова и рядового Бадамшина я ничего не знаю. Козловский Леонид прошел со мной до окончания войны в Австрии. И только в Дзыговке, когда расформировывали дивизию, его отправили на Дальний Восток, где он продолжил службу. В 1952 году Леонид приехал ко мне и просил помочь ему подготовиться поступить в Малаховский физкультурный техникум. Мы занимались русским языком и математикой в течение каникул (я тогда был уже директором школы). В августе Козловский был принят в техникум. Окончив его, поступил в Московский институт физкультуры. Потом снова пошел в армию, уже с высшим физкультурным образованием в офицерской должности. Сейчас сведений о нем не имею.

Конечно, это крохи из того, что хотелось бы написать. Ведь такая долгая, полная и радостей, и горя, веселого и трагичного жизнь еще не прошла, еще идет.... Соберусь ли, хватит ли сил, а главное умения интересно, доступно написать, чтобы кто-то стал это читать.

Вот, кажется, и на все вопросы я ответил, как мог. Хочется верить, что рассказанное кого-то заинтересует. Может, что-то подскажет, чему-то научит. Ведь все люди учатся друг у друга, берут хорошее и стараются не делать ошибок других...

Июль 2003 г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь **Щеглов Николай Николаевич** (внук), выпускник 2003 года Тверского суворовского военного училища

Оргкомитет Академии исторических наук по изданию воспоминаний о войне «От солдата до генерала» в составе:

руководителя оргкомитета Шоля Евгения Ивановича и членов оргкомитета — Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Шиманкина Владимира Васильевича, Шишкина Николая Константиновича **выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:**

— преподавателям факультетов военного обучения: Московского авиационного института (государственного технического университета) — полковникам Пустовалову Геннадию Ивановичу, подполковникам Араеву Сергею Ивановичу, Гладилину Николаю Александровичу, Корневу Олегу Ивановичу, Лопаню Александру Викторовичу, Нектарьеву Андрею Степановичу, Почуеву Сергею Анатольевичу; Московского инженерно-физического института — подполковнику Мальцеву Александру Михайловичу; Московского государственного технического университета им. Косыгина — полковнику Лысаку Сергею Владимировичу; Московского государственного горного университета — полковнику Фурматову Андрею Владимировичу; Московского государственного строительного университета — подполковникам Дроботу Юрию Николаевичу, Шевченко Юрию Анатольевичу, Мурзину Андрею Юрьевичу; Московского государственного университета природообустройства — подполковнику Бобыку Владимиру Владимировичу; а также мастеру Профессионального училища №5 г. Москвы — Миловой Ольге Владимировне.

ББК 13.5.1

О 080

О 080 **От солдата до генерала: Воспоминания о войне.** Том 3. — М.: Изд-во МАИ, 2003. — 636 с.: ил.

ISBN 5-7035-1372-3

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2003 году в рамках целевой программы Академии исторических наук.

В томе представлены воспоминания 50 ветеранов войны - кавалеров ордена Красного Знамени — в авторской редакции.

Книга послужит источником для научных исследований историков, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием, и первые 650 экземпляров каждого тома предназначены для распространения по установленному Академией перечню: 50 — ветеранам — авторам статей, 50 — их помощникам-студентам, 50 — преподавателям. По 4 экземпляра бесплатно передаются в каждый регион России (по одному экземпляру в библиотеки музея, университета, ветеранской организации и главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации). Кроме этого, предусмотрены бесплатные экземпляры для библиотек президентов стран и зарубежных университетов.

Все тома размещаются на Web-странице Академии исторических наук, доступной пользователям бесплатно по сети Интернет по адресу www.kontragent.ru/~ain в любой точке земного шара (в том числе в любой школе, университете, войсковой части) для копирования.

Спонсор издания тома:
Шапошников Юрий Анатольевич, генеральный директор ОАО «Типография МВД»

Мемуары

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 3

Редактор *М.С. Винниченко*

Компьютерная верстка *О.Г. Лавровой*

ИБ № 509

Подписано в печать 26.12.2003 г.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 37,2. Тираж 750 экз. Зак. 2643/1701. С.129.

Издательство МАИ

«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993

Типография Издательства МАИ

«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993

ISBN 5-7035-1372-3

© Академия исторических наук, 2003